

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

786

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ
ПОЗНАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
ФАКТОР НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Труды по философии

XXXII

TARTU 1987

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHIK 786 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ
ПОЗНАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
ФАКТОР НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Труды по философии

XXXII

ТАРТУ 1987

Редакционная коллегия:

Р.Н. Блум, Р.А. Вихалемм (ответственный редактор),
В.В. Зибен, Э.Н. Лооне, Ю.Й. Матьюс, Л.Н. Столович,
Ю.В. Таммару (секретарь).

INSTITUT

Arch.

9327-

ТРИ КОНЦЕПЦИИ ИДЕАЛЬНОГО. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ
МОНОГРАФИИ Д. ДУБРОВСКОГО¹

Д. Матьюс

Монография Д.Дубровского во многом отличается от современных философских исследований. Насколько нам известно, она является первым нашим монографическим исследованием проблемы идеального (в дальнейшем ПИ), и тем самым ее судьбы "предрешена" - она становится классической. Несмотря на характер отношения будущих исследователей ПИ к решению Д.Дубровского, к его монографии будут неоднократно обращаться. Сама монография озаглавлена скромно - только "ПИ", - без претензий на окончательное решение ПИ, которые обычно носят более уверенные заглавия - типа "природа идеального", "сущность идеального", "специфика идеального" и т.д. В то же время заглавие у Д.Дубровского открыто представляет собой цитату из Э.Ильенкова², тем самым являясь и призывом к философскому спору. Значит, Д.Дубровский не только ставит ПИ, но и предлагает, излагает и защищает свое решение ПИ, все время отдавая должное и другим возможным решениям ПИ. К тому же он пишет: "Мы надеемся, что наш подход к проблеме идеального также будет подвергнут строгому критическому анализу. Это будет полезно и справедливо, независимо от того, сможем мы ответить своим оппонентам или нет" (с. 3).

Д.Дубровский хорошо понимает стратегическое значение разработки ПИ, возможных ее решений. В качестве связанных с соответствующими решениями основного вопроса философии они, на наш взгляд, стратегичны в двух смыслах: во-первых, в смысле значения фундаментальных философских решений для самого профессионального мира философии, во-вторых, в смысле значения для нефилософского "жизненного мира". В монографии защищается идея единства и целостности марксистской философии, в некотором смысле искусственно разделенной на части диалектического и исторического материализма, защищается также идея возможности единства и целостности марксистской философии при помощи категории идеального (и смежных ей категорий), обоснованной и содержательно открытой благодаря

такой общенаучной категории, как информация. Идея возможности единого и целостного подхода к ПИ, на наш взгляд, весьма важна и плодотворна для решения некоторых других важнейших философских и мировоззренческих проблем. Например, нередко еще общественное сознание рассматривается в не всякой связи с сознанием индивидуального и конкретного человека, живого человека. Если до "ПИ" Д.Дубровского еще упрекали в том, что он главным образом ориентируется на успехи естественных наук³, то сейчас в связи с упомянутой тенденцией к единому и целостному пониманию идеального и "перенятием" по существу "ильенковской" проблемы - речь идет о проблеме и д е а л ь н о г о, а не сознания! - этот упрек, видимо, снимается. Но тем самым мы входим в проблематику дискуссии по ПИ, для размышлений о которой новая монография предоставит богатейший материал.

Прежде всего автор выделяет существующие у нас основные концептуальные истолкования ПИ. Таких истолкований - три. По первому - идеальное - это отражательная специфика человеческого сознания, возможная только в связи с мозговыми процессами и предметной деятельностью человека, понимаемое таковым преимущественно в гносеологическом, но также и онтологическом аспекте (Копнин, Коршунов, Спиркин, Тихтин). По второму истолкованию - идеальное - это специфика сознания, но сознание идеально только в гносеологическом аспекте, онтологически оно материально (Пономарев, Сагатовский). Если два первые истолкования связывают идеальное с человеческим сознанием, видя в идеальном его специфику, то в третьем смысле идеальное истолковывается в качестве "... всеобщих и необходимых форм духовной деятельности, воплощенных в социальной предметности и социальных отношениях, в общезначимых ценностях, в структурах языка, в логике мышления" (с. 33) (Э.Ильенков, А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов). Разделяя в основном первое истолкование ПИ, Д.Дубровский разрабатывает и уточняет свое понимание идеального именно в споре и полемике с представителями двух остальных пониманий. Но в то же время, на наш взгляд, у этих концепций есть своя логика, наряду со слабыми сторонами имеются и сильные, которые отнюдь не могут быть запросто отвергнуты как не заслуживающие внимания. Поэтому для того, чтобы критиковать то или другое понимание ПИ, прежде всего нужно представить его целиком в его же логике, тем, чем оно является в самом себе и для самого себя. Только в этом случае критика может быть

достаточно обоснованной и убедительной. А пока, к сожалению, критика как второго, так и третьего истолкования ПИ не всегда еще достаточно обоснована и убедительна.

Прежде всего остановимся на втором, т.н. двуаспектном подходе к ПИ. Для начала отметим еще, что представители той или другой философской концепции часто сами не в силах пользоваться всеми логическими, благоприятными для них возможностями своих исходных концепций. В известной мере это относится и к представителям двуаспектного подхода к ПИ.

Д.Дубровский не может принять "второе" истолкование ПИ главным образом потому, что оно "... предполагает "двуаспектное" истолкование материи, а это ведет к весьма сомнительным следствиям" (с. 31). Но, на наш взгляд, следствия эти таковы только в одном случае, только тогда, когда материальное отождествляется с материей. "... материальное есть синоним материи. Здесь не две категории, а одна" (с. 16). В таком случае, действительно, весьма сомнительно утверждать, что сознание "... идеально лишь в гносеологическом аспекте, но материально в онтологическом" (с. 31). В то же время некоторые представители рассматриваемого подхода к ПИ и сами считают сознание в онтологическом аспекте не только материальным, но ... самой материей⁴, что, впрочем, с точки зрения отождествления материального с материей сближает их с Д.Дубровским, но одновременно закрывает им возможности обнаружить подлинную суть этого подхода. Нам кажется, что принятием различия между материей и материальным представителями "двуаспектного подхода" к ПИ им могут открываться не так уж плохие, весьма перспективные возможности для понимания идеального.

На наш взгляд, К.Маркс и Ф.Энгельс, а также В.И. Ленин видели различия между понятиями материя и материальное, не отождествляли их. Или, точнее, они употребляли материальное в различных значениях. Мы бы отметили два основных значения: 1) материальное в субстанциальном смысле - (сделанное) "из материи" -, когда оно тождественно с материей, и 2) материальное в смысле свойства, качества, функции материи - "от материи", "с материей" -, когда оно и то, что им характеризуется отлично от материи как таковой, но объективно и необходимо связано с ней по своему происхождению ("от материи") или существованию ("с материей")⁵. Правда, материальное часто употребляется и в третьем значении, в смысле объективного и необходимого, но это, на наш взгляд, все то

же второе значение, только связь этого материального с материей так сложна и опосредована, что она упущена из виду.

Далее, чтобы понять внутреннюю логику "двуаспектного подхода" к ПИ, мы должны еще кое в чем договориться. С точки зрения марксистской философии существуют вещи, свойства, отношения. Свойства вещей проявляются в отношениях. Вещи не являются своими свойствами, по отношению к любому своему отдельному свойству, в том числе к специфическому, вещь с ним не отождествляется, а относительно от него отличается. К тому же у вещей много свойств, им свойственна многосвойственность.

Обратимся теперь к "вещи" сторонников "двуаспектного подхода" к ПИ. Этой "вещью" является сознание индивидуально-го и конкретного человека. По существу они, разумеется, занимаются "проблемой сознания" как все сторонники "первого" и "второго" истолкования ПИ, а не ПИ. Это существенно.

Сознание при таком "отвлеченном" подходе является "вещью", у которой много свойств, как общих, так и специфических. Оно не сводимо ни к одному своему отдельному свойству, отличается от них относительно, оставаясь самим собой, с о з н а н и е м. Его различные свойства проявляются в различных отношениях к другим "вещам".

Сознание материально, потому что оно по своему происхождению ("от материи") и существованию ("с материей") связано с субстратной материей мозга и всего человека и происходящими в них материальными (в первом значении!) процессами. Но оно не есть материя, или материально в первом значении, а также не сводится к своей материальности (во втором значении). Сознание и д е а л ь н о, потому что оно не есть материя (и материально) в субстанциальном значении и не сводится только к материальности во втором значении, а есть отражение (отображение) прежде всего материально-предметного, а далее и предметного мира вообще, являясь, следовательно, и самосознанием. Но сознание не сводится к идеальному, идеальное не исчерпывает сознания. Это различие между категориями сознание и идеальное хорошо описывается Д.Дубровским: "Можно сказать, что содержание категории сознания обладает более широким и сложным диапазоном, чем содержание категории идеального. Последняя имеет меньше смысловых "измерений", ибо она ориентирована главным образом на фиксацию специфики, уникальности явлений сознания, на то, что служит основанием для их противопоставления объ-

ективной реальности" (с. II). И далее: "Содержание категории сознания этим, однако, не исчерпывается, ибо включает ряд других смысловых "измерений", фиксирующих его общность с материальными процессами, его воплощенность в них, или же образует синкретизмы, в которых сливается собственно идеальное с материальным" (с. II-12). Примерно это и имелось нами в виду, когда мы уточняли возможность употребления сторонниками второго истолкования ПИ понятия материальное в несубстанциальном значении по отношению к сознанию. Именно в этом смысле и называлось сознание материальным. Именно в этом отношении и проявлялось свойство сознания существовать материально. Таким образом, понятия материальное и идеальное по отношению к единому и целостному сознанию оказываются понятиями отдельных свойств сознания. Материальность является свойством сознания, общим для любых "вещей" этого мира, т.е. она не может никак выражать особенность, специфику сознания, потому что в конце концов все "вещи" материальны, в субстанциальном или несубстанциальном значении, но все-таки материальны. Специфическим, или особенным может оказываться только такое свойство, которое уникально для рассматриваемого класса "вещей" и отсутствует у других классов "вещей". Такое свойство и описывается, как превосходно показал Д.Дубровский, при помощи категории идеальное. Специфика сознания обнаруживается в познавательном отношении с предметным миром, прежде всего — но не только — материально-предметным. В то же время эта специфика основана материально. И в действительности такое понимание сознания позволяет сторонникам "двуаспектного подхода" к ПИ включить сознание человека в мир, в то же время сохраняя материальное единство мира, как это понимал Ф. Энгельс⁶.

Понятое таким образом сознание окажется абсолютно отличным от материи, противопоставленным ей в отражательно-познавательном отношении, но только относительно отличным от нее, противопоставленным ей как субстратной материи, основе-материи. Это относительное различие сознания и субстратной материи означает различие в единстве. Единство сознания со своей субстратной материей состоит в его материальности ("воплощенность" сознания в материальных процессах, "синкретизмы" и сливания), но его отличие от нее в том, что оно материально не в смысле материи, а только несубстанциально, акциденциально, т.е. оно материально в известной мере переносно, метафорично, но объективно-необходимым образом. Никакое свой-

ство "вещи" не тождественно с самой "вещью". Такой подход к сознанию, видимо, согласуется с ленинским: "... противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противопоставления несомненна"⁷. Именно "относительность данного противопоставления" "за этими пределами" – например, по отношению к субстратной материи – позволяет называть сознание материальным, а также считать сознание здесь чем-то третьим, соединяющим материальное с идеальным. Никакого третьего не может быть только "в пределах основного гносеологического вопроса". Если исходить из сознания, понятого упомянутым образом, то, на наш взгляд, снимается опасность автономизирования категории гносеологического и онтологического ("... подобные взгляды чрезмерно автономизируют категории онтологического и гносеологического ..." – с. 33). Скорее всего, именно единство и целостность сознания способны обеспечить их диалектическое единство. Мы бы даже вместо сторонников "двухаспектного подхода" к ПИ избегали употребления категории онтологического в наших рассуждениях, потому что очень трудно понять, что кто-то подразумевает под онтологическим, к тому же последнее все время путают с онтическим (онтичным).

Критикуя сторонников "двухаспектного подхода" за "материальность" сознания, критики часто пользуются полемикой Ленина против метафизически-материалистического понимания И.Дидгена "головной работы". И.Дидген писал: "Но и не чувственное представление чувственно, материально, то есть действительно ... Дух не больше отличается от стола, света, от звука, чем эти вещи отличаются друг от друга"⁸. В.И. Ленин прибавляет: "Тут явная неверность. Что и мысль и материя "действительны", т.е. существуют, это верно. Но назвать мысль материальной – значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом"⁹. На наш взгляд, И.Дидген ошибочно считает здесь мысль материальной именно в субстанциальном смысле, т.е. считает мысль материей, потому что уподобляет дух столу, а материальное определяет через чувственное, что возможно только по отношению к материи, но не материальному в несубстанциальном смысле. Между тем только в этом смысле могли бы сторонники рассматриваемого подхода к ПИ называть сознание материальным, но, к сожалению, у них есть явная

тенденция отождествлять материальное с материей, что во многом облегчает их критику противниками. Впрочем, о том, что возражения В.И. Ленина И.Дицгену не могут быть успешно использованы против полностью понимающего свою возможную логику "двухаспектного подхода", свидетельствует и следующее разъяснение В.И. Ленина: "Неправильно выраженная мысль Дицгена состоит в том, что и различие материи от духа относительно, не чрезмерно ..."¹⁰. Здесь прямо сказано, что 1) впереди под материальным подразумевалась материя, а мысль нельзя назвать материей, и 2) в то же время "различие материи от духа относительно, не чрезмерно", что и позволяет называть дух (сознание) материальным в несубстанциальном смысле. Все сказанное здесь в дальнейшем В.И. Лениным не раз подтверждается: "Что в понятие материи надо включить и мысли, как повторяет Дицген в "Экскурсиях" (стр. 214 цит. кн.), это путаница ..."¹¹; "За этими (гносеологическими - Ю.М.) пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой"¹²; "Различие идеального от материального тоже не безусловно, не *überschwenglich*"¹³. И т.д.

Описанная ленинская тенденция понимания сознания, или духа только в относительном различии от материи свойственна, на наш взгляд, и К.Марксу. Четко она проявляется в определении сознания: "Сознание (*das Bewußtsein*) никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием (*das bewußte Sein*), а бытие людей есть реальный процесс их жизни"¹⁴. Не вдаваясь в подробности, отметим, что сознание определяется как особенный способ, особенная форма бытия. Оно - маргинальное бытие, но все-таки бытие, следовательно, с бытийными характеристиками, включающими его в материально единый мир. Идеальное как специфическое, уникальное свойство сознания, напротив, К.Марксом четко определяется в отражательно-познавательном отношении: "Для меня ... идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней"¹⁵.

Если сейчас обратиться к идеальному как таковому, в чистом виде, с точки зрения его "существования", "бытия", то получится поучительная диалектика, наглядно демонстрирующая сущностную невозможность рассматривать идеальное в качестве чего-то автономного, самостоятельного, независимого, и в то же время демонстрирующая также и сущностную необходимость

рассматривать его в связи с сознанием, в качестве специфического свойства которого оно только и приобретает подлинное существование, или бытие. Тем самым становится понятным, почему "двуаспектный подход" к ПИ все же важно начинать с проблемы с о з н а н и я.

Вопрос, следовательно, в том, существует ли, есть ли идеальное. Возможны, видимо, три ответа. Если да, то идеальное может существовать, быть, или как другая субстанция рядом с материей, что монистической материалистической философией, разумеется, отвергается, или - во-вторых - как-то "материально". В-третьих, остается возможность, что идеального нет, оно не есть, не существует. Для материалистической философии в очевидности приемлемы две последние возможности.

В.И. Ленин писал: "В мире нет (не есть, не существует - Ю.М.) ничего, кроме движущейся материи..."¹⁶. Значит, бытие, или существование - это материя. Нет в мире ничего, кроме материального бытия, или существования. Это положение подтверждалось также К.Марксом, по которому и сознание является бытием, осознанным бытием. Если в марксистской философии речь идет о бытии или существовании, то она идет только о материальном бытии или существовании. Но есть или существует не только материя, а также любое ее свойство, потому, что бытие или существование свойственны и свойствам материи. Значит, если идеальное есть или существует, то оно в действительности может быть или существовать только "материально". Единственно это возможно в качестве специфического свойства сознания, понятого, в свою очередь, как свойство своей субстратной материи, т.е. материально. Идеальное окажется свойством свойства. И в этом смысле идеальное есть, существует, когда оно материально, но в то же время сущим, существующим материально оно больше не есть, не существует идеально. Следовательно, идеального нет, оно не есть, не существует, когда есть, существует материально, но в то же время сущим, существующим идеально оно не есть, не существует материально, т.е. не есть, не существует, с точки зрения марксистской философии, вообще. Диалектика эта непоколебима и поучительна: идеальное как т о л ь к о идеальное не есть, не существует вообще, а идеальное в качестве и материального есть и не есть, существует и не существует. В таком смысле оно всегда и навсегда недостижимо и достижимо: достигается оно только материально, но тогда оно больше не

идеально, идеальное это уже неидеальное. Идеального как только идеального в мире на самом деле нет. Оно есть, существует только несущим, несуществующим, но сущим, существующим оно не есть, не существует, его нет.

Подведем сейчас некоторые промежуточные итоги.

На наш взгляд, подлинные возможности "двуаспектного подхода" к ПИ были давно подсказаны некоторыми нашими философами, когда они подчеркивали, что материальное не тождественно материи (Т.Лойт, М.Макаров, С.Мелюхин, И.Нарский, М.Руткевич). Но "двуаспектники" не сумели воспользоваться "предложенными" возможностями. Так, И.Нарский писал: "Сознание материально, ибо оно есть продукт материи, и оно же идеально, ибо оно глубоко отлично от производящей его материи, которая определяется через отношение порождаемого ею этого своего продукта. Материя порождает сознание как свой материальный и нематериальный продукт. Материальное есть и не есть материя"¹⁷. Д.Дубровский спрашивает: "Однако остается все же неясным, в каком смысле "материальное... не есть материя". Ведь это означает, что материальное не является объективной реальностью и, значит, материальное есть идеальное. Но как тогда обособить в данном отношении материальное от идеального?" (с. 15). Ответ, на наш взгляд, И.Нарским был дан: материальное не есть материя, когда оно относится к сознанию. По этой логике были предданы и ответы на другие вопросы Д.Дубровского. Так, сказанное И.Нарским действительно означает, что материальное не является объективной реальностью, потому что по ленинскому определению категории материи объективной реальностью является только сама материя, а не "материальное". Сознание, как материальное, разумеется, не есть объективная реальность, потому что является с у б ъ е к т и в н о й реальностью, как это и обосновывается Д.Дубровским. Но в то же время оно является субъективной реальностью объективно-реально, или сознанием — материально. И "обособить в данном отношении материальное от идеального" в действительности трудно, и, на наш взгляд, не нужно, потому что речь идет об отношении сознания к своей субстратной материи, в котором сознание — материально в несубстанциальном смысле. Речь идет об их единстве. Идеальное от материального легко обособить, когда рассматриваем само сознание в отражательно-познавательном отношении к материально-предметному внешнему миру. Тогда проявляется идеальное — свойство сознания как материального свойства субстратной материи отражать-позна-

вать материальное в смысле материи.

Кажется, вопросы эти, только что изложенные нами, могут возникнуть только тогда, когда материальное целиком и полностью отождествляется с материей, объективно-реальное — с объективной реальностью, а идеальное — с сознанием, что нередко делается и сторонниками "двухаспектного подхода" к ПИ. На наш взгляд, это — все разные вещи. И в связи с этим еще раз возникнет проблема, насколько оправдано переименование основного вопроса философии, "конкретизация" его материалистического решения. Любые переименования, "конкретизации" формулировок выражают лишь "недовольство" ими, то, что они такими не "работают". Случается это и с основным вопросом философии в формулировке Ф.Энгельса. Так, Д.Дубровский пишет: "Формулировка основного вопроса философии имеет разные терминологические выражения, но суть его в том, что первично и что вторично: материя или сознание, мышление или бытие, дух или природа, материальное или идеальное (см. I, т. 21, с. 282-283)" (с. 8). Мы смотрели, но нам никак не удалось удостовериться, чтобы Ф.Энгельс на указанных страницах и вообще где-то и когда-то об основном вопросе философии терминологически выражался как о вопросе первичности и вторичности материального и идеального. У него речь идет или о мышлении и бытии, или о духе и природе, или о мышлении и материи. Насколько нам известно, В.И. Ленин также никогда не формулировал основного вопроса философии иначе, чем Ф. Энгельс. И это не совсем случайно. Ф.Энгельс сразу и не напрасно после изложения основного вопроса философии в упомянутом виде предупредил: "Ничего другого первоначально и не означают выражения: идеализм и материализм, и только в этом смысле они здесь и употребляются. Ниже мы увидим, какая путаница возникает в тех случаях, когда им придают какое-нибудь другое значение"¹⁸. В.И. Ленин повторяет эту мысль¹⁹. Следовательно, когда материализм, например, определяется на основе первичности материального по отношению к идеальному, тогда может возникать "путаница". Возникают серьезные сомнения в том, являются ли материальное и идеальное вообще основными категориями марксистской философии. Поэтому при рассмотрении ПИ, на наш взгляд, нужно всегда исходить из факта сознания, проблемы сознания "самих действительных живых индивидов" (К.Маркс). Иначе это в марксистской философии не мыслимо. При рассмотрении ПИ всегда, как мы видели, будет присутствовать проблема сознания, и к

тому же как проблема его материальности. И если она, эта проблема, так настойчиво присутствует, то за этим может скрываться только объективность и необходимость положительного решения.

Возможно, что у "двуаспектного подхода" к ПИ, разработанного в смысле своих диалектико-логических возможностей, в свое время подсказанных И.Нарским и др., больше, чем у других подходов, шансов называться именно диалектико-материалистическим. В некотором смысле этот подход окажется "средним" между первым, представляемым самим Д.Дубровским, и третьим, представляемым Э.Ильенковым, истолкованиями ПИ. Им в гегелевском смысле "снимаются" как недостатки, так и достоинства обоих других подходов. И, может быть, у этого подхода больше всего шансов называться не только марксистским, но и марксистско-ленинским, потому, что в нем взгляды К.Маркса и Ф.Энгельса на ПИ диалектически соединяются с ленинскими. Во всяком случае, думается, это по меньшей мере означает, что философская критика "двуаспектного подхода" к ПИ в его развитом виде в дальнейшем должна быть более глубокой и точной, более аргументированной и находчивой. Ведь у него еще найдутся свои новые ахиллесовы пятки.

Хорошо известна полемика Д.Дубровского по ПИ с Э.Ильенковым, которая теперь продолжается и в новой монографии. Д.Дубровский дает взглядам Э.Ильенкова на ПИ следующую философскую оценку: "Для нас "идеальное", существующее "вне головы и вне сознания людей", есть либо материальное, либо гегелевский абсолютный дух" (с. 40). В общем-то из этого можно заключить, что в ПИ Э.Ильенков окажется либо метафизическим ("вульгарным") материалистом (у Д.Дубровского материальное равно материи), либо объективным идеалистом. Но в то же время Д.Дубровский отдает должное Э.Ильенкову, отмечая, что "... указанная статья ("Идеальное" в "Философской энциклопедии" 1962 — Ю.М.) и последующие публикации Э.В. Ильенкова в наибольшей степени стимулировали наши размышления над проблемой идеального. И в этом мы многим ему обязаны" (с. 34). Это относится и к новой монографии, положительная и конструктивная трактовка ПИ в ней во многом прямо или косвенно стимулируется взглядом Э.Ильенкова на ПИ.

Не считая себя философским поклонником Э.Ильенкова, сделаем сейчас с новой стороны попытку уловить логику понимания им ПИ, а также указать на, может быть, новую возможность философской трактовки этого "третьего" истолкования ПИ, сле-

довательно, и его критики под новым углом зрения. И если эта трактовка-критика не совсем повторяет понимания Д.Дубровского, то она, может быть, по меньшей мере окажет стимулирующее влияние на размышления над ПИ.

В опубликованной посмертно статье "ПИ" Э.Ильенков существенно уточняет, а также смелее акцентирует "противоречивые" противоположности и в то же время диалектику своего понимания ПИ. "... "идеальное" существует только в человеке"²⁰, оно связывается только процессом или результатом человеческой деятельности. Оно является либо формой деятельности человека в вещи, либо формой вещи в деятельности человека, в человеке. Далее, идеальное (идеальность) есть характеристика вещей, ему свойственна "объективная реальность", оно есть характеристика вещественно зафиксированных образов культуры, способов жизнедеятельности, противостоящих индивиду с его сознанием как особая "сверхприродная" объективная действительность. Человек "... созерцает "идеальное" как вне себя, вне своего глаза, вне своей головы существующую объективную реальность"²¹. На наш взгляд, неправомерно утверждать, что Э.Ильенков "... во многих случаях ... прямо называл идеальное особой "объективной реальностью" (см. 92, с. 156)" (с. 36), что намекает на понимание Э.Ильенковым бытия идеального как некой особой субстанции подобно материи. Во всех "сомнительных" местах идеальное имеется в виду по отношению к человеку, которому оно не только кажется, но у которого оно и проявляется как особая "объективная реальность".

Итак, идеальное — в вещах человека, но не в его сознании, а в самих материальных вещах. К тому же оно в это же время и в человеке. Каким образом такое возможно?

Если по Э.Ильенкову идеальное в самом деле есть и существует "объективно-реально" не только в процессах, но и продуктах человеческой деятельности в качестве идеальной формы в некотором немарксистском смысле, как настойчиво дают понять "благонамеренные, но философски необразованные материалисты" (Э.Ильенков), то это идеальное должно непременно открываться, обнаруживаться, являться воспринимаемому продукт человеческой деятельности человеку. Условие это ильенковское. Если идеальное в вещи нам не открывается, обнаруживается, является, то, по Э.Ильенкову, его в ней и нет. И если нам удастся сейчас найти какую-то "вещь" естественного происхождения, в которой мы все-таки способны узнать челове-

скую форму и в которой посему, следовательно, и есть и существует идеальное "объективно-реально", то мы можем утверждать, что идеальность, идеальное в "вещах" понимается Э.Ильенковым отнюдь не субстанциально, а в каком-то совсем другом смысле. Только в каком?

С продуктами развитой человеческой деятельности проблем нет. В случае развитого орудия труда, например, машины, мы можем в качестве идеального предполагать человеческую форму машины, которая существует в машине "объективно-реально" и которую мы в то же время узнаем в качестве таковой. Легко согласиться с тем, что идеальное "находится" как в машине, так и в человеке, как и утверждает Э.Ильенков. Трудностей нет и с каменным топором, костяной иглой, статуями, храмами, клубами, телевизионными башнями, автоматизированными фабриками и электронно-вычислительной техникой (его же примеры). Но в таких случаях остается проблема, какая сторона в идеальном все-таки определяющая, вещь или человек?

С целью получения четкого ответа на наш вопрос обратимся к более примитивным продуктам человеческой деятельности, к такому случаю, в котором то или иное условие существования, бытия идеального четко не выполняется. Хорошим примером может оказаться случай с э о л и т а м и, осколками камня (в основном кремния), принимавшимися археологами 19-го века за древнейшие орудия человека, хотя формы и режущие края этих "каменной зари" человечества имели естественное происхождение, хотя долгое время считались "человеческими"²². Мысленный эксперимент состоит в следующем.

А. Предположим, что "эолит" человеческого происхождения, сделан рукой человека. Существует или не существует, по Э.Ильенкову, в нем идеальное?

1. Если мы не узнаем и не знаем его человеческого происхождения, сомневаемся в этом, то сомневаемся и в существовании или несуществовании идеального в нем. 2. Если уверены в природном происхождении, то идеального нет. 3. Если мы узнаем, но не знаем, то идеальное есть. 4. Если мы не узнаем, но знаем, то идеальное есть. 5. Если мы знаем и узнаем, то идеальное есть.

Б. Предположим, что эолит природного происхождения. Имеются ли тогда, по условиям Э.Ильенкова, возможности существования в нем идеального?

1. Если мы не узнаем и не знаем его природного происхождения, сомневаемся в этом, то сомневаемся и в существо-

вании или несуществовании в нем идеального. 2. Если уверены в человеческом происхождении, то идеальное есть. 3. Если мы узнаем, но не знаем, то идеального нет. 4. Если мы не узнаем, но знаем, то идеального нет. 5. Если мы знаем и узнаем, то идеального нет.

Идеальное, таким образом, по логике Э.Ильенкова, существует или есть в "вещах" только в случаях, когда мы уверены в их человеческом происхождении или узнаем или знаем или узнаем и знаем их такое происхождение. К тому же, разумеется, возможны изменения нашей уверенности, а также способности узнавания и знания, следовательно, и "возникновения" и "исчезновения" идеального в вещах. Оно может "существовать" в вещи и тогда, когда его там, по другому условию, быть не может! Для индивидуального и конкретного человека "идеальное" ("идеальность") – в философском смысле Э.Ильенкова – существует как человеческая "форма" вещи.

"Эполитическая" логика подсказала нам, что "объективно-реальное" существование идеального в вещи зависит от знания, узнавания, понимания вещи, точнее, от их уровня. Э.Ильенков сам так никогда не выражался, но, на наш взгляд, это несомненно. "Объективно-реальное" идеальное целиком и полностью зависит от сознания и познания человека, от их уровня. Определяющей стороной оказался человек. По отношению к взгляду, по которому идеальное понимается Э.Ильенковым субстанциально существующим в вещах и только вуалируется ссылками на человека, нужно сказать, что идеальное у него все же сущностно связано с человеком. Идеальное – несубстанциально. Идеальное определяется человеком, и это не звучало бы так субъективистски и субъективно-идеалистически, если бы в то же время не настаивали на "объективно-реальном" существовании идеального. Ведь идеальное в качестве "субъективной реальности" может быть вполне понято материалистически. Тут, видимо, все-таки другой случай, и вопрос в том, как возможно, что субъективистская зависимость идеального согласуется с "объективно-реальным" существованием его в вещах, как возможно, что это противоречие не видно, не выявляется и не обнаруживается. Такая зависимость в самом деле не замечается. Следовательно, есть такая возможность существования идеального, по которой оно в сущности молчаливо и незаметно определяется только сознанием человека, хотя открыто существует одновременно "объективно-реально" в вещах и к тому же остается еще в пределах досягаемости человеческого сознания в ильенков-

ском смысле. И есть именно такая возможность, которая удовлетворяет не только два последних условия, но в то же время и не порождает никаких сомнений в характере философского подхода. В некотором смысле она испробована в истории современной философии. Давным-давно известно, что человеку земному не все масштабы, размеры и величины подвластны. Если здание, в котором живешь, увеличивается до известного предела, то начиная с этого предела ты уже не в силах замечать, что это такое. Ты можешь спокойно жить в самом здании, не замечая этого, заниматься деталями здания, честно забывая о целом, в котором, может быть, всю жизнь находишься. Это с нами ежедневно случается. Маленькие видимые субъективизмы затаиваются великими и превеликими невидимыми.

Идеальное Э.Ильенкова со всеми сопровождающими явлениями возможно в таком великом и незаметном субъективистском здании. Оно возможно и понятно при условии, что еще до любых рассуждений об идеальном весь мир понят как мир перед человеком, мир через человека, мир человека. На наш взгляд, скрытной и от самого Э.Ильенкова, но объективной и необходимой предпосылкой истолкования им ПИ должна быть предпосылка, что мир есть мир лишь постольку, поскольку он дан человеку. Т.е. еще до всех рассуждений о вещах, человеческой деятельности и "идеальном" этот же мир вещей и т.п. заключается в сознании. Следовательно, бытие является ничем иным, как осознанным бытием. К.Марксом это последнее называлось ... сознанием²³. Мир охватывается и пронизывается сверх-сознанием. Историко-философской предпешественницей и параллелью этой предпосылки является "интенционалистская" феноменология Э. Гуссерля, еще до любого другого подхода к миру предполагавшая мир интенционально данным чистому трансцендентальному сознанию.

Истолкование ПИ Э.Ильенковым всегда вызывало множество недоуменных вопросов. Некоторые из них были упомянуты и нами. Если сейчас его понимание идеального рассматривать с точки зрения "второй" субъективистской предпосылки, "сверх-сознания", то все станет на свое место. Вся человеческая жизнедеятельность, все элементы ее как отношения, в том числе и "идеальное", еще до любых рассуждений о его сущности "заключены" в сознании в смысле "сверхсознания", рассматриваются предметно, в качестве предмета "сверхсознания". В результате все звенья жизнедеятельного отношения человека дополнительно получают от того, что они предположены как

"наши", затаенную субъективистскую, субъективно-идеалистическую характеристику. В дальнейшем "сверхсознание" окажется и философией, представителем которой, в свою очередь, окажется Э.Ильенков. Впрочем, упомянутое обстоятельство в несколько другом ключе точно уловил М.Желнов: "... следуют обратить внимание на специфику гносеологического в своей основе подхода Э.В. Ильенкова к проблеме идеального. Ведь для него ... предметом философии (по существу диалектической логики) является отражение человеком отношения сознания и бытия. Не сознание, не бытие и даже не их отношение друг к другу, а именно отражение отношения"²⁴. Таким образом, философия, или "сверхсознание", занимается не самим сознанием или бытием или их отношением друг к другу, являющимися предметами познания в привычном смысле, а их отражением, т.е. в конечном счете самим собой. Мир есть мир "сверхсознания" и "находится" в нем. И поскольку вещи жизнедеятельного отношения человека существуют в "сверхсознании" и одухотворяются им, постольку в них и существует идеальное. Но поскольку эти вещи по отношению к сознанию жизнедеятельного человека существуют материально, объективно-реально, то и идеальное в них приобретает объективную реальность, только особую, чувствами непостижимую, нематериальную. Появляется, следовательно, идеальное с весьма зависимой независимостью! В свете затаенной диалектической игры смен двух сознаний, привычного и "сверхсознания", объясняются и некоторые другие проблемы, связанные с истолкованием Э.Ильенковым ПИ.

В случае Э.Ильенкова его понимание связи идеального в вещи с человеческой деятельностью обычно не характеризовалось в качестве субъективистской или как-то так. И для этого в действительности, в прямом смысле слова, не было никакой основы. Он в своем решении всегда исходил из предпосылки, что ПИ – аспект проблемы "истинности" ("объективности"), т.е. проблемы отражательно-познавательного отношения человека к миру. Тем самым ПИ связывалось с традиционной гносеологической проблематикой субъекта-объекта, а такой постановке проблемы возражений вроде быть не может. Только решение какое-то непривычное: идеальное в вещах и т.д. Субъективизма тут вроде и в помине нет, скорее всего, налет объективного идеализма!

Тем не менее здесь, видимо, просвечивается субъективистское понимание: результат отражательно-познавательного отношения к миру, его образ-отражение отождествляется с самим

миром — идеальное в вещах становится возможным и понятным. Просвечивается "сверхсознание", но это еще не все, потому что в то же время просвечивается и высокий уровень осознания мира, уровень узнавания как моего знания и понимания. Берется мир ильенковского уровня, уровня, на котором Э.Ильенков понимает, знает и узнает мир, и превращается на этом уровне познанный мир в мир вообще. Ильенковский мир превращается в "онтический" мир, как если бы мир и был таким, каким представляется Э.Ильенкову. Мир — это только понятый мир, таков, как его понимает Э.Ильенков — во многом правильно, но кое в чем и неправильно. Впрочем, для Э.Ильенкова непонятого мира, как нам кажется, не существует вообще. Здесь прорывается, во-первых, отмеченный М.Желновым "гносеологизм", и, во-вторых, отмеченная Д.Дубровским в других связях склонность связать идеальное только с истинностью. Идеальное и ложная мысль, по Э.Ильенкову, не совместимы. Затаянная логика понятна: если мир вместе с "идеальным" заключается в "сверхсознании", в данном случае в сознании Э.Ильенкова, то этот мир вместе с "идеальным" не может быть ничем иным, чем он есть. Существующий и познаваемый (познанный) мир целиком и полностью идентичны.

Разумеется, люди в своем отношении к миру, к вещам и "идеальному" в нем всегда подходят с имеющейся основы и уровня своего понимания, знания и узнавания, социально-исторически детерминированных. В этом ничего предосудительного нет. Но, видимо, бывает, что этот факт такой необходимой и объективной "субъективности" переживается или понимается ими превратно. Незаметно как для себя, так и для других абсолютизируется не только "свое" сознание, но и его, возможно, весьма высокий уровень, что в действительности является естественным результатом не- или малокритического отношения к самому себе. Нельзя предполагать, что такие субъективизации мира, подмены подлинного мира со "своим" происходят намеренно и сознательно. Их имплицитность и незаметность убеждают нас легко в том, что они были имплицитными и незаметными и для их не подозревающих ничего плохого создателей. Впрочем, о том, что для Э.Ильенкова эта отражательно-познавательская субъективизация мира была вполне естественно незаметной, свидетельствует обстоятельство, что им эти два сознания, привычное сознание человека, имеющее своим предметом и "идеальное", и "сверхсознание" (философия), не всегда различаются, часто "переходят" друг в друга, а порой и отождествляют-

ся. Думается, что именно из-за глубокой затаенности "сверхсознания" и связанной с этой неразличимостью между двумя сознаниями критики Э.Ильенкова не понимали, почему он сам не видит объективно-идеалистическую наклонность трактовки им ПИ, а Э.Ильенков не понимал, почему они это видят. Присутствие всеобъемлющего "сверхсознания" (философии) стало вполне заметным только в статье "ПИ".

Сделаем некоторые выводы.

1. С точки зрения привычного сознания идеальное, по Э.Ильенкову, существует в вещах "объективно-реально". Но, как показал мысленный эксперимент с "золитами", его существование или несуществование в них целиком и полностью определяется этим привычным сознанием, точнее, уровнем узнавания, знания и понимания. Поэтому привычное сознание характеризуется субъективистски и субъективно-идеалистически. Эти выводы возможны только потому, что с "гносеологической" точки зрения Э.Ильенкова идеальное — в вещах не только в живом процессе человеческой жизнедеятельности, но и вне ее, в готовых продуктах этой деятельности. Идеальное — в вещах и тогда, когда они только отражаются-познаются как вещи, например, орудия человеческой жизнедеятельности. Иначе упомянутый эксперимент вообще не мыслим. Даже в золите, ошибочно попавшем в музейную экспозицию в качестве примера орудия древнейшего человека, по Э.Ильенкову, "объективно-реально" существует идеальное как "характеристика вещественно зафиксированного образа культуры". Музей, несомненно, — культурное учреждение, его посетители — культурные люди ...

2. "Сверхсознание" (философия, философское сознание, философское сознание Э.Ильенкова) субъективистски и субъективно-идеалистически объемляет и опредмечивает весь мир, делая возможным и понятным эксплицитное истолкование Э.Ильенковым ПИ. В самом деле идеальное в известном смысле отождествляется с отражением-образом мира как содержанием "сверхсознания". Эта несубстанциальная материальность вещей, которую привычное сознание в ее социальном функционировании фетишизирует-мистифицирует как "объективно-идеальное" и Э.Ильенков квалифицирует как "объективно-реальное" идеальное, только проявляющееся в привычном сознании, представляется в "сверхсознании" тем, чем и есть в нем и только может быть в нем: как нематериальная, но "как-материальная" всеобщность, объективность и необходимость. В этом смысле можно вместе с Э.Ильенковым повторить изречение К.Маркса: "... идеальное есть не

что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней"²⁵. Но если К.Маркс имеет в виду привычное, но понимающее отражающее-познающее материальный мир сознание, то у Э.Ильенкова такой проблемы "отношения" нет. Идеальное есть материальное, они отождествляются. Идеальное является характером "сверхсознания", оно родом из него - и таким может проявляться - и в самом деле проявляется - самым неожиданным образом или в вещах, или жизнедеятельности человека, или его сознании и т.д. Идеальное как характер "сверхсознания" - не что иное как предмет философии, философского сознания, сознания Э.Ильенкова. Для К.Маркса оно было, видимо, предметом научно-философского сознания, оно может быть и предметом только научного сознания и, как мы увидели, привычного обыденного сознания. Любое из них подходит к идеальному и понимает его в принципе по-своему. А для Э.Ильенкова идеальное есть и понятие в смысле понимания. Идеальность мира - это понятость и понятность мира.

3. Из того, что у Э.Ильенкова имеется затаенная склонность к субъективизации мира и подмене бытия осознанным бытием, можно заключить, что его "человеческая жизнедеятельность", в рамках которой "объективно-реально" существует идеальное, превращается в только сознательную деятельность и, далее, в только деятельность, или жизнь сознания. Неотъемлемая в самом деле специфика жизнедеятельности человека отвлекается от нее и превращается в самодовлеющую деятельную идеальную субстанцию - "сверхсознание". Впрочем, понимание человека как "реальной совокупности реальных людей", "внутри" которого находятся все вещи, может быть как раз истолковано и в качестве попытки избежать навязчивого чувства субъективизации-гносеологизации мира.

4. В заключение два вопроса.

Во-первых, не является ли идеальное для Э.Ильенкова субъективно материальным в значении всеобщего, объективного и необходимого, в значении как материя? Связь этого "материального" с материей так сложна и опосредована, что она потеряна из виду. Идеальное - как м а т е р и я в смысле "объективной реальности", а к а к материя в смысле "особой", нечувственной данности ее сознанию.

Во-вторых, не является ли идеальное для Э.Ильенкова объективно человекомасштабностью, человекомерностью мира в специфическом смысле, сущностной силой человека, которую он из себя смещает в мир, чтобы ее затем не только пережи-

вать, но и познавать существующим там "объективно-реально"? Таким образом, идеальное - не только в земных "эолитах", но и в небесных звездах?²⁶

Мы ограничились на этих страницах критическими трактовками двух истолкований ПИ, существующих в марксистской философии сознания и познания, - сторонников "двухаспектного подхода" и Э.Ильенкова. Несомненно, существуют и другие возможности марксистского понимания ПИ. Одним из самых значительных, научно обоснованных и противоположных упомянутым является понимание ПИ Д.Дубровским, в полном виде представленное в новой монографии. Отдавая должное научно-философским достижениям Д.Дубровского, нам хотелось бы указать на дополнительные возможности, а в некоторых случаях и надобности как критики противоположных, так и обоснования своих положительных и конструктивных пониманий ПИ. Насыщенная фундаментальной научно-философской проблематикой, монография представляет богатейший материал для дальнейших размышлений над ПИ. В том числе и возможность понимания ПИ подобно числу π , величину которого исчисляют все точнее и точнее, но которую никогда не исчислят. В монографии Д.Дубровского "ПИ" исчислены многие до сих пор незнакомые места ПИ.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Дубровский Д.И. Проблема идеального. - М., 1983.
- ² См.: Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопр. философии. - 1979. - № 6. - С. 128-140; № 7. - С. 145-158.
- ³ Ср., напр.: Желнов М.В. Предмет философии в истории философии: Предыстория. - М., 1981. - С. 182.
- ⁴ См., напр.: Сагатовский В.Н. Философия как теория всеобщего и ее роль в медицинском познании. - Томск, 1968. - С. 57.
- ⁵ М.Макаров в своей статье "Понятие материи и единство мира" (см.: Materia ja teadvus. - Tallinn, 1970. - С. 13-19) прекрасно и убедительно показывает, как смешение двух значений материального приводит к идеалистическим философским заблуждениям (С.Александр, В.Оствальд и др.).

- 6 На возможность диалектико-материалистического понимания "двуаспектного подхода" к ПИ наше внимание впервые обратил эстонский философ Т.Лойт еще в 1965 году (см.: Лойт Т. Диалектический материализм о сущности сознания // Mateeria ja teadvus. - Tallinn, 1965, 1970).
- 7 Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 18. - С. 151.
- 8 Там же. - С. 257.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 Там же. - С. 259.
- 12 Там же.
- 13 Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 29. - С. 104.
- 14 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 3. - С. 25.
- 15 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 23. - С. 21.
- 16 Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 18. - С. 181.
- 17 Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. - М., 1969. - С. 33-34.
- 18 Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - 2-е изд. - Т. 21. - С. 283.
- 19 Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 18. - С. 98.
- 20 Ильенков Э.В. Проблема идеального. - С. 158.
- 21 Там же. - С. 157.
- 22 См.: Эолиты // БСЭ. - 3-е изд. - М., 1978. - Т. 30. - С. 209.
- 23 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 3. - С. 25.
- 24 Желнов М.В. Предмет философии в истории философии: Пред- история. - С. 214-215.
- 25 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 23. - С. 21.
- 26 Ср.: Ильенков Э.В. Проблема идеального. - С. 158.

ПРИНЦИП ИСТОРИЗМА В НАУЧНОЙ ПРОГРАММЕ И. ПРИГОЖИНА
(О ПРОТИВОРЕЧИИ МЕЖДУ КЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ КАРТИНОЙ
МИРА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ)

Р.А. Вихалемм, Л.Я. Напинен

Принцип историзма и конкретизирующие его категории "историческое" и "логическое" актуальны, естественно, лишь тогда, когда изучаются развивающиеся объекты. Поэтому традиционно категории "историческое" и "логическое" входили только в арсенал методологии исторических дисциплин. Правда, с точки зрения марксистского мировоззрения "мы знаем только одну-единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны нераздельно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга"¹. Другими словами, действительность является исторической и поэтому принцип историзма носит всеобщий характер. Однако далеко не всегда в познании непосредственно присутствует этот всеобщий, философский аспект. В определенных пределах является практически истинной другая, абстрактная, неисторическая действительность, требующая, естественно, и соответствующего способа познания. Такой способ познания зародился в Новое время вместе с научной картиной мира² — гипотетико-конструктивно-дедуктивный способ познания, способ познания точного естествознания, основанный на эксперименте и математике, на конструктивном начале, на идеализации галилеевского типа³. Принцип историзма был чужд для методологии точных наук. Лишь в качестве предположения о возможности изменения стиля физического мышления было в методологической литературе показано, каким крайне необычным подходом для физики оказалось бы применение в ней принципа историзма⁴. Однако теперь, в связи с появлением синергетики, проблема историзма стала актуальной и для точных наук. В данной статье мы рассмотрим, в чем же заключается принципиальное различие между синергетикой и традиционными точными науками.

Из традиционных дисциплин точной науки мы ограничимся

кибернетикой, потому что она, как и синергетика, является интегральной наукой, моделью междисциплинарного синтеза естественных, общественных и технических наук.

Синергетика, которая "обнаруживает преемственную историческую связь с кибернетикой и общей теорией систем"⁵, на первый взгляд, представляет собой просто новый этап в развитии междисциплинарного учения о самоорганизации, кажется просто очередной вехой в прогрессе точных наук. Понимая, однако, ее в перспективе научной программы И. Пригожина, нельзя не согласиться с тем, что "мы переживаем тот период научной революции, когда коренной переоценке подвергается место и самое существо научного подхода..."⁶. И. Пригожин выделяет основные характеристики классической научной картины мира и показывает, что ныне мы достигли ее пределов. Он пишет: "Классический (нередко называемый "галилеевским") подход к науке требует, чтобы мир мы рассматривали как некий "объект" и пытались строить описание физического мира как бы извне, анализируя его, но не принадлежа ему"⁷. Такой мир как бессубъектный объект был уподоблен машине-автомату, поведение которого предопределено его программой, созданной субъектом⁸.

Кибернетику можно считать в некотором смысле типичным представителем классических точных наук. А именно в том смысле, что фундаментальной реальной системой, из которой исходит кибернетика, является машина-автомат, техническое устройство, сконструированное человеком для своей цели. Всякая машина - это результат целеполагающей деятельности человека. Человек создает машину, используя законы природы, выражающие отношения идеализированных объектов. Машина является, так сказать, осуществлением этих, не существующих в природе в "чистом виде" законов. Для этого необходимы определенные, специально созданные человеком начальные условия. Однако в кибернетике, как и в классических точных науках вообще, происхождению начальных условий, при которых возможно создавать, опираясь на законы природы, различные конструкции, не придается внутреннего (теоретического) смысла. Внутренний смысл придается только законам. Абстрагирование от происхождения начальных условий - это и есть одно из оснований внеисторичности содержания научной картины мира.

Кибернетика абстрагируется и от материального субстрата машины. Она учитывает лишь функциональный аспект последней. Основа для кибернетической идеализации работы машины состоит

в следующем.

Части машины в процессе работы практически не изменяются (если не учитывать износ), а машина после выполнения некоторых циклических преобразований, в результате которых создаются новые материальные предметы, новые виды энергии или информации, возвращается в исходное состояние и вновь пригодна к употреблению. Именно это обстоятельство, как отмечает А.И. Ракитов⁹, позволяет абстрагироваться от материального субстрата машин и рассматривать их действие формально, математически, как систему замкнутых преобразований, независимо от того, какими материальными структурами эти преобразования реализуются.

Наиболее богатый связями материал для мышления в рамках кибернетики дала ЭВМ¹⁰. Эти машины включают в себя и неоднородные связи. Поэтому с кибернетикой связано возникновение вероятностного стиля мышления в науке^{II}.

Схема "кибернетического мышления" сводится, на наш взгляд, к следующему.

Наиболее идеально машина работает в условиях термодинамического равновесия. Такое воззрение переносится кибернетиками и в естественную природу. Наиболее вероятное состояние всех систем (искусственных и природных) – это, с точки зрения кибернетики, термодинамическое равновесие. Все события в мире, в том числе возникновение целесообразных структур, согласно такому взгляду стремятся к стационарному состоянию, внешние условия которого не изменяются. Промежуточные состояния рассматриваются как квазистационарные.

Прототипами кибернетических систем являются конечные автоматы. Логика кибернетики – это логика машин. Характеристики исторических (биологических и социальных) систем в этой логике не учтены, о теоретическом отражении в кибернетике реального исторического процесса речь идти не может.

Совсем другую картину мы видим в пригожинской школе. Фундаментальная реальная система, из которой исходит И. Пригожин, – это живое существо, возникшее в открытой Вселенной в результате эволюции. Здесь важно подчеркнуть, что начальные условия возникновения живого не созданы кем-либо или чем-либо, а представляют собой исход предшествующей эволюции природы. В живых системах начальные условия не подчиняются произволу человека. Здесь не только законы, но и начальные условия приобретают внутренний смысл.

И. Пригожин учитывает установленный молекулярной биологи-

ей факт, что биосистемы обладают чрезвычайной функциональной упорядоченностью. Совершенно очевидно, что такая упорядоченность не могла возникнуть на пути движения системы к термодинамическому равновесию. Здесь нет также возможности абстрагироваться от материального субстрата биосистемы, поскольку функция биосистемы зависит от специфической химической кинетики. Понятия функции, структуры и истории здесь неразрывно связаны друг с другом (точнее об этом у нас речь пойдет ниже).

Если машина работает наиболее идеально в условиях термодинамического равновесия, то биосистемы в таких условиях вымирают. Очевидно, что они могут жить ("работать") лишь в условиях, сильно удаленных от термодинамического равновесия. Среда их обитания — это изменяющаяся среда. Факт также то, что все живые системы со временем стареют. Это значит, что они подчиняются закону возрастания энтропии и вытекающей из него "стреле времени" (термин А. Эддингтона).

Необратимые процессы лежат в основе всех живых процессов. Космология последних лет дает факты, свидетельствующие о том, что необратимые процессы играют конструктивную роль также в крупномасштабных процессах во Вселенной. Проблема нестабильности элементарных частиц заставляет говорить о необратимых процессах и в микромире. Таким образом, биологические и космологические факты и данные физики элементарных частиц вынуждают признать, что теоретическая область применимости второго закона термодинамики не ограничивается одной лишь теорией тепловых машин. Роль второго начала термодинамики гораздо более фундаментальна, чем это считалось до сих пор.

Осознание фундаментальности второго закона термодинамики и привело к выдвижению программы И. Пригожина. И. Пригожин берет закон возрастания энтропии за фундаментальный, в теоретическом плане, физический факт и пытается выяснить, к каким концептуальным изменениям это приводит в наших представлениях о пространстве, времени и динамике.

Два основных свойства живого — отдаленность от равновесия неустойчивостями и практическая бесконечность числа взаимодействующих субъединиц системы, обеспечивающая когерентность происходящих в живом веществе процессов — И. Пригожин включает в исходную позицию теоретического исследования физического мира. "Мы начинаем описание на макроскопическом уровне, и все результаты наших измерений, даже те,

которые относятся к микроскопическому миру, в каком-то пункте содержат ссылку на макроскопический уровень"¹², — пишет И.Пригожин. А макроскопический уровень — это тот уровень, которому принадлежат все биологические существа, включая и самого исследователя. Невольно возникает мысль, что метод И.Пригожина — это нечто аналогичное марксово логическому методу восхождения от абстрактного к конкретному, в котором соотношение эмпирического и теоретического носит характер диалектического взаимоотношения исторического и логического. К.Маркс, как известно, исходил из "анатомической формулы": "... Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Намеки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно"¹³. Следует подчеркнуть, что Маркс выдвинул свою "анатомическую формулу" в контексте анализа исторических условий практической истинности всеобщих абстрактных определений развивающегося предмета. В кибернетике и в других традиционных точных науках идеализации имеют экспериментальную основу. Концепция Маркса о практически истинных абстракциях выявляет природу идеализаций в историческом теоретическом познании. Одним из авторов данной статьи уже показано, что согласно К.Марксу в историческом познании исходят из того, что сам действительный исторический процесс выделяет некоторый целостный предмет — единство многообразного — и дает нам свои законы на своей наиболее развитой стадии: все сущностное, необходимое, всеобщее для какого-то целостного предмета сохраняется на высшей ступени с классической ясностью¹⁴. Высшее дает нам необходимый отправной пункт в исследовании закономерностей последовательной смены своеобразных, неповторимых фаз всеобщего исторического процесса.

В подходе И.Пригожина роль высшего играет живое существо. В нем И.Пригожина интересует в первую очередь направленность времени. Развиваемая И.Пригожиным теория позволяет обнаружить на основе физики и химии, чем вызвана направленность времени. Ощущение направления времени, которое физики раньше приписывали лишь себе (считали субъективным), распространяется и на остальную природу (признается объективным). В число биологических фактов, из которых исходит И.Пригожин, подчеркивая их теоретичность, входят и когерентность и чрезвычайная функциональная упорядоченность биосистем. Без прогресса в молекулярной биологии, как И.Пригожин сам неоднократно отмечал, его подход был бы лишен фактуального осно-

вания, хотя и И.Пригожин подчеркивает отличные от молекулярной биологии аспекты.

Когерентность, необходимая для возникновения важных для жизни биологических молекул, возможна лишь в открытой системе с практически бесконечным числом взаимодействующих субъединиц. (На это обратил внимание уже в 1945 году Э. Шредингер.) Число субъединиц (атомов) в наименьшей бактериальной клетке, по данным М.В. Волькенштейна¹⁵, составляет порядок 10^9 . В химической среде когерентность возникает в результате крупномасштабных химических корреляций, благодаря чему химическая система ведет себя как единое целое. И.Пригожин отмечает, что численные эксперименты наводят на мысль, что когерентность сохранялась бы как угодно долго только в бесконечной системе. В этом смысле, как считает И.Пригожин, периодическая химическая реакция есть процесс, нарушающий временную симметрию.

Для неустойчивости термодинамической ветви (состояния, описываемого классической термодинамикой) необходимы автокаталитические реакции. Обратная связь (положительная) в биологической системе подразумевает самовоспроизведение. К примеру, чтобы получить клетку, нужна клетка.

"Трудно поэтому, — пишет И.Пригожин, — удержаться от искушения связать структуру, столь заметную в биологических системах, с потерей устойчивости термодинамической ветви. Структура и функция становятся тогда тесно взаимосвязанными"¹⁶.

Современную ситуацию в физике удачно характеризует выдержка из книги И.Пригожина:

"Трудно удержаться от искушения попытаться описать физический мир так, как если бы мы не были частью его. "Отстраненность" позволила бы нам воспринимать сколь угодно большие, даже бесконечные скорости распространения сигналов и определять начальные условия со сколь угодно высокой точностью. Но созерцание мира извне не входит в задачу физики, стремящейся описать реальный мир таким, каким он представляется нам, принадлежащим ему, по результатам наших измерений. Следуя ходу рассуждений, начатому специальной теорией относительности и продолженному квантовой механикой, основная задача теоретической физики состоит в выявлении общих ограничений, вносимых процессами измерений"¹⁷.

Понятие термодинамической необратимости заставило пригожинскую школу изобретать новые теоретические схемы. Приго-

жинский подход приводит к новой форме дополнителности. Соотношение неопределенности Гейзенберга можно рассматривать как пример принципа дополнителности Бора в квантовой механике. И. Пригожин вводит понятия микроскопического оператора энтропии. Смысл этого понятие, как замечает И. Пригожин¹⁸, прежде всего в том, что существуют дополнительные свойства, не включаемые в динамическое описание. Эти дополнительные свойства невозможно обнаружить в собственных функциях и собственных значениях оператора Лиувилля, определяющих динамическую эволюцию системы. "Такие свойства дополнителности могут проистекать только из того или иного типа стохастичности движения" (выделено нами. - Р.В., Л.Н.)¹⁹.

Соотношение неопределенности Гейзенберга в квантовой механике впервые в точных науках доказало принципиальное существование случайности. Однако следует иметь в виду, что "... макроскопическое (термодинамическое) описание обычно имеет дело со средними, и вводимые квантовой механикой вероятностные элементы утрачивают свое значение. Именно поэтому особенно интересно отметить, что независимо от соотношений неопределенности существуют макроскопические системы, в которых существенную роль играют флуктуации и вероятностное описание. Этого можно ожидать в окрестности точек бифуркаций, т.е. там, где системе приходится "выбирать" одну из ветвей, возникающих при бифуркации"²⁰.

И. Пригожиным показано, что вблизи бифуркаций закон больших чисел существенно нарушается²¹.

"В макроскопической физике флуктуации, как правило, не играют заметной роли и входят только в небольшие поправки, которыми допустимо пренебречь, если система достаточно велика. Однако вблизи бифуркаций флуктуации приобретают решающее значение, так как в окрестности точек бифуркации средние определяются именно флуктуациями. Именно в этом и состоит суть понятия порядка через флуктуации..."²².

Результаты применения в синергетике теории флуктуаций в неравновесных системах показывают, что даже в идеальных смесях наблюдаются отклонения от пуассоновского распределения (они порождаются нелинейной химической кинетикой в открытой неравновесной системе), причем отклонения начинаются сразу за нарушением равновесия (т.е. уже в линейной области)²³.

Решающая роль флуктуации в точках бифуркации приводит к неожиданным аспектам химической кинетики, которая имеет уже вековую историю. Очень важно уяснить следующее: "... если

отклонение от распределения Пуассона пропорционально не объему, как предсказывает закон больших чисел, а какой-то более высокой степени объема, то все макроскопическое химическое описание утрачивает силу"²⁴. Дело в том, что вблизи неустойчивости распределение неупруго сталкивающихся частиц перестает быть случайным, в результате чего порождается когерентная структура.

Кроме микроскопического оператора энтропии И. Пригожин вводит и другое понятие - оператор времени, тесно связанный с первым. Оператор времени имеет собственные значения, каждое из которых задает возможный возраст системы. Любое заданное начальное распределение обычно может быть разложено в сумму членов, различных по возрасту и типу эволюции.

В этом И. Пригожин видит следующий, по его мнению, наиболее интригующий вывод: "... хотя в физике время всегда было всего лишь меткой, "привязанной" к траекториям или волновым пакетам, здесь возникает время, имеющее совершенно иной смысл - оно связано с эволюцией"²⁵.

Развиваемая И. Пригожиным микроскопическая теория необратимых процессов уже сейчас, по мнению ее автора, не оставляет каких-либо неясностей в отношении между стохастическими и макроскопическими методами: вблизи точек бифуркации приходится использовать на полную мощь аппарат статистической теории. Кибернетики же (например, У.Р. Эбби) и представители других традиционных точных наук склонны считать статистику эквивалентом незнания, недосмотра законных связей.

Проблема отношения между макроскопическими или стохастическими и динамическими методами, однако, еще ждет своего решения.

По Пригожину, даже сейчас имеются веские основания утверждать, что принятие закона роста энтропии за фундаментальной физической факт "... влечет за собой глубокие изменения в наших представлениях о пространстве, времени и динамике, а в конечном счете - в нашей оценке места, занимаемого человеком в природе, и старой философской проблемы существующего и возникающего"²⁶.

И. Пригожин по-новому формулирует второе начало термодинамики²⁷. Традиционные вероятностные формулировки второго закона термодинамики не запрещают развитие событий в направлении удаления от термодинамического равновесия, а только подчеркивают, что такое развитие было бы крайне маловероятно. И. Пригожин уточняет: "именно потому, что некоторые

состояния строго запрещены и не могут быть ни обнаружены в природе, ни приготовлены нами, мы можем приписать разрешенным состояниям вероятностную меру"²⁸.

Применение второго начала термодинамики позволяет определить новое время - внутреннее время. Оно дает возможность сформулировать внутреннее нарушение симметрии, лежащее в основе второго начала термодинамики. Как показано И.Пригожиным, введенное им внутреннее время существует только для неустойчивых динамических систем. Внутреннее время соответствует возрасту живого организма, который (возраст) определяется целостной оценкой, относящейся ко всем частям тела.

Традиционное время (как параметр, координата) и внутреннее время (как оператор) во всех случаях, предупреждает И.Пригожин, следует четко различать.

Если в состоянии, описываемые традиционной физикой, прошлое и будущее входят симметрично, то в состоянии, описываемые микроскопической теорией необратимых процессов, вклад будущих состояний "подавлен". В традиционном представлении о времени между прошлым, настоящим и будущим нет расстояний: настоящее соответствует единственной точке, отделяющей прошлое от будущего. В пригожинском представлении о времени и настоящее обретает продолжительность²⁹.

И.Пригожин считает "наиболее поразительным выводом", из предложенной им новой системы понятий следующее заключение: "... из существования законов, ориентированных во времени, таких как возрастание энтропии по направлению к будущему, следует существование в такого рода системах состояний, ориентированных во времени"³⁰. Этот вывод и отличается радикально от упомянутой в начале данной статьи идеализированной картины традиционной физики, в которой начальные условия, соответствующие заданию некоторого состояния исследуемого объекта, произвольны, теоретически не определены, приготовлены по усмотрению исследователя, и теоретический смысл имеет только уравнение, выражающее законы, связывающее эти произвольные начальные условия с конечным исходом. И.Пригожин, однако, показывает на языке математического естествознания, что реальные ситуации ориентированы во времени, состояния и законы тесно взаимосвязаны, начальные условия системы возникают как исход ее предшествующей эволюции. Хотя в определенных условиях существуют и устойчивые, обратимые системы, их нельзя считать более фундаментальными, чем системы, являющиеся в значительной степени неустойчивы-

ми. "Необратимость и неустойчивость тесно связаны между собой: необратимое, ориентированное время может появиться только потому, что будущее не содержится в настоящем"³¹.

И.Пригожин, по существу, выявляет пределы традиционного способа познания точных наук - гипотетико-конструктивно-дедуктивного способа познания - и выступает за союз, за кооперирование этого способа познания с историческим познанием. Гипотетико-конструктивно-дедуктивный способ познания является "априорным" экспериментально-математическим конструированием идеализированных, сохраняющихся-повторяющихся явлений. Специфика же исторического познания связана прежде всего с реконструкцией необратимого процесса в историческом времени; характеристика исторических явлений невозможна без знания их прошлого, их возникновения в процессе необратимой эволюции; будущее у них не содержится в настоящем (или по определению Г.Рейхенбаха: "Прошлое детерминировано, будущее недетерминировано"³²) и т.п. Ясно, что гипотетико-конструктивно-дедуктивное познание просто в принципе не может постигать исторических явлений. Однако гипотетико-дедуктивные теории точных наук могут быть использованы для моделирования некоторых аспектов уже реконструированных (историческим, описательно-теоретическим познанием) исторических явлений. Такая кооперация (а не попытка заменить одно другим) реконструктивного и конструктивного (гипотетико-дедуктивного) подхода имеет, несомненно, большое значение в прогрессе человеческого познания³³.

Итак, научная программа И.Пригожина выходит за рамки гипотетико-дедуктивного способа познания, поскольку она включает принцип историзма. Отражаемый наукой мир понимается в ней диалектически: внеисторический мир классической науки оказывается отнюдь не самостоятельной, фундаментальной, абсолютно объективной реальностью, а лишь определенным аспектом или моментом исторической действительности, т.е. истории природы и человека³⁴.

И.Пригожин и др. моделируют именно те системы, которые входили в естественной истории природы. В число этих систем входят колебательные реакции, которые наблюдаются на всех уровнях биологической организации - от молекулярного до сверхклеточного. Их экспериментальной моделью служит реакция Белоусова-Жаботинского. Роль простейшей модели в теоретических исследованиях играет брасселатор³⁵. Эта модель допускает множество решений (предельные циклы, неоднородные стацио-

нарные состояния, химические волны) именно тех типов, которые наблюдаются в реальных системах, находящихся достаточно далеко от равновесного состояния.

На основе моделирования биологических систем И. Пригожин приходит к заключению:

"По-видимому, большинство биологических механизмов действия свидетельствуют о том, что жизнь сопряжена с далекими от равновесия условиями за порогом устойчивости термодинамической ветви. В этой связи невольно напрашивается мысль, что происхождение жизни может быть связано с серией последовательных неустойчивостей, аналогичных серии последовательных бифуркаций, которая привела к состоянию вещества с повышенной когерентностью"³⁶.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что существуют, так сказать, два мира: управляемый, предсказуемый и преобразуемый мир, исследуемый традиционной точной наукой, и выходящий за его пределы, более богатый, но неуправляемый, непредсказуемый и непреобразуемый мир, который до сих пор исследовался историческим познанием и некоторые аспекты которого сейчас описывает и синергетика.

Синергетика дает следующую схему эволюции.

Эволюция (включая и биологическую) с синергетической точки зрения представляет собой чередование хаоса и автоматизма. Кибернетические теории охватывают лишь автоматизм. Все традиционные точные науки исследуют процессы, начальные условия которых задает человек. Это изолированные человеком от внешнего мира системы. Синергетика же исследует системы, начальные условия которых не могут быть выбраны произвольно по желанию экспериментатора или наблюдателя, а должны быть исходом предшествующей эволюции. Такие системы существуют, например, уже в жидкостях (если они не ограничены от внешнего мира, т.е. помещены в замкнутый объем), не говоря о биологических и социальных системах.

Если посредством наблюдений установлено состояние физико-химической системы, то интерпретация этого состояния подразумевает знание истории системы, прошедшей точки бифуркации, в каждой из которых именно флуктуация "выбирала" последующую ветвь эволюции. После каждой бифуркации возникают неоднородные устойчивые решения.

Перед тем как подвести итог, нам хотелось бы подчеркнуть следующее.

Кибернетика, как и любая другая наука претендует на

описание естественных ситуаций, например, на описание процессов, происходящих в человеческом мозге. В то же время возникновение любой науки связано с техническим овладением природой. Синергетика не составляет здесь исключения. Так, физико-математический метод Г.Хакена возник в результате изучения лазерной техники. Метод И.Пригожина опирается на экспериментальное и теоретическое исследование химических автоколебаний в реакции Белоусова-Жаботинского. Естественно-историчность синергетики заключается, однако, в использовании схем из биологии, введении на их основе новых понятий (микроскопический оператор энтропии и внутреннее время), позволяющих принять второе начало термодинамики в качестве фундаментального постулата динамики. А биология является в первую очередь исторической дисциплиной, хотя в ней отчасти используют и гипотетико-дедуктивные теории, основанные на конструктивном начале (на эксперименте или квазиэксперименте). В данной статье, стремясь показать применение принципа историзма в синергетике, мы обратили внимание именно на биологические схемы, из которых исходит в своих рассуждениях И.Пригожин. Использование схем из биологии (которая не мыслима вне учета принципа историзма) дает нам основание говорить о естественно-историческом характере синергетики.

Важно отметить, что и М.Эйген при построении своей модели эволюции, хотя и исходил из физико-математических теоретических соображений, учел биологический факт — самовоспроизведение биологических макромолекул. В этом смысле метод физикализации дарвиновской теории естественного отбора М.Эйгеном включает в себя аспект естественно-историчности. М.Эйген занимается физическим моделированием естественных процессов.

Все сказанное в данной статье позволяет прийти к выводу, что кибернетический подход, основанный на идеализациях экспериментальных (и квазиэкспериментальных) ситуаций, выявляет лишь локальный, частный и относительный аспект мира, в котором мы живем. Кибернетические теории не отражают (на уровне общего) естественные этапы развития природы, т.е. они неисторичны. Синергетический подход открывает перед человеком определенный аспект самоорганизовавшегося и самоорганизующегося мира, включающего и самого человека. Синергетические теории отражают (на уровне общего) естественные этапы развития природы, включая и некоторые моменты человеческой деятельности, т.е. они историчны.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- I Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 3. - С. 16 прим.
- 2 Нашу трактовку научной картины мира см., напр.: Вихалемм Р.А. Возможна ли химическая картина мира? // Филос. науки. - 1982. - № I. - С. 148-151.
- 3 О специфике науки в смысле точного естествознания и сопоставлении ее с историческим познанием см. подробнее: Вихалемм Р.А. О проблеме внутренней и внешней истории науки (анализ взглядов И.Лакатоша и Т.Куна) // Уч. зап. / Тарт. ун-т. - 1981. - Вып. 531. - С. - 9-12; Его же. К вопросу о специфике историческопознания // Уч. зап. / Тарт. ун-т. - 1983. - Вып. 653. - С. 53-67; Его же. Об исходной идеализации теоретического понимания науки // Науковедение в наши дни: Тез. III республ. конф. по науковедению. - Таллин, 1984. - С. 106-112; Его же. Идеал точной науки и особенности развития химии и биологии // Методологические проблемы эволюционной теории. - Тарту, 1984. - С. 164-166; и др.
- 4 Степин В.С. Становление научной теории. Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики. - Минск, 1976. - С. 296-300.
- 5 Аршинов В.И., Казаков Н.Д. Синергетика как модель междисциплинарного синтеза // Математика, естествознание и культура: Сб. обзоров и рефератов. - М., 1983. - С. 46.
- 6 Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. - М., 1985. - С. II.
- 7 Там же. - С. 13-14.
- 8 Prigogine I., Stengers I. Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature. - New York a.o.: Bantam Books, 1984. - P. 6.
- 9 Ракитов А.И. Философские проблемы науки: Системный подход. - М., 1977. - С. 118-119.

- 10 Роль ЭВМ в развитии логики мышления справедливо подчеркивает В.С. Сачков: Сачков Ю.В. Стиль мышления и методы исследования // Философ. науки. - 1981. - № 2. - С. 99-111; и др. Она раскрыта также в интересных работах Н.Н. Моисеева: Моисеев Н.Н. Математика ставит эксперимент. - М., 1979. - 224 с.; Его же. Человек, среда, общество (Проблемы формализованного описания). - М., 1982. - 240 с.
- 11 См. напр.: Сачков Ю.В. Введение в вероятностный мир (Вопр. методологии). - М., 1971. - 207 с. и др.
- 12 Пригожин И. От существующего к возникающему ... - С. 14
- 13 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 46. - С. 42.
- 14 Вихалемм Р.А. К вопросу о специфике исторического познания ...
- 15 Волькенштейн М.В. Биофизика: Учебное пособие для студентов биологических и физических факультетов университетов, специализирующихся в области биофизики. - М., 1981. - С. 13.
- 16 Пригожин И. От существующего к возникающему ... - С. 110.
- 17 Там же. - С. 62.
- 18 Там же. - С. 179.
- 19 Там же.
- 20 Там же. - С. 139.
- 21 См. напр. там же. - Гл. 6.
- 22 Там же. - С. 140.
- 23 Николис Г. Некоторые аспекты теории флуктуаций в неравновесных системах // Синергетика: (Сб. статей). - М., 1984. - С. 34.
- 24 Пригожин И. От существующего к возникающему... - С. 145.
- 25 Там же. - С. 181.
- 26 Там же. - С. 220.
- 27 Там же. - С. 227.
- 28 Там же. - С. 232.
- 29 Там же. - С. 238-239.
- 30 Там же. - С. 250.

- 31 Там же. - С. 252.
- 32 Рейхенбах Г. Направление времени. - М., 1962. - С. 39.
- 33 Ср.: Алешин А.И. О типологии теоретических исследований в современной биологии (логико-методологический аспект) // Биология и современное научное познание. - М., 1980. - С. 76-88.
- 34 Об этом мы уже писали в статье: Вихалемм Р.А., Няпинен Л.Я. О диалектической природе синергетических теорий (философское значение исследований школы И.Пригожина) // Уч. зап. / Тарт. ун-т. - 1986. - Вып. 731. - С. 108-124.
- 35 См., напр.: Пригожин И. От существующего к возникающему. - С. 112-113, 122-126.
- 36 Там же. - С. 133.

НАЧАЛО ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ НАУКИ

Я.Л. Кивистик

Философия науки, как она существует со времен Узвелля и Милля до наших дней, не может гордиться конструктивными результатами анализа науки, даже несмотря на попытку избегать темные мировоззренческие ("метафизические", "спекулятивные") проблемы, на склонность научного, позитивного анализа науки. Достигнутые ею результаты носят скорее формально-логический, чем научно-философский характер. Этим обусловлен вопрос и о самой специфике философского анализа науки. Хотя неопозитивистская философия науки XX века отличалась самокритичностью, общая антиметафизическая установка ее лишила возможности рефлексивного самообоснования. Тем более эта проблема стоит и перед другими философскими течениями, в том числе и перед марксистской философией. Указанная проблема оказывается частной формой общей проблемы о специфике философского осмысления науки.

Существует много возможных аспектов освещения этой общей проблемы. Каждый из возможных подходов содержит в себе и относительно субъективные мировоззренческие предпосылки. С другой стороны, результативность подхода обосновывает и исходную мировоззренческую установку. Относительной беспредпосылочностью отличается исторический подход к проблеме. Поэтому в дальнейшем мы рассмотрим проблему общей специфики философского анализа науки с точки зрения его возникновения, т.е. нас интересует начало философского анализа науки. В силу вышесказанного "начало" означает здесь не только возникновение философского анализа науки во временном смысле, в смысле точных дат, но одновременно и исходного, основополагающего принципа, природы анализа науки, как она конституируется при зарождении. В определенном смысле тождественность этих аспектов выражена в едином понятии "начало". Ясно, что даже исторический подход не может лишить нас всех предпосылок и предвзятостей. Каковы наши предпосылки, выяснится в дальнейшем.

Дело отнюдь не в том, что надо открыть некоторые точные

даты. Вопрос о начале философского осмысления науки является содержательной переформулировкой вопроса об общей природе этого вида анализа науки. Такая формулировка необходима для того, чтобы избежать зависимости искомых результатов от всяких неисторических, априорных концепций, моделей развития науки. Наша постановка проблемы о начале осмысления науки правомерна только после разрешения спорного вопроса о начале самой науки.

Термин "наука" используется здесь и в дальнейшем как синоним термина "естествознание", даже как "физика".

Нас интересует начало той науки, которая концентрируется вокруг точных наук, и в первую очередь вокруг физики. Эта наука — наука Нового времени, как известно, начинается в XVII в. с теоретической деятельности Г. Галилея, а обусловлено развитие этого явления возникновением капиталистических отношений в Западной Европе¹.

Мы не хотим отбросить все исследования о древней науке и о ее осмыслении, но необходимо подчеркнуть, что в соответствующих работах речь идет об иной, безначальной науке и, следовательно, наша постановка проблемы в отношении этой науки бессмысленна. Древняя наука не имеет начала как и всякое бесформенное явление, она конституируется на основе некоей традиции, через узнавание задним числом.

Нас интересует начало отражения специфики науки Нового времени в философии Нового времени. Это и является целью настоящей статьи.

Наверняка мы не ошибемся, говоря, что описание методологической мысли Нового времени наиболее часто начинается с системы Ф. Бэкона, ибо он "... имеет неувядаемое значение как основатель современного индуктивного метода и зачинатель логической систематизации процесса научной деятельности"². Однако исторический подход предписывает нам иную позицию. Дело не только в том, что Бэкон "... предлагает изобретение научных инструментов и относится с пренебрежением к телескопу. Он защищает наблюдения и позорит наблюдения Галилея ... после Коперника и Кеплера борется против гелиоцентрической теории..."³. Ведь мы начинаем историю науки Нового времени с теоретической деятельности Галилея⁴, и промахи Бэкона прямо не распространяются на это. Если адекватность отражения науки заключается в гелиоцентризме, то его начало надо искать в пифагореизме. Но так как взаимодействие бэконовских методологических идей и теоретической деятельности Галилея

исторически исключено, следовательно, было бы лишней тратой времени логическое доказательство того же самого. Совпадение некоторых идей Бэкона со сходными идеями методологов науки следующих поколений квалифицирует Бэкона как "гениального предвосхитителя", т.е. он нередко включается в определенные системы осмысления науки задним числом, через узнавание по аналогии.

Однако нетрудно раскрыть относительную донучность философии Ф.Бэкона в самой архитектонике его системы. Дело заключается в том, что в его трудах мы никоим образом не можем различать независимого объекта философии науки и собственно философию науки. Наука выступает в системе Ф.Бэкона не столько как самоопределяющаяся институция познания, сколько как некоторый проект, который построен исходя из тех самых принципов (человеческая польза), что и соответствующая методология, заключающаяся в демонстрации полезности этого проекта. Наука и философия науки оказываются в этой системе тождественными: из этого следует логическая невозможность рассматривать Ф.Бэкона как зачинателя философии науки Нового времени.

Наша задача заключается вовсе не в том, чтобы найти адекватнейшее понимание деятельности Галилея. Нас интересует начало отражения специфики науки в философии.

Будучи освобожденными от конкретных моделей развития науки, мы можем рассматривать специфику науки только крайне абстрактно, и соответственно отражение ее в философских системах может быть довольно необычным.

Анализ взглядов следующего классика философии - Р.Декарта - сложнее, чем Ф.Бэкона. В отличие от проповедника науки - Бэкона, Декарт является одновременно философом-метафизиком и естествоиспытателем-физиком. Взаимодействие философии и науки здесь налицо. С другой стороны, взаимодействующая с философией наука у Декарта не галилеевская, а декартова - карикатура науки Нового времени⁵. Является ли отпечаток физики Декарта в его метафизике адекватным отражением физики Галилея, а через нее и всей науки Нового времени? Как это не странно, на этот вопрос нам легче ответить утвердительно, чем отрицательно.

Мало кто отрицает, что метафизика и физика развиваются в системе Декарта как относительно самостоятельные области исследования. Гораздо реже обращается внимание на их взаимодействие, хотя и существуют мнения, что метафизика Декарта

отражает самостоятельность науки и философии, что несовпадение философии и науки послужило основой дуализма картезианской (и кантовской) метафизики⁶. Такие положения, однако, нуждаются либо в доказательстве, либо в опровержении.

Нам необходимо начало взаимодействия философии и науки Нового времени и мы попытаемся найти его в сочинениях Декарта. Ясно, что искомое должно быть налицо в "Энциклопедии" Декарта. "Начала философии" Декарта нам не подходит, ибо если искомое начало в них вообще существует, то в зрелом, уже в развернутом виде, анализ которого лишил бы нас преимуществ нашего подхода. Первым крупным сочинением Декарта, имеющим значение для философии, в котором он высказывается по поводу естествознания, является "Правила для руководства ума". Наша задача сводится к выявлению той завязки этого сочинения, которая позволяет Декарту в рамках одной фабулы одновременно излагать сведения и о науке, и о философии. Полагать, что завязка отсутствует, или Декарт вообще не заботится о последовательности мыслей, — по нашему мнению, невероятно, хотя такие мнения нередки в историко-философских работах⁷. Текст рассматриваемого сочинения показывает, что отсутствуют более конкретные советы для естествознания⁸, зато полностью развернутыми являются необходимые для обсуждения нашего вопроса общие соображения Декарта. Экспликация интересующей нас завязки была бы невозможной или служила бы модернизацией взглядов Декарта, если бы сам Декарт не различал философии и науки или его различие противоречило бы современному. Однако Декарт различает их вполне современно, правда, не столько по их методам, но достаточно четко по их объектам. Остается лишь поймать обещанную завяку, но только поймать, открыть, а не конструировать, ибо нас интересует структура системы самого Декарта, правда, в контексте нашей проблемы. Иначе говоря, искомая завязка должна быть осознанной самим Декартом, эксплицитно выраженным им синтетическим суждением, объединяющим одновременно сведения о науке и философии. Мест, соответствующих названным требованиям, в тексте "Правил для руководства ума" не очень много — большинство основных понятий вводится в текст без объяснения, как общеизвестные. Таковы, например, понятия истины, разума, познания, вещи. Для современного читателя значение этих терминов у Декарта довольно странное, требующее специального выявления. Однако Декарт обращается с ними как с само собой разумеющимися, явно не связывая посредством этих терминов

никаких завязок. Несколько отличаются от них понятия интуиции, дедукции и в особенности понятие метода⁹.

Декарт дает следующее определение понятия метода: "Под методом же я разумею точные и простые правила, строгое соблюдение которых всегда препятствует принятию ложного за истинное и без лишней траты умственных сил, но постепенно и непрерывно увеличивая знания, способствует тому, что ум достигает истинного познания всего, что ему доступно"¹⁰. Здесь мы поймали искомую точку соприкосновения философии и науки у Декарта. Метод Декарта представляет собой правила, соблюдение которых обеспечивает указанную деятельность ума. Из этого следует, что существует не менее двух способов бытия метода — чистый метод-в-себе, знание о правилах, чистые правила, предписывающие правильные действия, а, с другой стороны, метод-в-действии, сам процесс правильных действий ума. Метод как "правила" бессмыслен без соблюдения этих правил, а поскольку ум может функционировать и неэкономно, то должен существовать и способ в-себе-бытия метода, знание о правилах. Следует заметить, что "метод в действии" нельзя прямо отождествлять с декартовой наукой, ибо декартова философия тоже является определенным использованием метода. Тем ошибочнее было бы название "метода-в-себе" методологией, ибо чистое знание метода у Декарта, хотя и открытое в спорадических правильных действиях математиков¹¹, предшествует правильным действиям, а не является знанием задним числом, т.е., вернее сказать, является методикой.

Характерно, что у Декарта прямо не возникают проблемы соотношения названных двух методов; перед ним не мировоззренческая проблематика соотношения знания и практики, а практическая задача упорядочения познавательной деятельности. Тем более Декарт должен обосновать свое предприятие, показать действенность своих общих методов. Начнем с обоснования метода-в-себе, тем самым следуя порядку, установленному Декартом.

Если метод-в-себе не зависел бы от содержания познания, то было бы смешно, что разные науки имеют разные методы, или, как постулирует сам Декарт: "Нужно думать, что все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих"¹². Такой метод действительно чистый. В "Правилах для руководства ума" отсутствуют возможные побочные источники метода-в-себе (например, сверхъестественное откровение), там

налицо только элементарная познавательная ситуация: ум, истина и посредник между ними — метод¹³. Следовательно, метод-в-себе необходимо должен быть самообосновывающимся: изложение правил чистого метода должно соблюдать те же самые правила, себя самого. Однако изложение метода-в-себе не должно вытекать только из ума; самообоснование не является саморождением; необходимо существует метод-в-действии, а метод-в-себе выявляется из последнего через самообосновывающееся, непременно рефлексивное действие ума. В результате получается: "Если кто-нибудь задается целью исследовать все истины, познание которых доступно человеческому разуму, исследование, которое, мне кажется, должен произвести однажды в своей жизни всякий, кто стремится к истинной мудрости, то он, вероятно, поймет благодаря данным мною правилам, что ничто не может быть познано прежде самого интеллекта, а не наоборот"¹⁴. Сказанное здесь представляет собой наивысшую точку, которую достигает изложение метода-в-себе в "Правилах для руководства ума". Имеется столь отличное созвучие приведенных здесь слов с началом "Метафизических размышлений"¹⁵, что изложение метода-в-себе, которое прекращается здесь, кажется, продолжается там — в "... размышлениях". Мы надеемся показать, что это именно так.

"Правила" посвящены не столько обоснованию метода-в-себе, сколько описанию структуры метода, конкретных приемов правильного исследования.

Мы установили, что изложение метода-в-себе должно обосновывать самого себя; иначе говоря, отсутствуют причины возникновения метода-в-себе вне интеллекта его первооткрывателя. Мы обязаны проверить, имеет ли место соответствие между конкретным содержанием метода и общим самообосновывающимся характером этого метода, не противоречат ли некоторые приемы исследования, описанные как метод, требованиям рефлексивности описания метода. Не трудно проверить приемы метода Декарта, которые могут быть средством изложения метода-в-себе (дедукция, энумерация, разделение) и убедиться, что перечисленными приемами никак нельзя изменить изначальное противостояние методов "в себе" и "в действии". Некоторое исключение представляет собой интуиция, единственный путь введения новых данных в чистые рассудительные действия¹⁶. Представляется, что Декарт заметил эту возможность пробела и открыто заявил: "Под интуицией я не разумею не веру ... и не обманчивое суждение, но понятие ясного и внима-

тельного ума, настолько простое и отчетливое, что оно не оставляет никакого сомнения в том, что мы мыслим..."¹⁷. Декарт не предписывает никакого содержания конкретным интуитивным действиям, а только указывает, что интуиция не может перейти границу исходной ситуации, в которой самообосновывается метод-в-себе и ядро его — интеллект, от чего зависит познание всех остальных вещей¹⁸. Метод-в-себе должен быть самообосновывающимся, а приемы метода позволяют ему быть таким, следовательно, Декарт вполне справедливо может называть познающий интеллект субстанцией.

Наш методоцентристский подход освещает общеизвестный картезианский дуализм несколько своеобразно. Духовная субстанция оказывается самообоснованием нового метода-в-себе, иначе говоря, интеллектом, владеющим новым методом *a priori*, а субстанция обозначает самостоятельные, независимые области возможных действия интеллекта, т.е. приобретает гносеологическое содержание. Мы уже указывали, что метод-в-себе является совершенно чистым и пустым — Декарт сам осознает это. Метод-в-действии не является нашей выдумкой, а целью "Правил для руководства ума" Декарта. Декарт неоднократно утверждает, что истина не "выйдет из головы как Минерва из головы Юпитера"¹⁹, или "действительно нет ничего более бессмысленного, нежели трудиться над пустыми числами и вымышленными фигурами..."²⁰. Действительное познание должно быть содержательным, а поскольку интеллект в чистом виде (правда, владеющий методом) является субстанцией, то содержание должно войти в него, в круг интеллектуальных действий извне, не из интеллекта. Следовательно, для содержательного познания, для познания вещей, отличных от самого интеллекта, "нужно использовать все вспомогательные средства интеллекта, воображения, чувств, памяти..., словом, не нужно пренебрегать ни одним из средств, находящихся в распоряжении человека"²¹.

Содержательное познание, содержание метода-в-действии, является самостоятельным, независимым от метода-в-себе. Поскольку в "Правилах..." нет ничего кроме процесса познания, будь он чистым или содержательным, то мы должны установить, что содержание метода-в-действии представляет собой субстанцию. Хотя Декарт, очевидно, уверен в существовании вещей вне интеллекта (в "Правилах..."!), он избегает разговора о них до их становления содержанием метода-в-действии, т.е. протяженная субстанция приобретает гносеологический вид, похожий на духовную. Нам не нужно знать, является ли декартова нау-

ка применением правил или нет²², как для нас неважно, похожа ли декартова наука на галилеевскую; нам нужен образ науки в метафизике Декарта и эта цель нами достигнута: метод-в-себе и метод-в-действии являются отдельно стоящими субстанциями. Поскольку обоснование метода-в-себе прямо примыкает к "Метафизическим размышлениям", а наука Ньютона конкурирует с методом-в-действии Декарта, то мы можем эти методы называть соответственно философией и наукой.

Может быть еще не ясно, что мы подразумеваем под гносеологическим аспектом субстанции у Декарта. Примером гносеологического анализа понятия субстанции ведь служит подход Локка, который рассматривает это понятие как одну из сложных идей, происхождение которой требует объяснения. Декарт, напротив, описывает модусы (структуры) своих субстанций, особенно субстанции, протяженной в своей физике, не обращая особого внимания на происхождение понятий модусов или субстанций. Конечно, это так, но рядом с этим имеется и гносеологический подход у Декарта. Во-первых, мы показывали, что развитие Декартом нового метода необходимо ведет к отдельно стоящим областям в познании. Во-вторых, Декарт сам осознает, что каждой из этих двух субстанций соответствует собственный способ изложения. Придерживаясь, например, точки зрения исследования протяженной субстанции, субстанция духовная столь ничтожна, что поместится в шпиковидную железу.

Возможно, что в гносеологическом подходе открывается одно из вероятных²³ влияний Декарта на учение Локка. И наоборот — причиной того, что последующие поколения, например, в лице Лейбница²⁴ и Вольтера²⁵ не понимали гносеологической природы понятия субстанции у Декарта, является деятельность ближайших последователей Декарта, окказионалистов и Спинозы, которые начали с того, чем Декарт завершил свой гносеологический анализ — с субстанции в онтологическом смысле. У Спинозы субстанция приобретает вид, трудно поддающийся гносеологическому толкованию. Лейбниц жил во время бурного развития галилеевской науки и для него картезианская²⁶ наука вместе с понятием субстанции²⁷ стояла препятствием на его пути. Несмотря на вытекающее отсюда вполне понятное пренебрежение Декарта, он еще не мог, в отличие от современных методологов, полностью забыть эмбриональное положение этого зачинателя как философии, так и науки и поэтому единственно у него мы находим толкование Декарта, соответствующее нашим выводам. Лейбниц говорит: "... в феноменах природы все со-

вершается одновременно и механически и метафизически, но источник механики лежит в метафизике. Не так-то просто было раскрыть эту тайну, так как мало, кто дает себе труд соединить оба вида исследований. Г-н Декарт пытался это сделать, но недостаточно. Он слишком торопился в большей части своих утверждений и можно сказать, что его философия — это лишь преддверие истины"²⁸.

Соблюдая терминологию Декарта, мы должны выявить в его системе отражение протяженной субстанции с точки зрения духовной субстанции. Объектом для этого служат тексты Декарта, в которых он сознательно принимает точку зрения духовной субстанции. Обоснование метода-в-себе в "Правилах..." направляет нас к "Метафизическим размышлениям". Не случайно совпадение, что там действительно налицо искомое. Нигде в других сочинениях, а лишь в "Метафизических размышлениях" Декарт "закроет глаза, заткнет уши"²⁹, намеренно предполагая, что все видимые вещи — ложные³⁰, будет "считать себя не имеющим ни рук, ни тела, ни крови, не имеющим никаких чувств"³¹, в этом сочинении он "привык освобождать свой дух от чувств"³², т.е. занял точку зрения чистого интеллекта и, что очень важно, вполне сознательно, намеренно, зная об искусственности своего предприятия. Тем самым он одновременно указывает на возможность собственной точки зрения как и всевозможных других точек зрения.

Избранная точка зрения предписывает Декарту тему его сочинения — "Метафизические размышления" должны были стать развернутым изложением сознания, т.е. развернутым самосознанием. Обращая внимание на относительность, искусственность очищения точки зрения там, мы смеем предположить, что в развернутом самосознании не должен отсутствовать образ науки, т.е. образ вещей, которые для Декарта, как мы уже убедились, не существуют до науки и вне ее.

Первое размышление³³ целиком посвящено освобождению интеллекта от всех побочных влияний, и когда это, наконец, удастся, возникает сомнение во всем, включая благодать бога. Но Декарт считает нужным успокоить читателя, что все это только условно, временно: "ведь тут идет дело не о действии, но о размышлении и познании"³⁴.

Во втором размышлении³⁵ Декарт стоит уже на очищенной точке зрения интеллекта, он уже слеп и глух и нуждается в точке опоры, чтобы не упасть, чтобы иметь нечто, кроме чистой точки зрения, способа исследования.

Каждое определение, кроме самоопределения, является там сомнительным, т.е. принуждает к уходу от очищенной точки зрения. Единственно возможное самоопределение интеллекта имеет две ступени. Во-первых, "я есмь, я существую", ибо очищение не доходит до пустоты, а поскольку очищение не освобождает нас от мышления, то "Я - вещь мыслящая". После этого "Я" уже нечто, точка опоры найдена. Декарт не примиряется со столь бедным самосознанием и начинает рассматривать условия содержательности сознания. До этого он разделял чувства и мышление³⁶, позднее, объясняя возможность содержания мышления³⁷, свидетельствует, что разделение их невозможно: хотя и чувства могут быть обманчивыми, "во всяком случае достоверно то, что мне кажется, будто бы я вижу"³⁸. Здесь Декарт достигает предела, теперь ему понадобилось бы доказать содержательность действий интеллекта, исходя только из интеллекта. Конечно, это не удастся, в противном случае наше изложение системы Декарта было бы в корне ошибочным, содержание науки вытекало бы из философских принципов. Так не бывает, поворот в тексте Декарта существует, Декарт осознает границу, оставляет все ограничения и начинает рассматривать содержательность интеллекта как само собой разумеющуюся: "Ослабим же еще раз поводья и, предоставив ему полную свободу, позволим рассматривать объекты, которые ему кажутся внешними"³⁹.

Взрастить чистый интеллект до содержательности Декарту не удалось. Он выбирает обратный путь и пытается редуцировать многообразие внешних чувственных предметов до размера интеллекта. Это ему вполне удастся. Рассматривая чувственность как практически бесконечное многообразие, Декарт заключает, что познание прочно тогда и только тогда, когда вещи познаются разумом. Он заявляет, что "достиг, чего хотел ... что тела ... не познаются чувствами..., но одним только разумом"⁴⁰ и, следовательно, не надо оставлять точку зрения чистого интеллекта. С нашей точки зрения Декарт своим поворотом открыл содержательную логику вещей (науки) как подсистему более общей рефлексивной логики (философии) и отставание им своей точки зрения обещает нам найти в дальнейшем тексте ответ на вопрос, почему содержательная логика является подсистемой рефлексивной логики, а не наоборот, т.е. найти начало осмысления науки - вместо логики воска Декарт мог бы изложить всю свою физику.

Важно отметить, что поворот в рассуждении Декарта яв-

ляется свидетельством самостоятельности науки, логики предметов от чистого рефлексивного размышления; наука так уже представляет собой объект, противостоящий истолкователю как и позже, во времена Лейбница или сегодня. Надежда найти начало этого процесса истолкования в системе Декарта основывается на том, что в этой системе они — философия и наука — в самом начале были в "Правилах ..." тождественными. "Метод-в-себе" (философия) и "метод-в-действии" (наука) были лишь сторонами одного суждения Декарта: должен существовать новый метод. Искомое начало представляется как ответ на вопрос: почему содержательная логика (наука) является подсистемой рефлексивной (философской) логики (если рассматривать дело с точки зрения философии).

В третьем размышлении Декарт продолжает свое дело. Описание чистого интеллекта с точки зрения философии, или самого интеллекта, рефлексивно. Хотя здесь интеллект опять-таки очищен ("Я — вещь мыслящая"), изложение учитывает результаты, достигнутые прежними поворотами, и поэтому мышление включает в себя не только сомнения, утверждение, отрицание, но также и знание многого и, наконец, источник знания — чувствование⁴¹. (Напомним, что в первых размышлениях чувствование не включалось⁴² в состав мышления.)

В дальнейшем⁴³ Декарт, как бы следуя нашим советам, описывает не столько само бытие интеллекта (уже содержательно, знающего что-то интеллекта), сколько способов бытия этого содержательного интеллекта. При этом он расчленяет содержание интеллекта (в том числе и чистую рефлексивность, самосознание) идеями, аффектами и суждениями⁴⁴, а сами идеи врожденными, пришедшими извне и созданными самим интеллектом⁴⁵. Рассматривая каждую из них отдельно, он заключает, что каждый из них является либо ничтожным с точки зрения интеллекта, либо выступает как результат ясного и отчетливого интеллектуального видения, естественного света ума. Особенно тщательно исследуется вопрос о возможном влиянии внешних предметов на содержание интеллекта и устанавливается точка зрения самого интеллекта, что все содержание в нем является гомогенным, а существование внешних предметов не может быть больше, чем проблематичным. Итак, по способу бытия содержание интеллекта (в том числе и самосознание в узком смысле — Я — вещь мыслящая), в котором каждый элемент исследован "только как известный способ мыслить", является вполне гомогенным полем действований естественного света ума⁴⁶ и, следовательно, ре-

шение нашей проблемы осталось недостижимым. Требуется новый поворот и Декарт его делает⁴⁷. Показав, что состав элементов интеллекта гомогенен по своей природе, что воздействие извне на соотношение этих элементов отсутствует, Декарт рассматривает соотношение элементов внутри самого интеллекта, ибо очевидно, что идеи и суждения по своей значимости вовсе не однопорядковые⁴⁸. Для исследования самого содержания интеллекта Декарт нуждается в соответствующих принципах, что приводит к открытию закона взаимоотношения идей: "Теперь естественный свет моего ума делает очевидным, что во всей действующей причине должно быть по крайней мере столько же реальности, сколько находится в ее действии"⁴⁹. Вероятно, Декарт мог бы эксплицировать свое понимание причинности раньше, в первых двух размышлениях, ибо вряд ли там не использовалось соответствующее понимание имплицитным образом. Здесь не место для проверки этого. Однако характерно, что Декарт не мог здесь не совершить отмеченную экспликацию.

Подчиняясь причинностной связи, при исключенности возможных действий со стороны на внутриинтеллектуальное многообразие идей, идеи необходимо порождают друг друга, а из-за ограниченности объема всего их многообразия должна существовать первая причина всех каузальных цепей идей, которая является первообразом, оригиналом всех имеющихся в интеллекте идей⁵⁰. Альтернатива первопричине идей, кругообразное порождение одной другой исключено содержательностью интеллекта или (что представляет собой то же самое) наличием самостоятельных элементов в структуре интеллекта. Остается найти только название первой идеи – первопричины всех идей. Декарт показывает, что этой идеей не может быть ни идея человека, неодушевленной вещи, животного или ангела⁵¹. "Следовательно, остается только одна идея бога"⁵², – резюмирует Декарт, тем самым нами найдено искомое начало философского осмысления науки Нового времени. Попытаемся объяснить свое утверждение.

Во втором из "Метафизических размышлений" Декарт описывал содержание интеллекта. Он заметил там две относительно самостоятельные подлогики – чистое самосознание и логику вещей. Самостоятельность следовала из невозможности вывести одну из другой. При этом Декарт осознает, что он сам непременно рассматривает соотношение этих логик с точки зрения самого интеллекта, т.е. описание названных логик оказывается расширенным, рефлексивным изложением самосознания, а соответствующие логики – проекциями философии и науки в философию

фии, которая представляется в нашем изложении сама как расширенное изложение самосознания, как интеллект или, иными словами, как предположение существования интеллекта, разума, внутреннего как безусловного результата исследования.

Выработке философской ориентации, определенной точки зрения исследования было посвящено первое из "Метафизических размышлений". Отстаивание философской точки зрения не может не действовать на содержание, излагаемое с этой точки зрения. Декарт отмечает, что чистая рефлексия и логика вещей не только существуют самостоятельно, но в виде связанности чистой рефлексивной логики с самоопределением точки зрения всего исследования, логика вещей как проекция науки должна быть в некотором смысле подчиненной системой, подлогикой первичной рефлексивной логики. Это явление нуждается в пояснении. Декарт отмечает, что философия необходимо имеет свое представление о науке, но следует объяснить, как это становится возможным, ибо ясно, что они, философия и наука, имеют самостоятельное существование. Перед Декартом открывается та самая познавательная ситуация, из которой исходит вся последующая традиция анализа науки: наука противопоставляется исследователю объектом, как самостоятельный, готовый, даже естественный предмет, никак не зависящий от выбора средств анализа и, следовательно, попытки исследователя доказать правильность своих действий неудачны, пока он не объяснит природу противостояния себя самого и своего объекта. Определения возможностей анализа научного знания у Декарта могли бы быть более удачными, ибо для него противостояние науки как объекта и философии как средства анализа не изначально данное, а, как мы показали, является результатом развертывания решения совершенствовать познавательные действия человека. Более того, ввиду уникальности этой эмбриональной взаимозависимости философии и науки в системе Декарта достигнутые им результаты должны быть фундаментальными для всего последующего анализа науки.

В начале третьего "Метафизического размышления" Декарт исключает возможные внешние причины, которые могли бы служить причиной подчиненности логики вещей с философской точки зрения. Причина должна наличествовать в самом содержании интеллекта, а вследствие независимости философской и научной логики выше их обеих должен существовать принцип, который подвластен чистому интеллекту и только ему - ибо подчиненной является научная логика, а все изложение исходит из философ-

ской точки зрения. Новый принцип, который является выражением необходимости осмыслить науку философски, Декарт называет Богом. Независимость этого принципа (изначально идеи Бога) от предшествующего процесса последовательного противопоставления философии и науки там⁵³ очевидна и, следовательно, эта независимость является логической необходимостью философского анализа науки, искомым началом философского осмысления науки.

С другой стороны, очевидно, необходима только независимость, а не содержание этого дополнительного принципа, который, правда, задним числом оказывается исходной предпосылкой философского анализа науки. Этот независимый принцип Декарт называет Богом не из-за логической необходимости, в потому, что он сам является католиком, о чем свидетельствует начало "Размышлений", где подчеркивается искусственность и временность отказа от идеи Бога⁵⁴. Тем самым дополнительно показывается, что необходимая предпосылка философского анализа науки — общий принцип, охватывающий как науку, так и философию, должен быть выражением мировоззренческой установки исследователя, т.е. описание науки при крайних обобщениях необходимо характеризуется партийностью, мировоззренческой нагруженностью. Правда, это выяснилось при противопоставлении философского способа исследования научному. Нам ясно, что философский анализ непременно должен быть рефлексивным, т.е. осознающим собственные действия и предпосылки. Философия, при сравнении ее с наукой, характеризуется как способ познания, который сам обосновывает свой метод и свою точку зрения. Рассматривая определенное начало эмансипации философии и науки в системе Декарта, мы установили некоторые конкретные черты выявленной мировоззренческой нагруженности осмысления науки.

Во-первых, мы видели, что для исследования науки с философской точки зрения в интеллекте имеется больше исходного материала, чем дает эмпирический образ науки. Если анализ науки не осознает дополнительные предпосылки, то результаты анализа, как правило, половинчатые. У Декарта такой осознанной предпосылкой является бог. Более полно природа соответствующей предпосылки открывается при рассмотрении системы Декарта в целом. В начале своего анализа мы показывали, что наличие этого нового метода познания как готового объекта анализа предполагает узнавание этого метода как нового, т.е. узнающие должны уже быть осведомленными до акта узнавания

чистого метода; экспликация мировоззренческой установки в форме метода-в-себе в определенном смысле предшествует самому узнаваемому новому методу-в-действии. В этом смысле Декарт необходимо предшествует Галилею; наука в этом смысле отпочковывается от философии, наука как объективный предмет анализа является продуктом сознательной объективации. Следовательно, указанная дополнительная предпосылка, которая осознанно вносит в основу анализа мировоззренческую установку исследователя, необходимо должна решить проблему о природе процесса объективации науки – в конечном счете проблему соотношения мышления и бытия. Такова функция Бога в некоторых сочинениях Декарта.

Может быть пока не совсем ясно, какое значение имеет выявленное нами начало философского осмысления науки для ее марксистско-ленинского анализа. Общеизвестно, что марксистская философия противопоставляет себя другим философским системам как научная, даже единственно научная философия. Не сложно заметить, что при таком противопоставлении марксисты используют термин научности не так, как использование этого термина конституировалось в анализе науки, а в первую очередь как характеристику особенно четкого осознания своей классичности, исходных мировоззренческих предпосылок. В свете нашей проблематики марксизм является снятием ограниченности гегельянства, отрицанием традиции, в которой рефлексивная закрытость философии развита до крайности. Марксистский выход из круга гегелевской логики, рассмотрение чистой логики как относительного отражения объективных естественно-исторических процессов имеет ту самую логическую природу, как и открытая Декартом логическая природа Бога в "Метафизических размышлениях": этот поворот от первичности логического к первичности исторического происходит внутри интеллекта в чистом виде, вне интеллекта историческое первично само собой. В форме, соответствующей критике чистой логики, первичности логики перед историей написаны почти все первые сочинения Маркса и Энгельса, пока, наконец, в "Рукописях 1857-1858 гг." Маркс не эксплицировал собственную диалектику исторического и логического. Более того, сознанием первичности исторического перед логическим разрешена и проблема изначального соотношения философии и науки, загадочное предшествование осмысления науки (Декарт) самому объекту осмысления (Галилей). Очевидно, что философия и наука являются отдельными выражениями более общих изменений в общественном

строе, в данном случае философия и наука Нового времени являются конкретными следствиями становления капиталистических отношений в Европе в XVI-XVII вв.

Итак, на примере Декарта мы убедились в том, что марксистская философия, в отличие от различных аналитических течений анализа науки, сохранила в своем категориальном строе отпечаток изначальных объективных (а не только представляемых) взаимоотношений философии и науки. Тем и решена проблема, какие преимущества имеет применение категориального аппарата марксистской диалектики при анализе науки, если сравнивать его с более новыми частнонаучными методами в метанауке. Конечно, эти преимущества являются действующими факторами только при сознательном обхождении с ними.

Наконец, следует указать и на одно косвенное доказательство правоты нашего изложения проблемы. В колоссальной массе работ, посвященных Декарту, относительно редки те, в которых одновременно рассматриваются вопросы философии и науки. В одной из последних из них автор сочинения⁵⁵ исходит из аналогичного нашему представлению о неразрывной взаимосвязанности философии и науки в системе Декарта. Однако его выводы оказываются противоположными. Согласно его мнению, Декарт не является первым осмыслителем новой науки, а наоборот, восстановителем старой перипатетической философии в новой обстановке, который считает себя поборником новой науки (*an innovative Aristotelian*⁵⁶; *a selfproclaimed champion of a new science*⁵⁷).

Философия Декарта стала препятствием на пути выработки действительной методологии науки Нового времени⁵⁸. Причиной столь неожиданных выводов служат исходные установки автора. У него существует определенная модель науки Нового времени, которая основывается на некоторых работах М.Вартофского, Л.Нэша, Э.Нагеля, М.Бунге, П.Дюгема. Кларк рассматривает систему Декарта в свете своего исходного представления о науке и достаточно закономерно заключает, что в методологии Декарта отсутствует понимание нагруженности фактов теорией и теории как необходимого момента научного эксперимента; эксперимент же рассматривается не конструктивно, наблюдение предпочитается эксперименту. Вообще наука и методология у Декарта основываются на обыденном опыте (*ordinary experience*). Дело заключается в исходной установке исследователя, он начинает с тех схем и моделей, ограниченность которых послужила исходной проблемой для нашей работы. Не отрицая оп-

ределенной значимости работ названных авторов, мы можем заключить, что из-за отсутствия осознанности собственных действий их результаты оказываются половинчатыми. Даже будучи частнонаучным, анализ науки должен быть осознанным, тем более при претензии на описание всей науки в целом. Нерешенность рефлексивных проблем определения исходной мировоззренческой установки вносит в достигнутые результаты немалую долю произвольности.

Основой идеала научности служит объективная практическая конструктивно-экспериментальная деятельность в естествознании (философское осмысление действительности предшествовало только акту узнавания новой науки, а не самой науке). Поскольку в гуманитарном анализе отсутствует практическая конституирующая основа, то включенность в ту или иную традицию — "парадигму", не является более чем внешним признаком характера исследования. Только при наличии практической основы характер исследования определяется автоматически, без осознания (причем, конечно, сознательно). В противном случае метод и предпосылки исследования являются либо результатом сознательной экспликации выбора, осознания, либо остаются произвольными. Философское знание отличается от других гуманитарных способов познания крайней обобщенностью, а конкретным выражением его обобщенности является необходимость включения осознания предпосылок в содержание самого исследования, в результаты познания. Остальные гуманитарные способы познания не обязательно рефлексивны, осознание предпосылок в них может оставаться за пределами результатов самого исследования.

Литература и примечания

- ¹ См., напр., Vihalemm R. Ühe teaduse kujunemislugu. — Tallinn, 1981; Косарева Л.Н. Предмет науки. — М., 1977; Лосева И.Н. Проблема генезиса наук. — Ростов-на-Дону, 1979; Ахутин А.В. История принципов физического эксперимента от античности до XVII в. — М., 1976.
- ² Рассел Б. История западной философии. — М., 1959. — С.561.
- ³ Мармери Ож.В. Прогресс науки, его происхождение, развитие, причины и результаты. — Спб., 1896. — С. 107.

- 4 Мы вполне согласны с результатами анализа, проведенного А.Ахутиным. См.: Ахутин А.В. История принципов физического эксперимента: От античности до ХУП в. - М., 1976. - С. 165-256.
- 5 См., например, оценку этой науки в книге Д.Кларка: Clarke D.M. Descartes' philosophy of science. - University Park Pennsylvania, 1982. - P. 32-40.
- 6 Юдин Э.Г. Отношения философии и науки как методологическая проблема // Философия в современном мире: Философия и наука. - М., 1972. - С. 151, 158.
- 7 Обзор таких мнений см.: Caton H. The Origin of Subjectivity. - New Haven and London, 1973. - P. 10-13.
- 8 См. также: Clarke D.M. Op. cit. - P. 5-6.
- 9 Мы, конечно, не первыми открываем особо синтезирующее положение понятия метода у Декарта. Но, как нам известно, обыкновенно соответствующее решение выступает как бог из машины и, что гораздо хуже, снова возвращающийся в машину бог. См., напр., Ляткер Я.А. Декарт. - М., 1975. - С. 78-79, 114.
- 10 Декарт Р. Избранные произведения. - М., 1950. - С. 89.
- 11 Там же. - С. 92-93.
- 12 Там же. - С. 80-81.
- 13 См. также: Ляткер Я.А. Цит. соч. - С. 86.
- 14 Декарт Р. Избранные произведения. - С. 107-108.
- 15 Там же. - С. 335.
- 16 Здесь выявилось одно из редких положений Д.Кларка, с которым мы в основном согласны. См.: Clarke D.M. Op. cit. - P. 58-60, 69-70.
- 17 Декарт Р. Избранные произведения. - С. 86.
- 18 Там же. - С. 107-108.
- 19 Там же. - С. 95.
- 20 Там же. - С. 92.
- 21 Там же. - С. 120.
- 22 Взгляд, что Декарт не понимал даже природу собственной науки и вообще отличался непоследовательностью, относительно популярен в современной западной литературе.

См., напр., Caton H. Op. cit. - P. 10-14; Clarke D.M.
Op. cit. - P. 1-14.

- 23 Нас не удивляет, что влиятельная традиция всегда считала философию, которая практикуется после Локка в Англии, в основном картезианской. См. об этом: Descartes: A Collection of Critical Essays / Ed.W. Doney. - London: Melbourne, 1968. - P. 10.
- 24 Лейбниц Г.В. Сочинения: В 4 т. - М., 1982. - Т. I. - С. 245; М., 1984. - Т. 3. - С. 183-190.
- 25 Voltaire. Filosoofia sõnaraamat. - Tallinn, 1986. - Lk. 20-22.
- 26 Картезианская наука и наука Декарта у нас не синонимы.
- 27 Лейбниц Г.В. Указ. соч. - Т. I. - С. 86, 87; Т.3. - С.162-164 и др.
- 28 Лейбниц Г.В. Указ. соч. - Т. I. - С. 531-532.
- 29 Декарт Р. Избранные произведения. - С. 353.
- 30 Там же. - с. 341.
- 31 Там же. - С. 340.
- 32 Там же. - С. 371.
- 33 Там же. - С. 335-340.
- 34 Там же. - С. 340.
- 35 Там же. - С. 341-351.
- 36 Там же. - С. 344.
- 37 Там же. - С. 345 и дальше.
- 38 Там же. - С. 346.
- 39 Там же. - С. 347.
- 40 Там же. - С. 350-351.
- 41 Там же. - С. 352.
- 42 Там же. - С. 344.
- 43 Там же. - С. 353-358.
- 44 Там же. - С. 354-355.
- 45 Там же. - С. 355.
- 46 Там же. - С. 358.

- 47 Там же.
- 48 Там же.
- 49 Там же.
- 50 Там же. - С. 359-360.
- 51 Там же. - 360-362.
- 52 Там же. - С. 363.
- 53 Там же. - С. 363.
- 54 См., напр., Декарт Р. Указ. соч. - С. 340.
- 55 Clarke D.M. Op. cit.
- 56 Op. cit. - P. 197-205.
- 57 Op. cit. - P. 14.
- 58 Op. cit. - P. 197.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФИЗИКИ ХРИСТИАНА ВОЛЬФА

В.В. Зибен

В философской историографии Христиан Вольф (1679–1754) оценивается в широком диапазоне: от "князя немецкого Просвещения"¹ до плоского вульгаризатора и популяризатора учения Лейбница и даже его эпигона². В домарксистской и современной немарксистской философии интерпретация учения Вольфа также далеко не однозначна. Неоднозначна и его философская и естественно-научная рецепция. Например, в России XVIII века его работы получили очень широкую известность, но в нем видели прежде всего физика и математика с европейской известностью, а не собственно философа³. Именно в таких деятелях и нуждалась Россия тех времен, осуществляющая петровские реформы. Как верно отметил Я.Бурхардт, Россия той эпохи "использовала чужую интеллигенцию, но исключала чужие идеи"⁴.

Уже первые работы, написанные Вольфом в дидактических целях, а это были работы по "математике"⁵, принесли ему европейскую известность⁶ и избрание членом Берлинской Академии наук⁷. Издание же им "Метафизики"⁸ привело не только к увеличению рядов его последователей, но и к появлению противников. Лагерь последних существенно увеличился, а их действия ожесточились после торжественной речи Вольфа по случаю передачи им. И.Ланге (1670–1744) должности проректора университета 12 июля 1721 г. В своей речи Вольф, отметив значение Конфуция, указал и на некоторое его соответствие со своими взглядами и заключил, что человеческого счастья можно достичь и без откровения⁹. За эту речь Вольф был обвинен в сгинозизме, детерминизме и атеизме¹⁰, а затем осужден и в течение 48 часов должен был под страхом смертной казни покинуть пределы Пруссии¹¹.

Рассматривая работы Вольфа, а также его просветительскую и академическую деятельность, мы приходим к выводу, что в учении о природе он чаще всего выступает как стихийный материалист, а в просветительской деятельности как передовой человек с прогрессивными взглядами, но зачастую вынужденным идти на компромиссы.

Первый вывод следует из анализа его физических работ (т.н. "Теоретическая физика"¹² и "Экспериментальная физика"¹³), а также 4-ой главы "Метафизики" "О мире". По-иному следует оценивать его философские взгляды. Как уже отмечалось выше, в марксистской историографии о нем и его взглядах имеются сведения весьма ограниченного характера¹⁴. В то же время на Западе отмечается очередное явное оживление интереса к нему и, как нам кажется, в первую очередь, как к влиятельнейшему деятелю раннего немецкого Просвещения, учебные пособия которого по математике, физике и философии считались основными в немецких университетах в течение многих десятилетий¹⁵. Закономерно возникает вопрос, а почему же именно Вольф стал популярным в первой половине XVIII века; в чем привлекательность его учебных пособий¹⁶; что дает основание Гегелю назвать его учителем немцев и отметить его большие заслуги "в деле рассудочного образования немцев" и утверждать, что именно Вольф "акклиматизировал философствование в Германии"¹⁷, а Канту считать, что Вольф внес "дух основательности" и дал "истинную строгость доказательств" в философствовании¹⁸; почему его "Логика" издавалась 14 раз, "Математика" - 11 раз, а "краткий курс математики" - около 20 раз; почему на русский язык переводится его "Физика" спустя 23 года, "Логика" - 41 год, а "Математика" - почти через 60 лет?.

В данной работе мы ограничиваемся анализом лишь его физики и в некоторой степени математики и логики, а философии Вольфа касаемся лишь постольку, поскольку это будет необходимым для анализа философских предпосылок его учения о природе¹⁹.

В самом общем плане считается, что в учении о природе Вольф стремится соединить идеи физики Декарта и Лейбница с физикой Ньютона²⁰. Мы придерживаемся этой оценки и берем ее в качестве исходной предпосылки исследования философских предпосылок физики Вольфа.

Для того чтобы дать философскую характеристику физики Вольфа, необходимо: а) охарактеризовать социальный заказ его эпохи и культурный фон; б) показать, какое место в своей философской системе он отводит учению о природе; в) выделить основные положения его гносеологии; г) проанализировать преемственность основных идей его физики как со своими предшественниками, так и с представителями последующих поколений. Детальный и углубленный анализ этих проблем в одной статье весьма затруднителен, поэтому фиксируя современный

уровень разрешенности этих вопросов, основное внимание мы сосредотачиваем на учении Вольфа о природе.

Во-первых, Германия начала XVIII в. еще не оправилась после опустошительной 30-летней войны и в экономическом отношении была одной из наиболее слаборазвитых в Европе. Ее раздробленность тормозила как экономическое развитие, так и социальный прогресс. Культура, искусство и наука даже и во времена Фридриха Вильгельма была в ужасном состоянии. И на этом фоне выступил Вольф, который отличался своим интересом к точным наукам и смелостью в "богословских суждениях"²¹. Более того, "на фоне тупости и реакции, царившей в Германии в середине XVIII века, Вольф на многих производил впечатление передового человека"²². В том же духе пишет о Вольфе и О.Ниппольд, считая, что Вольф претворял в жизнь то, что еще не было общепризнанным, "он был передовым бойцом свободы науки, обязательного исследования истины"²³.

Во-вторых, Хр. Вольфа, наряду с Г.Лейбницем и Хр.Томасием, относят к представителям раннего, называемого также философским, Просвещения в Германии. Сами они не считали себя представителями Просвещения, но являются таковыми по праву. Славу Вольфу как философу принес именно спор с ортодоксальным пиетизмом, так как спор в конечном итоге был философским. Кроме того, именно с именем Вольфа связано становление систематического философского образования в Германии и свобода философствования, а эти моменты как раз и характеризуют в наибольшей мере немецкое Просвещение. Поэтому Вольф по праву относится к виднейшим представителям немецкого Просвещения и именно в этой связи его и следует оценивать.

В-третьих, как последовательность издания частей философии ("математика"²⁴, "логика"²⁵, "метафизика"²⁶, "этика"²⁷, "политика"²⁸, "экспериментальная философия"²⁹, "учение о природе"³⁰), так и их содержание находятся в полном соответствии с его общими дидактическими целями. Он считал, что "прежде чем приступить к изучению философии, следует изучить арифметику и геометрию"³¹, а путем правильного использования математики и логики приучаются к пользованию своим рассудком. Таким образом, по Вольфу математика (арифметика и геометрия) и логика являются пропедевтикой философии.

Итак, начав с издания математических работ, целью которых являлось служение академическому образованию, и опубликовав несколько "частей" своей философии, имевших целью "повышение счастья человеческого рода"³², Вольф приступил к ча-

стям, связанным с познанием природы ("Naturlehre"). "После того, как я покончил с частями философии, которые относились к повышению счастья человеческого рода на земле, насколько оно достижимо, то без малейшего промедления я приступил к физике или науке о природе, в которой обсуждается познание природы"³³. И далее он разъясняет свою позицию: "Naturlehre" или учение о природе подразделяется им на две части: "экспериментальная физика" - эту работу он считал философской и рассматривал ее как основание физики³⁴ и, собственно "физика" - теоретическая дисциплина, изучающая природу и состоящая из трех частей - физики, телеологии и физиологии.

Физика называется также теоретической физикой и трактует природу с механистической точки зрения. В этой работе, как отмечает сам Вольф, - "я объясняю естественные события через их действующие причины опыта в соответствии с опытом и до конца поставленным экспериментом"³⁵. Таким образом, в своих теоретических рассуждениях Вольф опирается на эмпирический материал. Для него опыт, эксперимент являются исходными, отправными в познании природы. Здесь, видимо, сказывается влияние английского эмпиризма и материализма Локка. Работы последнего он высоко ценил³⁶. Вольф принимает два особых источника познания - опыт и разум³⁷. При этом он считал, что "лишь чувства побуждают нас к мыслям о вещах, которые находятся вне нас"³⁸. Для него опытное познание не только предварительная ступень к рациональному познанию, но в нем он видит и подтверждение и испытание рациональной науки. "Эмпирическая наука для него уже сама по себе наука, хотя и низкого достоинства"³⁹. Он придерживается положения, что опыт практически выступает как единственный источник увеличения наших знаний о действительности. "Тот факт, что опыт есть единственный источник расширения нашего знания о действительности, для Вольфа ясен как и для самого крайнего эмпирика. Но Вольфу ясно еще и то, что не всегда ясно эмпирику: наше познание не есть только накопление, но есть также приведение накопленного в порядок"⁴⁰. Он говорит, что именно посредством рассудка мы узнаем, что есть в вещественном мире, а также какие процессы в нем происходят. И вот все то, что мы узнаем из опыта, все фактологическое знание Вольф называет историческим познанием⁴¹. Примерно таково же соотношение и между экспериментальной философией (физикой) и догматической физикой у Вольфа.

Следовательно, Вольф исходит из того, что изучение физи-

ки следует начинать с экспериментальной физики, так как "мы еще не в состоянии, чтобы действия природы и свойства естественных вещей выводить из некоторых всеобщих оснований через сознание"⁴². Более того, он считает, что то, что им сделано в "Этике", "Политике" и "Метафизике", нельзя осуществить в "Физике". И вот в этом он существенно отличается от своих предшественников: физика Платона и Аристотеля охватывала все знание о природе, т.е. включала и духовную жизнь. То же самое "*Physica*" или "*Philosophia naturalis*" средних веков. В результате развития наук происходит дифференциация знания и в ХУ в. от нее отделяется вначале психология (здесь мы имеем в виду понятия "физиология" и "психология", которые в сумме дают "*philosophia naturalis*" но существуют еще и прежние обозначения. В ХУІІІ в. имеем уже теоретическую и экспериментальную физику, а также физиологию как учение о живой природе. Именно у Вольфа получает право гражданства понятия "психология", а также "космология" ("*physica naturalis*") и "*physica experimentalis*".

Таким образом, к толкованию "физики" как философии природы в античности схоластики добавляют подразделение ее на две части "*physica corporis*" и "*anima*". Это этап качественного рассмотрения физики. Галилей начинает активно разрабатывать количественную физику, а следовательно, и экспериментальные методы, что знаменует в конечном итоге начало этапа математического естествознания. Физика Ф.Бэкона есть учение о природных процессах (натурфилософия), у Т.Гоббса физика — это прикладная математика, у Декарта — естествознание и астрология, у Гассенди — физиология. Дж.Локк считал, что физика занимается свойствами и действиями души и тел. Для Лейбница физика есть экспериментальная наука о телах, опирающаяся на ощущения и опыт, а Хр. Вольф определяет физику следующим образом: "... физика есть познание естественных вещей, т.е. всего того, что от существенности и свойства тел произойти может"⁴³.

Целесообразно проследить на системе Вольфа возникновение и становление собственно физического, близкого современному пониманию, рассмотрения действительности. Почему Вольфа? Дело в том, что Вольф не был ни выдающимся физиком, ни философом, но в целях академического образования он впервые сделал попытку систематизации научного и философского знания нового времени. Именно в его системе "физика" отделяется от "философии природы". Г.Гегель считал, что отделение "двух

ветвей рассмотрения природы друг от друга, т.е. физики и философии природы, происходит лишь в философии Вольфа⁴⁴. В предшествующие века она находилась либо в рамках естественной истории, либо математики⁴⁵. Как отмечает А.Н. Боголюбов, — "в начале XVIII в., в сущности, не было еще ни физики, ни механики, лишь к концу века эти науки получили не только содержание, но и пределы"⁴⁶. Вольф одним из первых в начале XVIII в. сделал попытку создания цельного и ясного, логически изложенного и всем доступного курса математики (и физики)⁴⁷.

Итак, осуществив предварительный анализ исходных предпосылок физики Вольфа, можно приступить к рассмотрению в содержательном плане того реального базиса, на котором он строит свою теоретическую физику. Таким базисом служит ему так называемая экспериментальная физика (полное название работы "Всевозможные полезные опыты, которыми прокладывается путь к точнейшему познанию природы и искусства, сообщенные любителям истины Христианом Вольфом"), т.е. нам надо показать, какие же сведения и опыты он считает необходимыми для усвоения, чтобы можно было приступить к изучению теоретической физики. Как уже было сказано, экспериментальная физика состоит из трех книг⁴⁸. Во вступлении к экспериментальной физике сказано: "Экспериментальная физика есть наука о всем том, что чрез опыты познать можно"⁴⁹ и далее рассматриваются ее составные части. В первой части "Об опытах над жидкими телами" рассматривается множество опытов по равновесию жидких тел, давлению жидких тел и тяжести твердого тела в жидкостях, о движении тел в жидкостях (говорит о лейбниевском изобретении, т.е., что двигательная сила пропорциональна квадрату скорости⁵⁰, использует аэрометры). Во второй части "Об опытах над воздухом" говорит об опытах Герике (воздушный насос), Бойля (упругость воздуха), Бойля, Вольтера, Гамберга (определение тяжести воздуха), Паскаля и Штурма (опыты со стеклянной трубкой), Мариотта (равновесие воздуха с жидкими телами) и т.д. В третьей части "Об опытах и наблюдениях перемен атмосферы" рассматриваются в основном различные физические инструменты (барометр, термометры, манометры и т.д.) их действия. Четвертая часть — "Об опытах над чувственными свойствами тел" (теплота, стужа, огонь) — использует работы Пикарда, Де ла Гира, Ньютона, Чирнхауза. Пятая часть — "Об оптических опытах" (свет, цвета, зеркала и т.д.) — использует работы Гриманда, Ньютона, Мариотта. Шестая часть — "Об

разных смешанных опытах" (магнитные опыты, звон). Седьмая часть - "Об опытах механических и гидравлических". Эта работа Вольфа написана очень ясным и понятным языком. Материал представлен так, что легко усваивается - нет излишней математической символики, но много геометрических иллюстраций, еще нет химии и общих философских рассуждений. Вся книга состоит из одних примеров, конкретных и очень наглядных опытов. Несомненно, что такой материал может служить хорошей пропедевтикой к изучению теоретической физики. Именно когда таким вышеуказанным способом Вольф заложил "надежную основу для познания природы", то он принялся за объяснение самой природы⁵¹. Разумеется, с точки зрения современной дидактики его учебник по экспериментальной физике является слишком перегруженным именно примерами, правилами, добавлениями и пояснениями. Но в то время этого избежать было практически невозможно. В то же время это давало хорошую тренировку ума, тренировало память, приучало обучаемых к сильнейшему умственному напряжению. Последнее следует считать весьма положительным, т.е. целевая установка у него верна, хотя средства ее достижения и не вполне соответствуют поставленной цели. Но по сравнению со схоластическим методом, где требовалось лишь заучивание готового, здесь следует отметить существенный прогресс, так как Вольф требовал понимания, а не только запоминания.

Показав общую тенденцию развития учения о природе и физике и отметив в первом приближении объем предварительных знаний, необходимых для тех, кто приступает к изучению физики, можно дать и сравнительный текстуальный анализ физики Вольфа и его предшественников, например, Аристотеля, Декарта и Лейбница. По Аристотелю учение о природе имеет дело с такой сущностью, "которая имеет начало движения и покоя в самом себе", т.е. "учение о природе должно быть умозрительным знанием лишь о таком сущем, которое способно двигаться"⁵². Физика Аристотеля качественная, а не количественная. У Ф.Бэкона физика как учение о материальных и действующих причинах входит в учение о природе или естественную философию: "физика рассматривает изменчивую, неопределенную и в соответствии с характером объекта подвижную сторону причин и не касается того, что в них является постоянным"⁵³. Таким образом, у него "физика - это наука, исследующая действующую причину и материю, метафизика - это наука о форме и конечной причине"⁵⁴. А это есть классификация причин восходящая к

Аристотелю. Р. Декарт считал, что подлинная философия состоит из двух частей: метафизики, "где содержатся начала познания" и физики, в которой "после того как найдены истинные начала материальных вещей, рассматривается, как образован весь мир вообще; затем особо, какова природа земли и всех остальных тел ..."⁵⁵.

Вольф высказывается аналогичным образом и на примере заблуждений и трудностей понимания сущностных изменений в телах, он показывает различие физического и метафизического уровней рассмотрения: "ошибочно полагают, что в метафизике учат, будто сущность вещи неизменна, а в физике допускают, что она изменчива"⁵⁶, т.е. вроде бы получается, что в физике противоречат тому, что утверждается в метафизике. И он считает, что если положение вещей более точно обсудить, то кажущееся противоречие исчезает. Основанием его уверенности служит следующее рассуждение: "В метафизике речь идет о сущности вещей пред и самому по себе, без обращения к действительности, которую вещь, имеющая ту или иную сущность, может достичь"⁵⁷. А в физике смотрят на действительность вещей, которая имеет известную сущность.

Уже в предисловии к "Немецкой логике" Вольф дает деление философии на части: логика, естественная теология, пневматология, физика, этика и политика, которые он затем определенным образом группирует. Физика (учение о природе) Вольфа включает в себя теоретическую физику, экспериментальную физику, специальные области (метеорологию, гидрологию и т.д.), а также телеологию и физиологию и является частью теоретической философии⁵⁸. Уже по исходной методологической установке физика и философия Вольфа теснейшим образом взаимосвязаны: в теоретической физике он постоянно философствует и переходит к общим рассуждениям. Его физика — это в общем-то научная картина своего времени и нового у него то, что физика отделяется от натурфилософии.

В "Метафизике" он начинает с рассуждения о возможности физики как науки и исходит из того, что так как можно объяснить и понять, каким образом сложные вещи могут возникнуть, то следовательно, возможна и наука о том: "возможность физики можно показать, если ее брать за науку, в которой ищут философское познание естественных вещей"⁵⁹. Здесь имеется в виду объяснение того, что может произойти из-за сил материальных тел. С другой стороны, первая философия, или, по Вольфу "Онтология", имеет дело с общими понятиями, которые касаются всех вещей⁶⁰. Он довольно подробно рассуждает о раздробленности механической философии, а также о том,

насколько она применима. И здесь он стоит на последовательных механистических позициях. Он считает, что если хочешь механистически философствовать, нужно обратить внимание на состояние частей и их связности, а также на движения, которые происходят при изменениях⁶¹. Но из примеров видно, что не всегда возможно чисто механистическое философствование, так как можно показать, что не всегда можно достичь механистических причин. И в таких случаях довольствуются физическими: "Я называю здесь причины физическими, механические свойства которых нам не известны, а скрыты"⁶². И далее: "Кто читает мою физику, тот войдет в нее довольно быстро, в особенности если он сравнит ее с другими, которые все пытаются объяснить исходя из механистических причин"⁶³.

Теоретическую физику Вольф рассматривает двояко: вначале по действующим причинам, т.е. с механистической точки зрения⁶⁴, а затем по целям (намерениям), которые при этом имел бог, что представляет собой финалистическую точку зрения. Таким образом, он естественные вещи подвергает двойному рассмотрению и пишет: "я объясняю события в природе и показываю не только причины, через которые вызываются действия естественных вещей, но исследуя также намерения, которые имел при этом бог, и пользу, которую люди от этого имеют"⁶⁵.

В "Физике"⁶⁶ Вольф стремится объяснить причины действий в природе, найти, где они скрыты, выявить их и по возможности обстоятельнее показать, какого вида и рода причины вызывают изменения в природе. Это цельное рассмотрение он разделил на четыре части. В первой части - "О телах и их свойствах вообще" - он говорит о главных свойствах тел (протяженность, делимость, смешанные тела, твердость, упругость)⁶⁷, о сущности и природе тел и обсуждает их свойства. Он выводит subtilность природы материи и показывает, почему ее делимость нельзя доказать посредством геометрии, что вся материя находится в постоянном движении и т.д. Во второй части от общего рассмотрения тел он переходит к рассмотрению мира вообще, где говорит о главных телах мира вообще, о солнце, луне и планетах, о неподвижных звездах и о системе мира⁶⁸.

Здесь у него чисто механистическое представление. Вначале он говорит о телах мира, которые видны невооруженным глазом - солнце, луна, звезды (планет можно видеть пять), затем в зрительную трубу - много больше звезд, а у планет видим уже и спутники (у Юпитера - 4, Сатурна - 5 и т.д.). Чисто логическим путем он доказывает, что "материя солнца есть ог-

ненная", что свет распространяется с невообразимой скоростью. А так как скорость света очень огромна, то он считает, что "свет не состоит из материи, истекающей из светлого тела"⁶⁹, и полагает, что "материю, по которой свет простирается и которая эфиром именуется, с Картезием должно представлять состоящую из шариков, между собой равных и упругих"⁷⁰.

Таким образом, объясняя строение природы космоса, он считает, что мы приходим к коперниковскому строению мира, которого сегодня все придерживаются, если они понимают астрономию⁷¹. В третьей части "О состоянии земли" Вольф говорит о земле вообще (форме, движении, вращении, воздухе, ветре, радуге, молнии, громе, воде и т.д.)⁷². В четвертой части "О растениях, животных и людях", используя работы Маркелла, Мальпигия, Грева и Левенгука, он рассматривает анатомию растений, а затем жизнедеятельность животных и человека.

После рассмотрения причин действий естественных вещей⁷³ Вольф приступает к рассмотрению намерений или целей, которые при этом имел бог. Этому посвящены две работы: цели мира и мертвых тел вообще (телеология)⁷⁴ и цели особых видов вещей (физиология)⁷⁵. В посвящении к своей "Телеологии" Вольф подробно объясняет, что такое телеология, используя метод сравнения (теология и философия, богослов и философ) и показывает ее необходимость. Он исходит из того, что имеются два вида истин: естественные и сверхъестественные. Первые познаются разумом и о них судят философы, а вторые — из святого писания и их толкуют богословы. При этом естественные истины не противоречат сверхъестественным, так как обе они имеют свой источник в боге, а следовательно, писание и разум также не противоречат друг другу⁷⁶.

В общем плане он хотел показать, каким должен быть мир⁷⁷, увидеть как в зеркале невидимое совершенство бога в его творениях⁷⁸. Он пишет: "Я показываю, как можно узнать из мира, что есть бог, и как мир становится зеркалом своеобразной воли, бесконечного познания, мудрости власти, высокого разума, доброты и власти, а также справедливости бога"⁷⁹. Затем он показывает по возможности удивительную величину мироздания и при этом указывает на "узкие рамки разума и силы воображения и после раскрытия внутреннего совершенства разума я показываю, что телесные вещи в себе (an sich) должны быть совершенно иными, чем они нам кажутся"⁸⁰. От такого общего рассмотрения он переходит к рассмотрению солнца, неподвижных звезд и планет, а также целей всех вещей. Как раз эта

часть его натуральной философии, в которой разъясняются цели вещей, называется телеологией"⁸¹.

Итак, рассмотрев в первом приближении текстуальное содержание теоретической (догматической) физики Вольфа, в также его методологические установки в учении о природе вообще, можно дать и сравнительную оценочную характеристику его основных принципов и положений физики.

Во-первых. Вольф считает движение неотъемлемым, коренным свойством материи и деление вещества до бесконечности на частички непостижимо малые. Деление вещества осуществляется через движение и в природе все материи должны находиться в постоянном движении"⁸².

Во-вторых. Он утверждает и вечность материальной субстанции мира, ее непрерывность, полагая, что даже "между частями материи, которые находятся в некотором теле, не может быть пространства, свободного от всех материй"⁸³.

В-третьих. В своей "Метафизике" Вольф предвосхищает формулировку закона сохранения движений: "Движение может осуществляться лишь из предшествующего движения"⁸⁴ и затем он рассматривает примеры движения при столкновении, действии и противодействии и т.д. Еще более явно он пишет, предвосхищая идею формулировки закона движения и сохранения материи: "Поскольку увеличение и уменьшение силы состоит просто в перемене пределов, то отсюда ясно, что оно может произойти без того, чтобы новая материя создавалась, или что-нибудь от имеющейся было уничтожено"⁸⁵.

В-четвертых. Его представления о пространстве и времени существенным образом отличаются от ньютоновского и от лейбнизианского понимания. Его мельчайшие частички — это по существу атомы, отличающиеся друг от друга качествами, т.е. качественные атомы. Он говорит о бесконечной делимости материи, но в физическом смысле, а не геометрическом"⁸⁶. Верно отмечает П.С. Попов, что у Вольфа в противоположность Лейбницу пространство "скорее обладает реальным, объективным бытием. Материальные монады, будучи непротяженными центрами сил, в соединении образуют протяженные тела. Пространство и время поэтому не являются данностями второго порядка, а представляют собой нечто принадлежащее объективному миру, объективной реальности, как таковой"⁸⁷.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- I Philosophisches Wörterbuch / Hrsg. von A. Diemer und I. Frenzel. - Frankfurt am Main, 1967. - S. 210.
- 2 См., напр., Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. I3. - С. 495.
- 3 На русский язык были переведены прежде всего его так называемые "Экспериментальная физика" (вольфианская экспериментальная физика с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на русский язык перевел Михайло Ломоносов. - Спб., 1746; 2-ое изд. 1760, - 183 с.), "Теоретическая физика" (Вольфианская теоретическая физика с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, переведена на русский язык... Борисом Волковым. - Спб., 1760. - 2II с.), "Логика (Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды... Пер. в 1753 г. Б.М. - Спб., 1765. - 304 с.), "Фортификация" (начальные основания фортификации, сочиненные господином профессором бароном Вольфом, с латинского языка переведенные ... Яковом Козельским. - Спб., 1765. - 159 с.) и "Математика" (Сокращение первых оснований мафиматики, сочиненное в пользу учащегося юношества Христианом Вольфом ... - Спб., 1770-1771. - Т. I-2; 2-ое изд. 1791 г.).
- 4 Burckhardt J. Weltgeschichtliche Betrachtungen: Historische Fragmente. - Leipzig, 1985. - S. 474.
- 5 Wolff Chr. Der Anfangsgründe aller Mathematischen Wissenschaften. - Halle, 1710 (Mathematik): в 4-х ч. - 11-е изд. 1800. Кроме того, в 1713 г. он издал "Auszug aus den Anfangsgründen aller Mathematischen Wissenschaften", которые использовались еще большим спросом и издавались около 20 раз.
- 6 Из доступных нам источников следует отметить переводы его работ на следующие языки: английский, французский, голландский, шведский, румынский, итальянский, болгарский, португальский, русский, грузинский, китайский и латинский.

- 7 См.: письмо Лейбница и Яблонского Вольфу от 25.02. 1711 года, в котором сказано, что он избран членом Берлинской Академии наук из-за его чрезвычайного дарования, рассудка, особенно в математических науках (Gottsched J. Chr. Historische Lobschrift des weiland hoch- und wohlgebornen Herrn Christians ... Wolff. - Halle, 1755. (Beilage. - S. 8.)
- 8 Wolff Chr. Vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt ... - Frankfurt und Leipzig, 1736 (Erste Aufl. 1719, achte 1761: Metaphysik).
- 9 Nippold O. Einleitung zu: Chr. Wolff. Jus Gentum methodo pertractatum. Vol. 1-2. - Oxford, London, 1934. - Vol. 1. - P. XIX; Gottsched J. Chr. Op. cit. - S. 50.
- 10 Давая общую оценку Вольфу, М.Хайдеггер считал, что "его основательный и строгий метод обучения означал для тогдашней пустой болтовни теологов серьезную опасность" (Heidegger M. Die Frage nach dem Ding: Gesamtausgabe.-Frankfurt am Main, 1984. - Abt. II, Bd. 41. - S. 113.
- 11 Wuttke H. Einleitung zu: Christian Wolffs eigene Lebensbeschreibung. - Leipzig, 1841. - S. 28.
- 12 Wolff Chr. Vernünfftige Gedancken von den Würckungen den Natur. 5 Aufl. - Halle, 1746. - 748 S. (Physik); Wolff Chr. Vernünfftige Gedancken von den Absichten der natürlichen Dinge. - Halle, 1724. - 496 S. (Teleologie); Wolff Chr. Vernünfftige Gedancken von dem Gebrauche der Theile in Menschen, Thieren und Pflantzen. - Franckfurt, 1725 (Physiologie).
- 13 Wolff Chr. Allerhand Nützliche Versuche dadurch zu genauer Erkenntnis der Natur und Kunst der Weg gebähnet wird ... - Halle, 1737. - Bd. 1; 1738. - Bd. 2; 1738. - Bd. 3 (Experimenta).
- 14 Зибен В.В. К вопросу о теоретических источниках философии Христиана Вольфа // Уч. зап. Тарт. ун-та. - 1984. - Вып. 693: Социальная детерминация философских концепций, Социальная детерминация познания: Труды по философии. - С. 37-56.

- 15 Зибен В.В. О причинах "возрождения" интереса к учению Христиана Вольфа в ФРГ // Там же. - С. 26-36.
- 16 Как справедливо отмечает Г.Геттнер, именно "в истории общего образования, а не в истории философии лежит значение Вольфа" (Hettner H. Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts. In drei Theilen. III. Theil: Die deutsche Literatur im achtzehnten Jahrhundert. - Braunschweig, 1864. - S. 212.
- 17 Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии // Соч. - М., Л., 1935. - Т. XI. - Кн. 3. - 358 с.
- 18 Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. - М.: Мысль, - 1964. - Т. 3. - С. 99.
- 19 В определенной мере теоретико-познавательная концепция Вольфа нами уже рассматривалась. - См.: Зибен В.В. Об основных детерминантах теоретико-познавательной концепции Хр. Вольфа // Социальная детерминация познания: Тез. докл. научн. конф. 19-20 сентября 1965 г. - Тарту, 1965. - С. 211-214.
- 20 Касаясь учебы М.В. Ломоносова у Вольфа, С.И. Вавилов очень верно схватывает основную характеристику учения Вольфа, когда утверждает, что Ломоносов быстро вошел в круг представлений вольфианской физики, пытавшейся соединить Ньютона с Лейбницем и Декартом, учение о непрерывном эфире с идеями об атомах - корпускулах" (Вавилов С.И. Михаил Васильевич Ломоносов // Люди русской науки. - М., Л., 1948. - Т. I. - С. 67).
- 21 Морозов А.А. М.В. Ломоносов. Путь к зрелости. 1711-1741. - М.-Л.: АН СССР, 1962. - С. 231. А.Морозов считает, что "при всей своей исторической ограниченности Вольф сыграл выдающуюся роль" // Там же. - С. 233. Именно "Вольф подготовил почву для развития классической немецкой философии" // Там же. - С. 234.
- 22 Там же. - С. 232.
- 23 Nippold O. Op. cit. - S. XVIII.
- 24 Wolff Chr. Mathematik.
- 25 Wolff Chr. Vernünftige Gedancken von den Kräften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkenntnis der Wahrheit ... 14 Aufl. - Halle, 1754 (Logik).

- 26 Wolff Chr. Metaphysik.
- 27 Wolff Chr. Vernünftige Gedancken von der Menschen Thun und Lassen, zu Beförderung ihrer Glückseeligkeit den Liebhabern der Wahrheit mitgeteilet von ... - Halle, 1721 (Ethik).
- 28 Wolff Chr. Vernünftige Gedancken von den gesellschaftlichen Leben der Menschen und insonderheit dem gemeinen Wesen zu Beförderung der Glückseeligkeit den menschlichen Geschlechts den Liebhabern der Wahrheit mitgeteilet von ... - Halle, 1721 (Politik).
- 29 Wolff Chr. Experimenta.
- 30 Wolff Chr. Physik, Teleologie, Physiologie.
- 31 Wolff Chr. Ausführliche Nachricht von seinen eigenen Schriften die er in deutscher Sprache von den verschiedenen Teilen der Weltweisheit ans Licht gestellt. 2 Aufl. - Frankfurt/Main, 1733; Wolff Chr. Ges. Werke. Hildesheim-New York: Olms Verlag, 1973. - Abt. I, Bd. 9. - S. 13 (Ausf. Nachricht).
- 32 Ibidem. - S. 13.
- 33 Ibidem.
- 34 Вольф писал: "Так как я привык в объяснении природы ничего не строить на песочном основании, а напротив, в основание положить то, что выведено неопровержимо из опыта, поэтому я издал прежде всего те "Эксперименты", которыми прокладывается путь к точному познанию природы и искусств" (Ibidem).
- 35 Ibidem. - S. 14.
- 36 Wolff Chr. Logik. Vorrede; Mathematik. Vorrede.
- 37 Зибен В.В. Об основных детерминантах теоретико-познавательной концепции Хр. Вольфа // Указ. соч.
- 38 Wolff Chr. Logik. - § 5.
- 39 Ремке И. Очерк истории философии: (Пособие для самообразования и для студентов) / Пер. с нем. И.О. Лосско-го. - 2-е изд. - Спб., 1907. - С. III.
- 40 Там же.

- 41 Lüthje H. Christian Wolffs Philosophiebegriff // Kant-
 42 Studien. - Berlin, 1925. - Bd. 30. - S. 39-66.
- 43 Wolff Chr. Ausf. Nachr. - S. 463-464.
 См.: Вольфианская теоретическая физика ... // Там же. -
 С. I.
- 44 Гегель Г.В.Ф. Философия природы. - М.: Мысль, 1975.-Т. 2.
 - С. 9.
- 45 По университетской традиции того времени к математике относили механику, оптику, гидравлику, а также много прикладных дисциплин. В последнем случае ее поэтому и называли смешанной математикой. Например, "Начальные основания всех математических наук" Вольфа (1710 года на нем. языке) содержат начальные основания искусства счета, геометрии, тригонометрии, архитектуры, артиллерии, фортификации, механики или искусства движения, гидростатики, аэрометрии, гидравлики, оптики, катоптрики, диоптрики, перспективы, сферической тригонометрии, астрономии, географии, хронологии, гномоники, общей алгебры, дифференциального и интегрального исчисления. Из 1934 страниц текста собственно механике отводится 97 страниц.
- 46 Боголюбов А.Н. От редактора // Механика и физика второй
половины XVIII века. - М.: Наука, 1978. - С. 7.
- 47 Там же. - С. 10. И далее он пишет: "Первую пробу "привести в порядок" сведения из механики, изложив не только статику, но и динамику, сделал немецкий философ и математик Христиан Вольф" // Там же.
- 48 Ученик Хр. Вольфа проф. Л.Ф. Туммиг осуществил в существенно сокращенном виде перевод отдельных частей философской системы своего учителя с немецкого на латинский язык и издал этот компендиум в 2-х частях (Thümmig L.Ph. Institutiones philosophiae Wolfianae, in usus academicos odornatae opera. - Francofurti et Lipsiae, 1725. - Т. I. 1726. - Т. II. "Наставления Вольфианской философии, изложенные для академического пользования Людвигом Филиппом Туммигом"). У I-ой раздел I-го тома этого "Наставления" на русский язык перевел ученик Вольфа Ломоносов (см.: Вольфианская экспериментальная физика... // Указ. выше), а У II-ой раздел перевел Б.Волков (См.: Вольфианская теоретическая физика... // Указ. выше).

- 49 Вольфианская экспериментальная физика // Указ. выше - § I.
- 50 Там же. - С. 8.
- 51 Wolff Chr. Ausf. Nachr. - S. 14.
- 52 Аристотель. Соч.: В 4 т. - М.: Мысль, 1976. - Т. I. - С. 180-181.
- 53 Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. - М.: Мысль, 1977. - Т. I. - С. 210.
- 54 Там же.
- 55 Декарт Р. Избранные произведения. - М., 1950. - С. 420.
- 56 Wolff Chr. Physika. - § 19.
- 57 Ibidem.
- 58 Wolff Chr. Logik. Vorbericht.
- 59 Wolff Chr. Anmerckungen über die vernünftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt, zu besserem Verstande und bequemerem Gebrauch derselben herausgegeben von ... - Frankfurt am Mayn, 1724. - § 29 (Anm. Met.).
В предисловии к "Немецкой логике" он пишет, что часть философии, в которой показывают "что возможно благодаря способностям тел, получает название физики или науки о природе или учение о природе" (Wolff Chr. Logik. Vorbericht. - § 12.)
- 60 Wolff Chr. Anm. Metaphysik. - § 29.
- 61 Ibidem. - § 224.
- 62 Ibidem.
- 63 Ibidem.
- 64 Во вступлении к теоретической физике он пишет: 1) "Натуральная философия или физика есть познание естественных вещей, т.е. всего того, что от существенности и свойства тел произойти может": 2) "... в физике должно познавать причины неорганических тел и правил движения, по которым силы подвержены переменам": 3) в физике "вместо основания должно употреблять наблюдения и опыты и ничего не принимать за подлинное как то одно, что из оных непосредственно вывести можно" (Вольфианская теоретическая физика ... - С. I-4).

- 65 Wolff Chr. Ausf. Nachr. - S. 496-497.
- 66 Эта работа "Разумные мысли о действиях природы..." представляет собой первую из трех книг физики, написанных Вольфом на немецком языке. См.: Указ. соч.
- 67 По тексту работы видно, что Вольф знал работы Франциска III, Левенгука "Материя разделяется на части непостижимо малые", Лукреция (о наличии "скважин" между телами), Бойля и опыты Гюйгенса. Интерес представляет утверждение Вольфа, что "невероятно, чтобы или чувствами или разумом число простых материй, которые первоначальными называются, когда-нибудь определить можно было" (См. Вольфианская теоретическая физика ... - С. 14-15).
- 68 Вольф ссылается на исследования Мариа, Галилея, Гюйгенса и Кассина (исследования спутников планет), И. Фабриция, Х.Шейнера и Галилея (исследования пятен на солнце), Ремера, Гюйгенса, Ньютона и Кассина (скорость света), Птолемея (Алмагест) и т.д.
- 69 Вольфианская теоретическая физика... - С. 41.
- 70 Там же. - С. 42.
- 71 Wolff Chr. Ausf. Nachr. - S. 501.
- 72 Он отмечает, что доказательство шарообразности земли дали географы, ее неправильную сферичность показали Ньютон и Гюйгенс, объяснение радуги дал Кеплер (см.: Вольфианская теоретическая физика... - Гл. III).
- 73 Х.Вольф пишет: "Возможность вещей доказывается без идеи бога... В науках нельзя опираться на мысли бога" или "В науках обсуждаются не действительность, а лишь только возможность" (Wolff Chr. Metaphysik. - § 989-990.).
- 74 Wolff Chr. Teleologie.
- 75 Wolff Chr. Teleologie.
- 76 Wolff Chr. Teleologie.
- 77 В четвертой главе своей "Метафизики" Вольф дает общее рассмотрение мира.

- 78 В "Предисловии" к "Телеологии" Вольф пишет: "Я благодарю бога!, который до сих пор поддерживал мой замысел собирать имеющиеся в мире истины, показывать их основания и применять их на пользу человеческого рода..." (Wolff Chr. Teleologie. Vorrede.).
- 79 Wolff Chr. Ausf. Nachr. - S. 509.
- 80 Ibidem. - S. 510.
- 81 В рамках данного исследования для анализа гносеологических (философских) предпосылок физики Вольфа, видимо, достаточно ограничиться краткими замечаниями относительно "телеологии" и "физиологии" Вольфа, так как хотя он их и называет "Физика II" и "Физика III", они у него "выпадают" из догматической физики.
- 82 "... движение делит материю на части" (Wolff Chr. Physik. - § 5).
- 83 Ibidem. - § 6.
- 84 Wolff Chr. Metaphysik.
- 85 Ibidem. - § 661.
- 86 Wolff Chr. Physik. - § 4. Более того, он считает, что Декарт был неправ, когда для сущности тела требовал лишь, чтобы оно имело длину, ширину и высоту, т.е. отождествлял геометрические свойства и естественные тела // Там же, см. также § 5.
- 87 Попов П.С. История логики нового времени. - М.: МГУ, 1960. - С. 103.

ПОНЯТИЕ ФИЛОСОФИИ У ХРИСТИАНА ВОЛЬФА

В.В. Зибен

Рассматривая причины возрождения на Западе интереса к учению Христиана Вольфа (1679–1754) за последнюю четверть века¹, мы пришли к выводу, что основной из них является та, на которую еще в 1859 г. в рецензии на работу К.Маркса "К критике политической экономии" указал Ф.Энгельс². Нами проанализированы причины возрождения интереса к Вольфу, в особенности за последние два десятилетия³, а также рассмотрены теоретические источники его философии, эволюция учения, дан предварительный анализ взаимоотношения Вольфа и Лейбница⁴. Результаты анализа приводят нас к выводу о необходимости новой, современной и более дифференцированной оценки его учения с марксистской точки зрения, учитывающей новейшие исследования, связанные с Х.Вольфом, с влиянием его академической⁵ и просветительской деятельности, а также с современной философской ситуацией в ФРГ⁶.

Для того, чтобы дать оценку философско-дидактической системы Вольфа, необходимо проанализировать понимание им предмета и целей философии. В рамках отдельной статьи дать понимание предмета философии Вольфом – очень трудная задача. Целью данной статьи является лишь первоначальное рассмотрение определения им понятия философии.

Приступая к рассмотрению понятия "философии" у Вольфа, следует прежде всего отметить, что в своих работах, написанных на немецком языке ("Немецкие работы"), он употребляет термин "мудрость" ("Weltweisheit"), а в "Латинских работах" – философия ("Philosophia"), несмотря на то, что философы того времени, начавшие писать на немецком языке, чаще пользовались термином "философия" ("Philosophie"). Здесь следует учесть и то, что в Германии уже с XVI века употребляли оба термина "Weltweisheit" и "Philosophie", а с XVII века – "Weisheitsliebe". Еще и в XVIII веке очень распространенным было словоупотребление "Weisheitslehrer", "Weisheitsforscher", "Weisheitsfreund" (философ)⁷. Слово "Weltweisheit" в немецком языке употреблялось в смысле "философия" наиболее

активно с конца XVII и до конца XVIII веков, т.е. во времена немецкого Просвещения.

Вольф не обосновывает это словоупотребление, но оно имеет более глубокое основание, чем кажется на первый взгляд: уже учась в гимназии, он задает вопрос себе: почему истины в математике принимаются всеми безоговорочно, а в теологии и морали нет? Нельзя ли более точно обосновать достоверность теологии? Более того, он полагает, что в науках никогда нельзя безусловно апеллировать к воле бога, например, для того, чтобы указать на нечто как причину, почему это является возможным, или может произойти⁸. Видимо, здесь и следует искать причину употребления термина "Weltweisheit" — он как бы противопоставляет его "Gottes-Gelehrtheit", он стремится не только показать самостоятельность философии, но и отстоять ее теоретически и практически, что в общем-то и характеризует его как деятеля Просвещения.

Одной из причин, почему Вольф использует термин "Weltweisheit", видимо, является то, что тем самым он подчеркивает свое отрицательное отношение к схоластике, а также стремление сделать философию мирской, светской. Последнее также вполне соответствует духу Просвещения. В.Шнайдерс считает, что Вольф относится к типичному философу Просвещения как из-за его строгого рационализма, так и его споров со ставшим ортодоксальным пиеизмом⁹. Вообще с Вольфом связывается поворот в стремлении сделать философию ясной и полезной¹⁰.

Итак, рассмотрев в первом приближении употребление Вольфом термина "Weltweisheit", мы приходим к выводу, что он хочет сделать философию более мирской, отделять ее от теологии, что вполне соответствует духу Просвещения. Его "Weltweisheit" берет свои принципы из этого мира ("Welt"), а не из божественного. Немецкое слово "Weltweisheit" уже вначале подчеркивало не только "Weltklugheit" ("знание света"), и "Lebensklugheit" ("знание жизни"), но и положительно оцененную философию, т.е. в духе положительного деления со времен возрождения греческой философии, в особенности Аристотеля. Просто Вольф живет своей эпохой, пытается быть в духе своего времени. Именно поэтому успех вольфганского понимания философии состоит в его попытке (осуществленной им практически впервые, что часто либо игнорируется, либо отвергается) соединения рационализма метафизической традиции с эмпиризмом нового математического естествознания.

Приступая непосредственно к анализу предмета философии Вольфа, необходимо прежде всего отметить, что у него нет специального, углубленного анализа определения ее предмета. В то же время он подчеркивает, что нет ничего, что не было бы предметом философского рассмотрения¹¹. Действительно, даже на первый взгляд, философская система Вольфа, о чем можно судить и по названиям его отдельных работ, которые составляют эту систему, а также по их содержанию, показывают нам, что в предмет философии он включает все — именно все знание того времени, но определенным образом переработанное. Это своеобразная энциклопедия. Уже названия его главных работ, написанные на немецком языке, говорят о многом. Например, его "Метафизика" имеет полное название "(Благо)разумные мысли о боге, мире и душе человека, а также всех вещах вообще, сообщенные любителям истины"¹². (Уже здесь он стремится охватить все возможное.)

Для Вольфа философия есть теоретическая наука, а философское познание есть чисто теоретическое размышление. При этом для него характерно стремление к постижению истины как таковой, он говорит о полезности знания как такового. Он считает, что именно философия должна давать четкие и точные понятия, научить их взаимосвязи, а также показать их основания. Вольф неоднократно подчеркивает, что философское познание есть не просто знание фактов, а знание их оснований¹³. В то же время для него очень важна и практическая сторона — он делит свою философию на практическую и теоретическую и очень много внимания уделяет именно первой. В "Примечаниях к метафизике" он поясняет свое понимание философии следующим образом: "Итак, я напоминаю здесь еще раз и навсегда, что моя философия является совершенно прагматической, что во всем дает себя использовать — как в науках и так называемых высших факультетах, так и в человеческой жизни"¹⁴. Прав В. Шнайдерс, утверждая, что непосредственную главную пользу философии Вольф видит все же в ее функции для других наук, которым она поставляет ясные понятия, верные принципы и точный метод¹⁵. Философия есть теоретический фундамент всех наук и поэтому именно через эти науки она оказывает свое влияние.

Таким образом, если исходить из уровня развития научного познания начала XVIII века, то он практически охватил все. Философия для него универсальная наука и по определению она имеет своим предметом не только существующие в действитель-

ности, но и возможные вещи¹⁶. Поэтому мы считаем бесполезным занятием искать отличие его философии от других наук в предметной области, как это свойственно конкретным наукам. Его философия отличается от других дисциплин не по материальному, а по формальному объекту¹⁷, т.е. по методу, а именно: как особый вид познания, цель которого – рассмотрение основы возможного. Как отмечает Х.Лютге, постановка вопроса от естествознания, метод от математики – в таком установлении заключены суть, существо и судьба вольфианской философии¹⁸.

Для более углубленного рассмотрения предмета философии Вольфа необходимо осуществить содержательный, текстуальный анализ его понятия "философия". При этом можно исходить, во-первых, из тех определений, которые он сам дает в своих работах и пояснений к ним; во-вторых, из работ, в которых он занимается специальным анализом своей системы и объясняет, почему он поступает именно так, а не иначе; в-третьих, из работ, относящихся к его спору с пиедистами, когда спор по существу был философским. Наконец, можно провести более последовательный анализ, рассмотрев процесс изменения содержания понятия "философия" в его работах, проследив затем, какое же содержание в действительности он вкладывает в него на различных этапах становления своей философской системы, т.е. осуществить текстуальный анализ его работ, постоянно имея в виду контекст употребления понятия. Последний момент наиболее плодотворен. Именно в отношении подобной ситуации К.Маркс писал: "Необходимо для писателя различать то, что какой-либо автор в действительности дает и то, что дает только в собственном представлении"¹⁹.

Впервые определение философии опубликовано Вольфом в предисловии к "Аэрометрии" в 1709 г.: "Philosophiam ego definere soleo per rerum possibilium, qua talium, scientiam". ("Философию я имею обыкновения определять как науку о возможных вещах как таковых")²⁰. Аналогичное определение дано им и в предисловии к "Немецкой логике" в 1712 г.: "Die Weltweisheit ist eine Wissenschaft aller möglichen Dinge, wie und warum sie möglich sind" ("Философия есть наука всех возможных вещей, как и почему (зачем) они возможны")²¹. В "Латинской логике" (1728 г.) он дает определение, несколько отличающееся от приведенных выше: "Philosophia est scientia possibilium, quatenus esse possunt" ("Философия есть наука возможных /вещей/, поскольку они /суть/ возможны")²².

Сравнивая эти определения, мы видим: что первое (1709 г.)

является наиболее абстрактным. Здесь явно аристотелевская традиция, вернее, аналогия в структуре подхода. Аристотель пишет: "Есть некоторая наука, исследующая сущее как таковое, а также то, что ему присуще само по себе"²³, т.е. у него "сущее как таковое", а у Вольфа "вещах как таковых". Имеем полную аналогию в построении определения. У Аристотеля философия в широком смысле — это наука вообще, которая "исследует сущее как таковое вообще"²⁴, а в узком — "наука об определенных причинах и началах"²⁵, т.е. "наука философа" — наука, "которой занимается философ: ибо аксиомы эти имеют силу для всего существующего, а не для какого-то особого рода отдельно от всех других"²⁶. У Вольфа же речь идет "о возможных вещах" и то лишь "поскольку они возможны". Таким образом, это определение философии Вольфа в общем совпадает с аристотелевским в широком смысле. Предмет же первой философии Аристотеля в узком смысле соответствует предмету онтологии Вольфа. Определение философии Вольфа напоминает и определение Декарта, который считал, что слово "философия" обозначает занятие мудростью и что под мудростью понимается не только благоразумие в делах, но также и совершенное знание всего того, что может познать человек"²⁷.

Второе определение философии Вольфа (I712) в отношении первого более конкретно, так как здесь он говорит не просто "о возможных вещах", а конкретизирует и уточняет научную цель философии "как и почему они возможны", т.е. уже в определении выражено рационалистическое начало (принцип).

В данном определении "возможное" понимается более широко, это не просто логическая возможность, а абсолютная возможность. Вольф подчеркивает, что "философ должен не только знать, что нечто возможно, то также уметь указать основание, почему это возможно"²⁸, и это положение он иллюстрирует на примерах из физики. Затем с физического уровня рассмотрения возможного Вольф переходит на метафизический уровень, когда рассматривает вопрос об основании всех возможностей и возможности возможностей, т.е. о божестве как самостоятельном существе, так как все другое имеет в нем свое основание"²⁹.

Третье определение (I728 г.) философии Вольфа можно считать собственно философским, где возможность является формальной возможностью. Здесь предмет философии есть "наука возможных", но не просто "возможных" (имеется в виду вещей), а именно "поскольку они возможны". Эта возможность возможного носит чисто метафизический характер. Но здесь возникает

вопрос, а как же он понимает "возможное". И для дальнейшего анализа предмета философии необходимо разобрать более глубокие основные термины, входящие в его определения философии, а именно: *quatenus, possibile*.

Вольф специально анализирует понятие "*quatenus*"³⁰. В "Метафизике" он пишет: "Из одной лишь возможности нельзя заключить, есть ли это или может быть"³¹. И далее: "если я узнаю, что нечто возможно, то я не могу из этого допускать, что это действительно имеет место, или до этого произошло или в будущем произойдет"³². И отсюда он делает вывод, что "помимо возможности здесь должно быть еще нечто большее добавлено, если нечто должно быть благодаря чему возможное получает осуществление"³³. Здесь полная аналогия с рассуждением Аристотеля³⁴, но последний, кроме того, подробно объясняет и употребление термина "поскольку".

В каком же смысле Аристотель употребляет "поскольку"? Это видно из его анализа "движения" и "изменения", когда под движением понимается "осуществление сущего в возможности как таковой"³⁵, причем само движение "есть осуществление того, что есть в возможности, когда оно при осуществлении действует не как таковое, а поскольку оно может быть приведено в движение"³⁶. Здесь полная аналогия со структурой определения философии Вольфом. Трактую движение как осуществление, Аристотель подчеркивает: "Ибо чтобы то ни было может то находиться в осуществлении, то нет, как например, то, что может строиться, поскольку оно может строиться: и осуществление того, что может строиться, есть строительство"³⁷. В самом деле, осуществление — это или строительство или строение.

Как у Вольфа, так и в предшествующей ему истории философии понятие "возможное" ("*mögliche*", "*possibile*") претерпело определенные изменения. Характер этих изменений сводился в большей мере к тому, что менялось онтологическое значение этого понятия. Наиболее собственно онтологическим оно становится именно у Хр. Вольфа, который придерживался в данном отношении аристотелевской традиции. В предисловии к "Немецкой логике" Вольф пишет: "*Möglich nenne ich alles, was seyn kann, es mag entweder wirklich da seyn, oder nicht*" ("Возможным я называю все, что может быть; оно может либо действительно существовать или нет")³⁸. Возможное понимается здесь как беспрекословно возможное. По существу здесь им дано определение метафизической возможности.

Таким образом, структура изложения аристотелевская, но

сама трактовка все же не в духе Аристотеля: "Способностью или возможностью (*dynamis*) называется начало движения или изменения вещи, находящейся в ином или в ней самой, поскольку оно иное"³⁹.

В "Метафизике" Вольф вводит понятие возможного, используя принятый в логике прием, через невозможное: "поскольку нечто не может одновременно быть и не быть, то узнают, что нечто невозможно, если оно противоречит тому, о чем мы уже знаем, что оно есть или может быть"⁴⁰. Таким образом, здесь возможное он определяет как то, что "не содержит в себе противоречивого"⁴¹. В "Примечаниях к "Метафизике"" (1724 г.) он вынужден уже более детально объяснить употребление этого понятия: "В то время как я объясняю здесь возможное через то, что не содержит в себе противоречия, то я беру это слово в широком понимании, так, что оно включает в себя многое, что никогда не станет действительным... И в этом отношении я отличаюсь от Спинозы и других фаталистов, которые хотят познавать лишь возможное, которое когда-нибудь станет действительным"⁴². Он говорит о "возможном" в широком (безусловно возможное) и узком (возможное в этом мире) смысле. "То, что возможно в первом понимании, я назвал безусловно возможным, а другое, которое и в действительное превращается - возможное в этом мире"⁴³. В этом Вольф в определенной мере следует Лейбницу и, видимо, предвосхищает Канта, который писал: "абсолютная возможность (возможное во всех отношениях) не есть чисто рассудочное понятие и не может иметь какое-либо эмпирическое применение, - это понятие принадлежит одному только разуму, который выходит за пределы всякого возможного эмпирического применения рассудка"⁴⁴. Доказательством этому может служить и то, что в "Онтологии" он вводит 5 априорных и I апостериорный принцип возможного опыта, где апостериорный принцип может все время лишь учить, что нечто возможно: он не может объяснить, почему нечто возможно"⁴⁵.

В то же время Вольф отмежевывается от детерминизма Спинозы, для которого все либо абсолютно необходимо, либо абсолютно невозможно⁴⁶. Для Вольфа понятие "возможное" имеет в меньшей мере онтологическое значение, чем, например, понятия "порядок", "истина" или "взаимосвязь", но в большей мере гносеологический статус, чем для последних. Он считал, что Спиноза, Гоббс и другие "фаталисты" слишком сужали понятие возможного, сделав его более жестким. В "Метафизике" Вольф подчеркивает еще один очень важный момент: "Кроме возможно-

сти должно быть еще нечто большее, когда что-то должно быть, благодаря которому возможное получает свое осуществление"⁴⁷. А это осуществление возможности "и есть как раз то, что мы называем действительностью"⁴⁸. И Кант (1763 г.) выражается более конкретно: "Всякая возможность предполагает нечто действительное, в чем и через что дано все мыслимое"⁴⁹. Следовательно, он рассуждает аналогичным образом, - "Все действительное возможно отсюда естественно, по логическим правилам обращения, следует лишь частное определение: некоторые возможные вещи действительны, и это суждение как будто равнозначно суждению возможно многое такое, что не действительно"⁵⁰.

Таким образом, у Вольфа "возможное" предшествует действительному и в этом можно сказать, что он следует Лейбницу, но не вполне последовательно. Вольф вслед за Лейбницем принимает существование (действительность) как осуществление возможного, а отсюда он понятие "действительное" выводит из понятия "возможное". Вольф остается в большей мере на аристотелевском понимании возможности: "Я различаю сущность и действительность не только из-за любви к Аристотелю, Фоме Аквинскому и Скотту, а так как в моем исследовании это становится верным и эта истина является очень плодотворной и полезной"⁵¹. Аристотель также утверждал, что "возможность и действительность - не одно и то же"⁵². И далее: "определение и познание (того, что в возможности... и по сущности действительность первее возможности"⁵³. Таким образом по Аристотелю, бытие включает в себя и действительное и возможное. В "Метафизике" Вольф рассуждает аналогичным образом: "Что действительно, то возможно"⁵⁴.

Г.Г. Майоров считает, что еще в 70-х годах XVII в. Лейбниц приходит к выводу, что "сущность есть возможность, а существование - действительность"⁵⁵ и делает вывод: "Итак, непосредственным предметом интеллектуального познания оказывается, по Лейбницу, мир сущностей, или сфера возможного"⁵⁶.

Итак, мы имеем явную взаимосвязь интерпретаций возможного Лейбницем и Вольфом. При этом Вольф все же более механицист и метафизик. Он считает, что "поскольку божественный разум есть источник действительности, то никогда нельзя опираться на волю бога, когда спрашивают о чем-то возможном, а лишь тогда, когда хотят знать, почему нечто является действительным"⁵⁷. Отсюда он делает вывод: "ничто не становится

возможным по воле бога, а поэтому и возможность вещей доказывается без воли бога"⁵⁸. И для наглядности он говорит, что в математике, в особенности в геометрии, есть много основательных доказательств и нигде не ставится в основание доказательства воля бога"⁵⁹.

Итак, рассмотрев различные определения понятия философии Вольфом, а также цель его философии ("Weltweisheit"), мы приходим к следующим выводам:

Во-первых, предмет философии Вольфа следует рассматривать в тесной связи с назначением его философии, с тем, какие цели он перед ней ставит. Нагляднее всего это проявляется в его практической философии. Названия его "Немецких работ" говорят о том, что они предназначены для любителей истины (теоретическая философия) или что их цель - в разумном стремлении к счастью (практическая философия). В целом можно сказать, что здесь сказывается аристотелевская и декартовская традиции, а также нашло отражение духовное движение начала XVIII века в Европе.

Во-вторых, его философия носит универсальный и демонстративный характер, это своеобразная энциклопедия. Демонстративность и большое внимание к терминологии есть влияние прежде всего схоластики, метафизической традиции и обусловлены назначением его философской системы - служить академическому образованию.

В-третьих, все три определения философии Вольфа являются реальными определениями и начинаются с определения рода "Wissenschaft" ("наука"), куда "Weltweisheit" ("философия") входит в качестве вида. С точки зрения логики его определения являются корректными, так как давая определение философии, он подводит его под более общее (широкое) "наука всех возможных вещей" и в качестве видового отличия у него выступает "как и почему они возможны".

В-четвертых, формулировка понятия философии у Вольфа обусловлена огромной ролью понятия "возможное" в его концептуальной сетке, а также ее направленностью прежде всего на "физические теории" - они должны быть проверены по их возможности (правильности).

В-пятых, понятие возможности имеет у Вольфа прежде всего онтологическое значение, причем в своем развитии оно "наполняется" (раскрывается) на всех уровнях, а именно: как формальная и как логическая возможности.

В-шестых, в своем определении философии Вольф меньше ра-

ционалист, чем, скажем, Декарт. Декарт, Гоббс, Локк и Вольф высказываются за науку в философии, но Вольф — больше за "философскую" философию, хочет ее выразить более философски. Ф.Бэкон и Декарт — родоначальники новой философии, стремились сделать философию научной. Один стремился построить философию по образу экспериментального естествознания, а другой — математического естествознания. Оба выводят философию из первых причин или аксиом (Декарт⁶⁰), или аксиом (Ф.Бэкон⁶¹). У Гоббса философия также есть познание вещей из их оснований⁶², а у Локка — эмпирическое познание вещей. Предмет философии по Ф.Бэкону "Deus, natura, homo" (бог, природа, человек⁶³), у Вольфа то же "Deus, anima humana, corpora" и он стремится к соединению философии и математического естествознания.

Литература и примечания

- I Зибен В.В. О причинах "возрождения" интереса к учению Христиана Вольфа в ФРГ // Уч. зап. / Тарт. ун-т. — 1984. — Вып. 693: Социальная детерминация философских концепций. Социальная детерминация познания: Труды по философии. — С. 26-36.
- 2 Энгельс Ф. К.Маркс. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 13. — С. 495.
- 3 По далеко не полной библиографии работ о Вольфе, изданной в 1983 г., видно, что на последние 20 лет, т.е. 1961-1982 приходится более 60% всех публикаций 1800-1982 гг. (Biller G. Die Wolff-Diskussion 1800 bis 1982. Eine Bibliographie // Studien zum 18. Jahrhundert. — Bd. 4: Christian Wolff (1679-1754). / Hrsg. von W. Schneiders. Meiner Verlag. 1983. — S. 321-345.
- 4 Зибен В.В. К вопросу о теоретических источниках философии Христиана Вольфа // Уч. зап. / Тарт. ун-т. — 1984. — Вып. 693: Социальная детерминация философских концепций: Труды по философии. — С. 37-56.
- 5 Как отмечает К.Фишер. Формальное образование и распространение логической формы на все части знания — неоспоримая положительная заслуга Вольфа в отношении к немецкому Просвещению (Фишер К. История новой философии. — Спб., 1905. — Т. 3. — С. 641).

- 6 Зибен В.В. Об основных детерминантах теоретико-познавательной концепции Хр. Вольфа // Социальная детерминация познания: Тез. докл. науч. конф. 19-20 сент. 1985 г. - Тарту, 1985. - С. 211-214.
- 7 Deutsches Wörterbuch von Grimm J., Grimm W. - Leipzig, 1912. - Bd. XIV, 1 Abt. - Sp. 1136-1139.
- 8 Wolff Chr. Vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt, den Liebhabern der Wahrheit mitgeteilet ... 6. Aufl. - Franckfurt und Lepzig, 1736. - S. 611-612. (Meta-physik).
- 9 Schneiders W. Leibniz-Thomasius-Wolff: Die Anfänge der Aufklärung in Deutschland: Akten des II. Internationalen Leibniz-Kongresses. Hannover, 17-22 Juli 1972. // Studia Leibnitiana. - Wiesbaden, 1973. - Bd. 1. - Suppl. XII. - S. 106.
- 10 Schneiders W. Zwischen Welt und Weisheit // Studia Leibnitiana. - Wiesbaden, 1983. - Bd. XV, H. 1. - S. 8-9.
- 11 Wolff Chr. Vernünfftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und Ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntniss der Wahrheit, den Liebhabern der Wahrheit ... 14. Auflage. - Halle, 1754. Vorbericht. - § 8-9 (Logik).
- 12 Wolff Chr. Metaphysik.
- 13 Wolff Chr. Logik. Vorbericht.
- 14 Wolff Chr. Anmerckungen über die vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt, zu besserem Verstande und bequemerem Gebrauch derselben herausgegeben von ... - Franckfurt am Mayn, 1724. - S. 55.
- 15 Schneiders W. Über Christian Wolffs Philosophie und Philosophiebegriff // Studia zum 18. Jahrhundert. Bd. 4: Christian Wolff (1679-1754) / Hrsg. von W. Schneiders. Meiner Verlag. 1983. - S. 13.
- 16 Wolff Chr. Logik. Vorbericht. - § 1-9.
- 17 Cf.: Bissinger A. Die Struktur der Gotteserkenntnis Studien zu Philosophie Christian Wolffs (Abhandlungen zur Philosophie, Psychologie und Pädagogik - Bonn,

1970. - Bd. 63. - S. 38; Lüthje H. Christian Wolffs Philosophiebegriff // Kant-Studien: Philosophische Zeitschrift. - Berlin, 1925. - Bd. 30. - S. 63.

18 Lüthje H. Op. cit. - S. 63.

19 Маркс К. Максиму Максимовичу Ковалевскому (письмо) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 34. - С. 287.

20 Cf. per: Lüthje H. Op. cit. - S. 39. Вольф указывает в "Предисловии" к "Логике" (Wolffius Chr. Philosophia rationalis, sive Logica, methodo scientifica pertractata et ad usus scientiarum alque vitae aptata. - Francofurti et Lipsiae, 1740. - P. 13 (Logica), что к своему собственному определению "философии" он приходит в 1703 году, готовясь к лекциям в Лейпцигском университете, а затем в 1705 г. сообщил о нем К. Нейману и даже в переписке обсуждал это определение. В 1709 г. оно появилось в январском номере "Acta Eruditorum" (p. 24) и тем самым стало доступным научной общественности.

21 Wolff Chr. Logik. Vorbericht. - P. 1 В русском издании этой логики, перевод которой сделан в 1753 г., написано: "Философия есть наука всех возможных вещей, как и для чего они возможны суть" (Вольф Хр. Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды, любителям оной изданы.... - Спб., 1765. - С. I).

22 Wolffius Chr. Logica. - P. 13.

23 Аристотель. Метафизика // Соч.: В 4 т. - М.: Мысль, 1976. - Т. I. - С. II9.

24 Там же. - С. 276. И далее: "Именно первой философии надлежит исследовать сущее как сущее - что оно такое и каково все присущее ему как сущему" (Там же. - С. I82).

25 Там же. - С. 67.

26 Там же. - С. I24.

27 Декарт Р. Начала философии // Избранные произведения. - М., 1950. - С. 4II-4I2.

28 Wolff Chr. Logik. Vorbericht. - § 5.

29 Wolff Chr. Logik. Vorbericht. - § 5.

- 30 Латинское слово "quatenus" имеет несколько значений:
1) до каких пор, до чего, до какой степени; 2) как долго; 3) насколько, поскольку; 4) поскольку, так как. Все эти значения говорят о том, что определение Вольфа: а) чисто философское, близкое аристотелевскому; б) рационалистическое и спекулятивное, так как вторая часть определения "поскольку они возможны" означает, что в самой "возможности" имеется (может иметь место) какое-то ограничение или "наложение" на возможное.

31 Wolff Chr. Metaphysik. - § 13.

32 Ibidem.

33 Ibidem. - § 14.

- 34 В "Метафизике" Аристотель пишет: "мудрый, насколько это возможно, знает все, хотя он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности" (Аристотель. Соч.: В 4 т. - М.: Мысль, 1976. - Т. I. - С. 68). И далее "... и в некотором смысле (потенциально, в возможности - В.З.) он знает все подпадающее под общее" (Там же).

35 Аристотель. Указ. соч. - С. 289.

- 36 Там же. На конкретном примере Аристотель показывает, в каком смысле он трактует "поскольку": "Медь есть изваяние в возможности; однако осуществление меди, поскольку она медь, не есть движение. Ведь не одно и то же быть медью и быть чем-то в возможности, ибо если бы это было просто по определению одно и то же, то осуществление меди (как таковое) было бы некоторым движением" (Там же).

37 Там же.

38 Wolff Chr. Logik. Vorbericht. - § 3.

39 Аристотель. Указ. соч. - С. 162.

40 Wolff Chr. Metaphysik. - § 12.

- 41 Ibidem. Таким образом, он высказывается здесь в духе Клауберга. (См.: Eisler R. Wörterbuch der philosophischen Begriffe. 4. Aufl. - Berlin, 1929. - Bd. 2. - S. 163.

42 Wolff Chr. Anmerkungen. Metaphysik. - S. 10.

43 Ibidem, S. 11.

- 44 Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. - М.: Мысль, 1964. - Т. 3. - С. 293.
- 45 Arndt H.W. Einführung // Wolff Chr. Gesammelte Werke. I. Abt.: Deutsche Schriften. Bd. 1. (Deutsche Logik). Nachdruck. - Hildesheim-New York, 1965. - S. 262.
- 46 Спиноза Б. Избранные произведения: В 2 т. - М., 1957. - С. 391.
- 47 Wolff Chr. Metaphysik // Op. cit. - 14.
- 48 Ibidem.
- 49 Кант И. Соч.: В 6 т. - М., 1963. - Т. I. - С. 414.
- 50 Кант И. Указ. соч. - Т. 3. - С. 292.
- 51 Wolff Chr. Ausführliche Nachricht von seinen eigenen Schriften, die er in deutscher Sprache herausgegeben.. // Ges. Werke. - Hildesheim, New York, 1973. - I. Abt., Bd. 9. (Reprograf. Nachdruck der 2. Aufl. Franckfurt am Main, 1733.) - S. 221.
- 52 Аристотель. Указ. соч. - С. 238.
- 53 Там же. - С. 245.
- 54 Wolff Chr. Metaphysik. - § 15.
- 55 Майоров Г.Г. Теоретическая философия Г.В. Лейбница. - М., 1973. - С. 87.
- 56 Там же. - С. 88. Эти положения Лейбница очень схожи с утверждениями Вольфа. Было бы интересно проанализировать их взаимовлияние, так как Вольф опубликовал свои работы значительно раньше, а сам Лейбниц в письме к Ремону (1714 г.) утверждал, что не сообщал Вольфу о своих философских работах (Лейбниц Г.В. Ремону // Соч.: В 4 т. - М., 1982. - Т. I. - С. 536), но это предмет специального исследования.
- 57 Wolff Chr. Metaphysik. - § 989.
- 58 Ibidem. - § 990.
- 59 Ibidem.
- 60 Декарт Р. Избранные произведения. - М., 1950. - С. 412.
- 61 Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Соч.: В 2 т. - М., 1977. - Т. I. - С. 209.
- 62 Гоббс Т. О теле // Избранные произведения. - М., 1964. - Т. I. - С. 52.
- 63 Бэкон Ф. Указ. соч. - С. 200.

ОБ ОСМЫСЛЕНИИ ПОНЯТИЯ "WELTANSCHAUUNG"
В.Ф.И. ШЕЛЛИНГОМ

Т. Киллак

Категориальное, терминологически оформленное изучение мировоззренческих вопросов претерпевало в своем развитии неоднократные изменения.

Широко распространенное, например, в свое время рассмотрение мировоззрения либо синонимом философии, либо синонимом всеобщего миропонимания утратило к настоящему времени свое первоначальное значение. В течение ряда последних лет в марксистской философии все более широкое распространение получило понимание мировоззрения в качестве специфического среза сознания, имеющее прямое отношение к практическому освоению мира человеком¹.

В то же время можно сослаться, видимо, и на первоначальную понятийную форму, в которую облеклась мировоззренческая проблематика в философии И.Канта, которым, собственно, и было введено понятие "Weltanschauung" в научный обиход².

Целью настоящей статьи является как раз фиксация перехода от первоначального, кантовского понимания мировоззрения к его осмыслению в качестве всеобщего миропредставления или же синонима философии, который существенным образом связан именно с философией В.Ф.И. Шеллинга. Выяснение этого вопроса представляется важным не только с точки зрения историко-философской эволюции понятия "мировоззрение". Оно в равной мере способствует также раскрытию теоретико-познавательных источников, скрывающихся за взглядом на мировоззрение как на синоним философии, рецидивы которого, к сожалению, по сей день еще встречаются в литературе.

✱ ✱ ✱

Известно, что категоризированная Кантом проблема мировоззрения в качестве запроса на целостное охватывание чувственности ставилась и обсуждалась им как "эстетическо-кри-

тический" аспект синтеза чувственного и сверхчувственного в познании, целью которого являлось утверждение конечного человека. Вместе с тем при помощи понятия "мировоззрение" Кантом выдвигается очень существенная задача именно частного, субъектно-функционального охватывания тотальности чувственно данного при помощи определенных "субъективных" познавательных структур, разработанных в рамках философии. Важно подчеркнуть, что "тотальность" эта рассматривалась Кантом принципиально недоступной для какого-либо спекулятивного применения разума, хотя последнее в определенной области само по себе имело полное право претендовать на достоверность результатов познания.

Тем самым смысловые поля собственно философии и введенного Кантом в философский обиход понятия "Weltanschauung" ни в коем случае не совпадают, хотя они взаимно и дополняют друг друга, в частности в случае, если философия рассматривается не просто в теоретико-схоластическом, а в ее "всемирно-гражданском" плане³.

Линия Канта в осмыслении мировоззрения продолжается также Гегелем и Шлейермахером⁴. Несмотря на существенные различия в их концепциях, понимание мировоззрения как у Канта, так и у Гегеля и у Шлейермахера сходится все же в главном. А именно — они все относят мировоззрение строго к конечному знанию.

Однако, как известно, для послекантовского немецкого идеализма характерной являлась отнюдь не постановка вопроса об условиях конечного знания. В результате идеалистической абсолютизации социально-исторической мощи разума допускалось, что последний в силах отождествлять, растворять чувственный мир в своей ментальной сфере, согласно своим собственным законам и осуществлять тем самым, уже некоторую более высшую форму синтеза чувственного и сверхчувственного, чем конечный, чисто субъективный, эстетически-критический, практически-моральный и т.п. синтез.

Требование охвата целостности чувственного посредством субъективного эстетического синтеза, в котором существенным образом сосредоточивалось кантовское решение проблемы мировоззрения, перемещалось, вследствие этого, с плоскости частного приема философии на плоскость универсального ее притязания растворить всякую чувственность в стихии рационального мышления. Этот переход, разумеется, мог осуществиться лишь в случае переосмысления как оснований, так и ме-

тогда философствования.

Представляется, что именно перестановка акцентов в стиле мышления и может служить основой для раскрытия сдвигов в понимании мировоззрения у таких представителей немецкой классической философии как Шеллинг, а также Фихте.

Если философия Канта располагала одним лишь конечным разумом и равняла, как известно, всякое допущение чисто интеллектуального созерцания не чем иным как трансцендентно-мистифицированным применением разума, то уже для Фихте исходной точкой философского рассуждения служит абсолютное "я". Но так как Фихте рассматривает абсолют в качестве "я", то у него вполне еще сохраняется потребность в мировоззрении⁵. Ведь мировоззрение как тотальность чувственно воспринимаемого в представлении Фихте — это еще необходимый момент в движении самоутверждения абсолюта. Точнее, для абсолюта мировоззрение — это бессознательное состояние, характеризующееся, однако, своей продуктивностью, творческим порывом в отношении к чувственности. В то же время мировоззрение, превратившееся у Фихте в атрибут абсолюта, уже потеряло специфическое, закрепленное за ним Кантом значение в виде частного, функционального охватывания тотальности чувственного, которое, служившее необходимым основанием самоутверждения конечного человека, именно тем самым и являлось существенным дополнением философии. В представлении Фихте мировоззрение как атрибут абсолюта уже никак не может являться тотальностью субъективно-функциональной. Но тем не менее у Фихте философия и мировоззрение, как и у Канта, еще рядоположенные явления. На известную "незавершенность" фихтеанского понимания абсолюта указывает, например, Гегель. В "Различии между философскими системами Фихте и Шеллинга" он отмечает, что для развития философии в лице чистого познания абсолюта Фихте еще не располагает соответствующими логическими средствами. Что же касается Шеллинга, то в эго концепции как абсолют, так и метод его познания, т.е. его данность в интеллектуальной интуиции уже безусловно налицо. В этом созерцательном тождестве целостность охватывается как интеллектуальная самоконструкция абсолюта. "Философствование, — отмечает по этому поводу Гегель, — которое не конструирует себя в систему, представляет собой постоянное бегство от стеснений, оно больше домогание свободы разумом, чем чистое самопознание того, который приобрел твердость и ясность самого себя. Свободный разум, — продолжает он, — и

его деяния едины, и его деятельность — это чистое воспроизводство самого себя"⁶.

Если разум в представлении Шеллинга, как предполагал Гегель, действительно свободен при воспроизводстве самого себя в целостную систему, то мировоззрение в кантовском смысле оказывается для Шеллинга либо вообще ненужным, либо его значение должно подвергаться существенному изменению. Выбирая именно путь переосмысления мировоззрения Шеллинг подвергает его значение заметной эволюции, сводящейся к пониманию мировоззрения как синонима философии. Тем самым Шеллингом разворачивается в конечном итоге совершенно новый, резко отличающийся от кантовского тип концептуализации мировоззрения.

Развернутая Шеллингом концепция мировоззрения — это не столько итог активности конечного человека, результатом которого выступает им самим созданная целостность, а наоборот, индивидуальное выражение целостности, существующая якобы до и совершенно безотносительно ко всяким частным ее выражениям. Необходимым следствием подобного подхода к мировоззрению выступает его осмысление то ли как некоторого частного модуля, выразившего определенную сторону постижения абсолютом самого себя, то ли в качестве синонима определенной формы самопознания абсолюта. В последнем случае мировоззрение рассматривается Шеллингом в качестве системы "научного миропредставления" или философии как определенного уровня движения самопознания абсолюта.

Собственно термин "Weltanschauung" употреблялся Шеллингом с 1799 до 1804 года. При этом переход Шеллинга от кантовского осмысления мировоззрения в качестве частного охватывания тотальности чувственно воспринимаемого на некоторое иное его понимание, начинается уже в произведениях 1799 года.

На концептуальном субстрате, разработанном уже Фихте и сводившем мировоззрение к бессознательной деятельности разума, у Шеллинга на первый план выдвигается не столько ограниченность разума в своей бессознательной активности при обращении к чувственности, сколько его ограниченность в смысле неподлинности выражения мира в целом любым конечным разумом. "Для каждого конечного (существа — Т.К.), — отмечает по этому поводу Шеллинг, — должна быть дана граница мировоззрения..."⁷. "Наше мировоззрение, — повторяет он ту же самую мысль, — определено через нашу изначальную ограниченность

без того, что мы могли бы объяснять, почему мы именно так ограничены, почему мы имеем именно такое мировоззрение, а не иное...⁸.

Точка зрения ограниченности выражения мира в целом при помощи мировоззрения разворачивается более подробно в "Системе трансцендентального идеализма". В этом произведении Шеллинг ведет речь о том, что разницы в мировоззрениях отдельных интеллектов основываются на их индивидуальностях. Если от этих особенностей абстрагироваться, утверждает Шеллинг, то должен остаться единый для всех мир⁹. Тем самым мировоззрение — это модус, способ выражения единого для всех существ мира. Соответственно этой мысли в качестве таких модусов могут выступать не только человеческие индивидуумы, а также животные и даже растения. Им Шеллинг тоже не отказывает в мировоззрении¹⁰. Настойчиво проведенная Шеллингом мысль об ограниченности единичных существ при выражении мира в целом сопряжено еще одним немаловажным обстоятельством. Хотя мир (Welt) и установлен, согласно Шеллингу, исключительно через интеллекты, он не только объективен в отношении каждого из них. Каждый интеллект, подчеркивает Шеллинг, не более как зеркало вселенной¹¹. Из этого положения необходимо следует, что мировоззрение — это в первую очередь выражение тотальности мира, созданной и существующей безотносительно ко всяким конечным существам, а не его субъективное создание, как это представлялось Канту.

Небезынтересно отметить, что Кант допускал также надчеловеческую организацию. Однако телеология органического мира у Канта рассматривалась, как известно, не в ущерб человеческой целеустремленности. Согласно же Шеллингу собственно человеческие цели необходимо растворяются, обесцениваются в организации надчеловеческой, в отношении которой каждое единичное существо не более чем частица целого, ограниченная в пространстве и времени. "Ограниченность индивидуальности, — отмечает Шеллинг по этому поводу в "Системе трансцендентального идеализма", — а вместе с тем также свободы... определено только тем, что интеллект вынужден рассматривать себя как органического индивида..."¹².

В этой связи мировоззрение, употреблявшееся Шеллингом как определенный индивидуальный модус созерцания космоса, в целом уже имманентно содержит в себе еще одну возможность. А именно возможность осмысления мировоззрения как созерцания абсолютом самого себя. Весьма определенно этот смысл миро-

воззрения зафиксирован Шеллингом в "Системе всей, в частности натурфилософии", где он отмечает, что "даже самое совершенное животное является только модусом мировоззрения, модусом бесконечного утверждения. Тем самым это не только животное, которое созерцает, а само бесконечное, рассматриваемое со стороны определенного качественного различия, которое выражено посредством животного"¹³. Необходимо отметить, что рассмотрение мировоззрения в качестве определенной стороны проявления созерцания абсолютом самого себя претерпевает в мышлении Шеллинга существенные изменения. Так, в произведении "О Данте в философском отношении", относящемся к 1803 году, Шеллинг допускает, что взаимопроникновение науки и поэзии, характерное для творчества Данте, выражает уже не частный, а именно всеобщий тип мировоззрения¹⁴.

В итоге термин "Weltanschauung" употребляется Шеллингом по крайней мере в трех основных значениях. Во-первых, как ступень бессознательной активности интеллекта. Далее, в качестве частного выражения созерцания космоса в целом, и, наконец, как сторона всеобщего мирозозерцания в виде взаимопроникновения науки и поэзии.

Нельзя не заметить, что отмеченными, весьма ощутимыми сдвигами в осмыслении понятия "Weltanschauung" Шеллингом был введен радикальный переворот в кантовскую концепцию мировоззрения вообще. А именно — функциональное понимание мировоззрения, отнесенное к духовно-практическому освоению мира человеком, превращалось у Шеллинга в структурно-содержательное его осмысление. Это означало, что для мировоззрения определяющим оказалась не функция, выполненная им при освоении мира человеком, не его активно-созидающее назначение, а именно его компонентный состав, содержательная сторона, пассивно фиксирующая структурный срез мира. Коренное изменение подхода к мировоззрению четко отразилось на дальнейшем развитии взглядов Шеллинга относительно мировоззрения.

Известно, что после 1804 года Шеллинг вообще больше не употреблял термин "Weltanschauung". Для изучения концепции мировоззрения у Шеллинга этот факт представляет двойной интерес. Во-первых, со стороны выявления причины отвержения термина "Weltanschauung". Во-вторых, не менее важно выяснить, сохранилось ли в мышлении Шеллинга смысловое поле, обозначенное до 1804 года указанным термином?

Относительно причины отвержения Шеллингом термина "weltanschauung" высказал, насколько известно автору, свое

мнение Х.Мейер. Пытаясь дать объяснение факту отвержения Шеллингом термина "Weltanschauung" с 1804 года Мейер старается осторожно указывать, что мировоззрение, являвшееся для Шеллинга в основном термином натурфилософии, оказалось, возможно, с определенного момента ему просто ненужным ввиду выхода его мышления за рамки натурфилософии¹⁵.

С фактуальной точки зрения, возможно, это и так, но представляется, что действительная причина отвержения термина "Weltanschauung" заключалась не только в этом. Решающее значение, видимо, имело то обстоятельство, что осмысление философии в качестве специфического, системно-содержательно-го созерцания абсолютом самого себя так или иначе перекрыло закрепленный уже до Шеллинга за мировоззрением смысл в качестве функционального охватывания тотальности чувственного. Ведь если всеобщее, универсальное мирозозерцание налицо, то, видимо, должна отпасть всякая надобность в мировоззрении как в некотором частном виде синтеза, составившем еще у Канта необходимое звено в мышлении конечного человека. Доказательством этого аргумента выступает хотя бы то обстоятельство, что Шеллинг, уже не пользовавшийся термином "Weltanschauung" после 1804 года, все же сохраняет его значение, которое, однако, закреплено им в новых условиях за другим термином, являвшимся не только однотипным мировоззрению по своему смыслу, но также и синонимом философии. Точнее, речь идет именно о термине "wissenschaftliche Weltansicht" который Шеллинг использовал в сочинении "Философские исследования о сущности человеческой свободы и о связанных с этим вопросом предметах"¹⁷, написанным им в 1809 году. Хотя указанный термин употреблялся всего лишь несколько раз и содержание его поближе не раскрыто, он по своему смыслу рассматривается Шеллингом именно как определенная систематическая целостность знаний, т.е. синоним самой философии. Нельзя не заметить, что прибегая к новому термину, Шеллинг хочет будто подчеркнуть, что термин "Weltanschauung" который для подавляющего большинства его современников обозначал частное охватывание целостности, утратил собственно для него всякое значение. В то же время деятельность самого разума приобрела в философии тождества ряд черт, позволяющих объективно рассматривать ее как определенную конструкцию, целью которой выступает обоснование ее в качестве некоторой целостной системы. В итоге тот смысл, который в философии Канта был закреплен исключительно лишь за мировоззрением, был Шеллингом

перенесен не только на поэзию, как это наблюдалось еще в 1803 г., но и на философию.

Тем самым не исключено, видимо, предположение, что трансформация смысла самого термина "Weltanschauung" а также обращение в 1809 году к новому термину, значение которого служило синонимом философии, означали в своей кумуляции не что иное как развертывание Шеллингом радикально новой, по сравнению с кантовской, парадигмы осмысления мировоззрения.

В данном случае небезынтересно сослаться также на иные, имеющиеся налицо историко-философские интерпретации соотношения двух указанных терминов философии Шеллинга. К примеру М.Хайдеггер в лекции, прочитанной во Фрейбургском университете в 1936 году и посвященной специально изучению вышеуказанного произведения Шеллинга, констатирует, что термин "wissenschaftliche Weltansicht" употребляется Шеллингом в качестве синонима философии¹⁸. Тем самым Хайдеггер, видимо, принимает позицию, согласно которой термины "Weltanschauung" и "wissenschaftliche Weltansicht" у Шеллинга не могут быть идентичны по своему содержанию.

Занимая вышеназванную, вполне закономерную установку, явно исходящую из восприятия перестановки акцентов в мышлении Шеллинга, Хайдеггер вместе с тем допускает также некоторую иную интерпретацию соотношения шеллинговских терминов. Так, он отмечает, во-первых, что слова "Weltanschauung" и "Weltansicht" собственно однозначны¹⁹. Что же касается второго компонента словосочетания "wissenschaftliche Weltansicht", а именно "научности" мирорассмотрения, то относительно науки Хайдеггер принимает вполне определенную позицию. "Наука как таковая, — отмечает он, — не нуждается в мировоззрении, в себе самой она и есть мировоззрение..."²⁰. Уточняя сказанное, Хайдеггер утверждает, что "наука — это схематизм мировоззрения, если мы понимаем "мировоззрение" ... в строго определенном метафизическом смысле"²¹. А этот "метафизический" смысл, согласно Хайдеггеру, состоит в том, что мировоззрение представляет собой "метафизическое определение самого себя каждым существом, поскольку... в стремлении к самому себе оно относится к целому сущего, определяет и ведет себя исходя из этого основного отношения"²². Иными словами, метафизичность мировоззрения заключается в том, что посредством нее познается не бытие, а сам субъект в отношении сущего как целого.

Если же ни наука, ни "Weltansicht" ничем не отличают-

ся от собственно "мировоззрения", то и смысл словосочетания "wissenschaftliche Weltansicht" в конечном итоге должен быть идентичным значению понятия "Weltanschauung" как Шеллинг понимал его в более ранних произведениях.

Разумеется, Хайдеггер не навязывает эту интерпретацию Шеллингу, он будто бы намекает, что раскроет истинный смысл его терминов, суть которых, собственно, заключается именно в систематическом созидании абсолютом достоверности самого себя.

Последнее положение в плане философии Шеллинга не вызывает, видимо, особых возражений. Однако вместе с тем нельзя не заметить, что Хайдеггер приписывает как мировоззрению, так и науке весьма спорные характеристики. Наука, картина мира и мировоззрение, согласно Хайдеггеру, это определенные результаты осознания познающим разорванности познания на субъект и объект. Законным итогом подобной дивергенции познания выступает, по убеждению Хайдеггера, "метафизичность" научного типа знания. "Метафизичность" эта, как уже сказано, состоит, согласно Хайдеггеру, в том, что при помощи научного знания достигается не познание собственно бытия, а приобретение субъектом достоверности самого себя посредством представления себе предмета познания как объекта, который в качестве картины необходимо затемняет от познающего бытие в его истинности. Тем самым наука, а также картина мира и мировоззрение у Хайдеггера — это формы объективности, сутью которых выступает неподлинность, "метафизичность" предложенного им знания.

Вместе с тем нетрудно заметить, что в концепции Хайдеггера представлены на самом деле существенные стороны осмысления как науки, так и познания вообще. Однако Хайдеггер склонен оценивать дивергенцию субъекта и объекта как признаков особой "метафизической" эпохи²³.

Разумеется, понятия, при помощи которых раскрывается сложная структура общественно-исторической деятельности человека, могут быть разными и имеют, видимо, также разное значение. Что же касается возможности раскрытия деятельности при помощи понятий субъект и объект, то они, несомненно, выражают весьма существенные параметры всякой человеческой деятельности в любых исторических условиях, так как они — не принадлежность определенной исторической эпохи, а достояние известных сторон самой практики. Дивергенция субъекта и объекта существует не в мышлении, а создается и сни-

мается также исключительно на практике. Идеалистические объяснения соотношения субъекта и объекта, которые вырастают из условий определенных исторических эпох, заменяют, как правило, анализ их сложного многостороннего взаимодействия абсолютизацией некоторых его частных аспектов. Последнее относится как к Шеллингу, так и Хайдеггеру.

Относительно же мировоззрения можно отметить, что оно с диалектико-материалистической точки зрения выступает опять же не в виде некоторой спекулятивной или же метафизической конструкции субъектом самого себя, как это представляется Хайдеггеру, а в качестве специфического аспекта освоения человеком мира в его целостности, которому принадлежит немаловажная роль именно в практической интеграции субъекта и объекта. Поэтому субъектный характер мировоззрения не обязательно и далеко не всегда означает его метафизичность.

В итоге можно отметить, что обращение Шеллинга к термину "wissenschaftliche Weltansicht" в 1809 году в качестве синонима философии в противоположность использовавшемуся им в более ранний период концепту "Weltanschauung" указывает, что его субъективным намерением выступало явно подчеркивание уже давно сложившегося различия между кантовским и его собственным пониманием мироохватывания. Ведь значение понятия "Weltanschauung" которое как у Канта, так и в произведениях Шеллинга до 1809 года всегда указывало исключительно на частное освоение целостности, имело слишком мало точек соприкосновения с всеобщей "целостностью научного мирорассмотрения", предложенной им самим. С точки зрения последнего представление мира постижимо уже не просто в его целостности, как это было характерно для кантовского частного мироохватывания, а мир выражается посредством созерцания разумом самого себя как некоторое безусловное целое, как система.

Со стороны подобной системной конструкции всякое мировоззрение в лице "Weltanschauung" как частная, функциональная целостность мира оказывается уже совершенно лишней.

Итак, послекантовский немецкий идеализм первой половины XIX века, выдвигавший на передний план вопрос о постижении абсолютного знания, рассматривал мировоззренческий синтез как привязанность индивида к конечным сущностям.

Однако рядом с отмеченным отношением к мировоззрению в философии Шеллинга пробило себе дорогу также несколько иное его понимание в лице "научного мирорассмотрения" как синонима рациональной философской спекуляции.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Парнюк М.А. Мировоззрение и социальное познание: Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. – Т. 2: Теория отражения и современное естествознание и социальное познание. – София, 1981. – С. 465–474. Киллак Т. О предмете мировоззрения // Проблемы высшей школы: Методы определения эффективности учебного процесса. – Тарту, 1982. – С. 12–29.
- ² К сожалению, до сих пор вклад И.Канта в понятийное оформление мировоззренческих проблем почти не изучен. Беглое освещение вопроса представлено в исследовании Х.Мейера. См.: Meier H. Weltanschauung: Studien zur eine Geschichte und Theorie des Begriffs. – Münster, 1970. – S. 71–72. Проблемой занимался и автор данных строк. См.: Киллак Т. Термин "Weltanschauung" у Канта и проблема основания освоения мира // Социальная детерминация познания: Тез. докл. научн. конф. – Тарту, – 1982. – С. 233–235. Его же. Духовно-практический смысл первоначального употребления термина "Weltanschauung" // Методологические вопросы социальной детерминации познания: Труды по философии. – Тарту, 1981. – Т. XXII. – С. 118–135.
- ³ Различая указанные планы философии, Кант отмечает, что ее всемирно-гражданское значение – это не что иное как многозначное определение человека, включающее в себя разъяснение как познавательных, так и этико-моральных и религиозных вопросов, в совокупности которых и выясняется сущность человека. См.: Кант И. Трактаты и письма. – М., 1980. – С. 332.
- ⁴ См., напр., Киллак Т. Духовно-практический смысл первоначального употребления термина "Weltanschauung" // Методологические вопросы социальной детерминации познания: Труды по философии. – Тарту, 1981. – Т. XXII. – С. 118–135.

- 5 Более подробно о концепции мировоззрения у Фихте см.:
Киллак Т. Духовно-практический смысл первоначального употребления термина "Weltanschauung" // Методологические вопросы социальной детерминации познания: Труды по философии. - Тарту, 1981. - Т. XXII. - С. 124-127.
- 6 Hegel G.W. Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems der Philosophie. - Jena, 1801. - S. 56.
- 7 Schelling F.W.J. Erster Entwurf eines Systems der Naturphilosophie Sämtliche Werke. - Stuttgart-Augsburg, 1858. - B. 3, 1. Abt. - S. 265.
- 8 Ibid. - S. 182.
- 9 Schelling F.W.J. System des tranzendentalen Idealismus. - Leipzig, 1979. - S. 196.
- 10 Schelling F.W.J. Fernere darstellungen aus dem System der Philosophie. - Sämtliche Werke. Stuttgart-Augsburg, 1858. - B. 4. - S. 394.
- 11 Schelling F.W.J. System des tranzendentalen Idealismus. - S. 208.
- 12 Schelling F.W.J. Ibid. - S. 204.
- 13 Schelling F.W.J. System der gesamten Philosophie und der Naturphilosophie insbesondere. - Sämtliche Werke. - Stuttgart-Augsburg, 1860. - B. 6. - 1. Abth. S. 506.
- 14 Schelling F.W.J. Über Dante in philosophischer Beziehung. - Kritisches Journal der Philosophie / 1802 / 1803 /. - Leipzig, 1981. - S. 417.
- 15 Meier H. Op. cit. - S. 85.
- 16 Schelling F.W.J. Das Wesen der menschlichen Freiheit. - Leipzig, 1925. - S. 6, 8.
- 17 Русский вариант заглавия названного сочинения Шеллинга заимствован автором из перевода на русский язык произведения К.Фишера. См.: Фишер К. История новой философии: Шеллинг, его жизнь, сочинения и учение. - Спб., 1905. - Т. VIII. - С. 677.
- 18 Heidegger M. Schellings Abhandlung "Über des Wesen der menschlichen Freiheit" 318093. - Tübingen, 1971. - S. 22.

19 Ibid. - S. 20.

20 Ibid. - S. 22.

21 Ibid.

22 Ibid.

23 Heidegger M. Holzwege. - Frankfurt am Main, 1957. - S. 64-
105.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОТНОШЕНИЯ ПРАВА И РЕВОЛЮЦИИ ВО ВЗГЛЯДАХ
НЕМЕЦКИХ ЮРИСТОВ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА
(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

С.Х. Каннике

С точки зрения марксистской теории общества социальные революции являются закономерным этапом в процессе развития социальной жизни. Марксизму чужда присущая буржуазной идеологии и вытекающая из ее классовой сущности ориентация на сохранение статус кво, на стабильность, основанная на частной собственности, которая проявлялась даже в концепциях буржуазных революционеров, не говоря уже об идеологах развитого буржуазного общества. Эта исходная установка буржуазного общественного сознания проявляет себя с особой силой в правовой идеологии, поскольку правовая надстройка любого классового общества непосредственно "запрограммирована" на сбалансирование противоположных социальных интересов и в конечном счете на предотвращение открытых классовых конфликтов. Вместе с тем следует подчеркнуть, что именно выполнение правом такой защитно-стабилизирующей функции ведет к принципиальной необходимости выработать и поддержать состояние "внутренней мобилизации" правовой идеологии перед опасностью (несмотря на степень ее абстрактности в конкретно-исторической перспективе) социальной революции. Такая "проверка с революцией" теоретико-правовых конструкций чаще всего заканчивается не интегрированием проблемы революции в правовую идеологию, а выявлением противоречивости и логической непоследовательности самих этих конструкций. Поэтому необходимы какие-либо внешние причины - реальные революции или силы научной традиции - чтобы пробудить действительно коллективный интерес исследователей к данной проблеме. Однако простым фиксированием факта уязвимости буржуазной правовой идеологии не исчерпывается значение изучения развития буржуазных теоретических взглядов на характер связи между правом и революцией. Следует учесть, что анализ общих логических структур, разрабатываемых в целях соединения понятия

революции и права, проливают свет и на те общие идеологические приемы, при помощи которых перед массовым сознанием буржуазного общества социальные революции изображаются как лишенные сущностного значения, случайные, аномальные события. Изучение этих структур способствует дальнейшему раскрытию глубинных механизмов осмысления и упорядочения процесса социальной жизнедеятельности, механизмов порождения социального порядка как такового, за более поверхностные и легче постижимые проявления которого и выдаются правовые феномены. В свою очередь без разрешения последней проблемы немислимо и создание марксистской модели взаимообусловленности революционных и правовых процессов как составной части марксистской теории революции. Такая модель с неизбежностью должна обеспечить органическое включение всех внутриреволюционных регулятивных процессов в понятие социального порядка как такового.

Изложение и анализ в данной статье преимущественно взглядов немецких правоведов XIX и первой половины XX века (точнее, до второй мировой войны) на характер взаимосвязи между правовыми феноменами и революцией обосновывается обстоятельством, что именно в немецкой правовой науке в этот период сложилась длившаяся более столетия традиция включать в труды государственно-правового характера анализ значения революций в правовой сфере. В это время культура немецкой правовой мысли была, пожалуй, самая высокая в мире. В работах немецких юристов воплотился в совершенстве тот особый метод буржуазного правового мышления, который Макс Вебер называл формально-логическим рационализмом¹. Но необходимо подчеркнуть, что отмеченная традиция анализировать среди других правовых проблем и различные варианты соединения категорий права и революции сложилась в немецкой юридической литературе не сразу. Такие имеющие с государственно-правовой точки зрения первостепенное значение обстоятельства политической жизни Европы первой половины XIX в. как сосуществование монархических и республиканских форм правления, противоречия между "старыми" династиями и т.н. "революционными тронами" и т.д., хотя и привлекли внимание немецких юристов к проблемам, связанным с легитимностью государственной власти, но не привели еще к непосредственному выдвижению вопроса о правовой оценке самой революции. В этом смысле не служили импульсом и революции 1848 г.². Зато выдвинутые в это же время по существу теократические государственно-правовые

взгляды религиозного философа Ф.Ю. Шталя (Stahl) вызвали одиозную реакцию со стороны либеральных, а иногда и консервативно настроенных ученых, с одинаковым раздражением отвергающих как яростную контрреволюционность Шталя, так и революционный активизм, характеризующий деятельность якобинцев. Именно эта тенденция проявляется в трудах известного в середине XIX в. юриста И.К. Блюнчли (Bluntschli). "Революция никогда не является принципом государства, но всегда лишь переходящим явлением... Ничто не соответствует меньше истине, чем утверждение якобинцев и Шталя, что "революция есть политическая система"³, писал он. Во взглядах Блюнчли мы встречаем многие приемы, которые позволяли его последователям изображать революцию, во-первых, как слом государственно-правового континуума, а во-вторых, теоретически сохранить его преемственность путем введения дополнительных, внеэмпирических понятий и условий. Сама революция представляется Блюнчли (подобно Канту) как некое природное явление - "извержение вулкана", и определить ее возможно лишь через отрицание - "революция это всегда относительная безгосударственность..."⁴. "Относительность" выражается в том, что "сломя права" (Rechtsbruch) в революции не является обязательно "преступлением" (Verbrechen), поскольку иногда "... в ней прорывается высшее, подавленное право..."⁵. Метафизическим центром правовой активности общества, гарантирующим восстановление правопорядка после революции, выступает у Блюнчли "природа народа"⁶ в форме его правосознания. Это правосознание и порожденное им новое право - явления по сути неревolutionные. Срастание революции с правом возможно, по Блюнчли, только после окончания первой. Праву, таким образом, присвоен атрибут вечности. А бытие революции выступает как случайный, временный, неадекватный вид социального бытия, ограничившийся с небытием.

Сходные взгляды выражает и Йозеф Гельд (Held), который характеризовал революцию как болезнь - "настоящая революция должна всегда рассматриваться как тяжелая болезнь государства..."⁷. В его рассуждениях статус революции по сравнению с правом еще более низок, чем это было у Блюнчли. "... Революция должна разорвать единство и органическую непрерывность правового элемента, сама она не обладает способностью соединить вновь разрушенные связи..."⁸, утверждал он. Когда начинается восстановление права, "... тогда окончена и революция"⁹.

Гельд не указывал точно, в силу каких факторов происходит послереволюционный процесс возрождения права, но в то же время всячески подчеркивал значение органического развития права. В связи с этим он отождествлял революционную власть с чисто фактическим событием, легитимизация которого является сложным процессом¹⁰.

Если во взглядах Блончли и Гельда чувствуется явное влияние естественно-правовой и исторической школы права, то известный немецкий историк и теоретик права Рудольф Иеринг (Jehring) выступил против положений исторической школы. Он видел суть права в разных защищенных законом интересах, хотя, разумеется, не в классовых. Главное в праве по Иерингу — его целенаправленность и целесообразность. Исходя из своей концепции "борьбы интересов" в праве, Иеринг пишет, что "право без власти есть пустой звук без всякой реальности"¹¹. Порожденную революцией власть Иеринг рассматривал как голую власть. Но он впервые не пытается "спасти" право от революции с помощью каких-то метафизических конструкций, висящих над реальной общественной жизнью. Иеринг признает правомерность революционного сознания, утверждая, что революцию следует отличать от анархии, как от полного разложения общества¹² и что революция отрицает "... не порядок вообще, а только существующий порядок". Вслед за Иерингом утверждения подобного рода широко использовались другими представителями позитивизма. И хотя отрицание тождественности революции и анархии, допущение существования положительной упорядочивающую общественную жизнь силы в революции является необходимым условием для всяких содержательных рассуждений о взаимосвязях революции и права, у позитивистов эта предпосылка ведет к другой крайности — растворению революции в праве. Самобытность революций исчезает, она превращается в рядовой "правовой факт".

Взгляды Иеринга на сущность права разделял и самый видный немецкий теоретик государственного права перед первой мировой войной Георг Еллинек (Jellinek). Подобно Иерингу по Еллинеку, право вытекает из борьбы реальных социальных сил, и основой его является фактическая власть¹⁴. Но позитивистские черты в его взглядах усилены, и Еллинек утверждает, что состояние полного слома старого права в период революции — вообще картина нереальная, поскольку "полная анархия при развитой культуре есть бессмыслица"¹⁵.

По Еллинеку вся история права представляет собой лишь

рационализацию существующих фактических институтов¹⁶ и в этом смысле имеют свое значение как естественно-правовые, так и другие теоретические конструкции¹⁷. Допуская возникновение во время революции определенного "правового вакуума", он отмечает, что новая власть конституирует себя в качестве нормативной, не при помощи последующих "диалектических фокусов" юриспруденции, а как "свершившийся факт"¹⁸. С провозглашением "голой власти" источником права с постулированием беспрепятственной интеграции такой власти в систему правоотношений революция действительно теряет какое-то значение для права и его теории. Она становится, как позже определяет Кельзен, "метাপравовой проблемой"¹⁹.

Отмечая торжество правового позитивизма в немецкой теории права рассматриваемого периода, нельзя сказать, что концепции естественно-правового типа совсем сошли с арены немецкой юридической мысли. Тогдашний видный правовед Отто Гирке (Gierke), который активно публиковался и в период революции 1918 г., энергично выступал против распространения "пустого позитивизма", ведущего к уничтожению "идей права"²⁰. Примечательно, что его естественно-правовые взгляды носили консервативный характер. Допуская возникновение противоположности между "правосознанием", "постулатами идей права", "правовым чувством", с одной стороны, и положительным правом, с другой, он признает, что иногда "... неповиновение, сопротивление, революция становится последним оружием справедливости против права"²¹. Тем не менее, для Гирке революция по своему содержанию остается лишь отрицанием". "... право на слом права нелепы (ein Recht das Rechtsbruch)", - пишет он, - "и надлом в праве остается всегда большим несчастьем, чьи следы до конца не изгладит никакое законодательное искусство"²².

Вышеизложенным по существу исчерпывается содержание основных подходов к анализу характера взаимосвязи между революцией и правом в немецкой правовой науке перед первой мировой войной. Этот идейный багаж стал основой оценок правоведов немецкой революции 1918 г., тем более, что многие из ранее указанных авторов продолжали свою теоретическую деятельность как в период революции, так и после нее. Но следует подчеркнуть, что несмотря на все прежние абстрактные рассуждения, сама революция как историческая реальность оказалась шоком, который почти полностью уничтожил в теоретиках права желание высказывать что-то новое по поводу нее²³. Мы не име-

ем здесь возможности анализировать законодательные акты периода немецкой революции 1918 г., наиболее важные тексты которых приведены в обширной статье В.Еллинека²⁴. Но в публикациях теоретиков права наблюдается явная тенденция любой ценой сохранить целостность категориальной системы, поддерживаемой данным автором теории права, и при возможности использовать ее для обеспечения преемственности и стабильности в правовых отношениях.

Все высказанные в этот период мнения по поводу правовых характеристик революции разделяются между двумя лагерями. Первую группу составляют те авторы, которые признавали революцию как фактор, разрушающий правовой континуум в государстве, и пытались разрешить возникшие проблемы при помощи разработанных позитивизмом категорий. Другие считали, что категория "народный суверенитет", которую они применяли как к старому, так и к новому режиму, обеспечивает в правовой сфере преемственность и без дополнительной оценки революции²⁵. Примечательно, что центром внимания сторонников позитивистской трактовки соотношения власти и права в условиях революции в 1918 и 1919 году стала судебная система и особенно ее высшее звено — Государственный Суд (Reichsgericht). Понятно, что такая позиция прямо служила практическим целям, так как немецкая революция сохранила прежнюю судебную систему, и именно верховный суд был вынужден дать юристам-практикам какую-то интерпретацию сложившегося положения. Такой практико-позитивистский подход придал, в силу обстоятельств, позиции Государственного Суда определенную "революционную" окраску и это, несмотря на всю умеренность происходящей революции, не соответствовало глубинным настроениям старых юридических кадров. В результате сложилась ситуация, в которой суды в принципе не отказывались признавать новые власти источником общеобязательных норм²⁶, но иногда оспаривали законность тех или иных конкретных актов нового правительства. Именно тогда Государственный суд потребовал признания неограниченных законодательных полномочий Совета народных уполномоченных. Как на пример подобного подхода к проблеме, и как на яркое свидетельство теоретической капитуляции всего позитивистского правопонимания перед проблемой "право — революция", можно указать на постановление Совета Германского Государственного суда от 21 декабря 1918 г. по поводу отрицания одним местным судом права Совета народных уполномоченных провозгласить амнистию. Отменяя решение суда, постановле-

ние подчеркивало, что "с позиций старой, опровергнутой революцией, конституции государства вопрос о том, что является правом и что следует отнести к праву, совершенно неразрешим. Если хотят вновь постепенно перевести сущность государства (*Staatswesen*), глубоко потрясенную в результате ноябрьских событий в своих изначально правовых основах, на рельсы права, не остается ничего другого, исходя из невозможности восстановить прежние отношения, как признать созданное революцией положение законным (*rechtmäßigen*)". В противном случае, отмечается в постановлении, последуют "... отрицание правового государства и государственно-правовой хаос"²⁷. Добавим еще, что кроме всех соображений, вытекающих из политической обстановки тогдашней Германии, на позицию Государственного суда оказали влияние конкретные взгляды известного правоведа, члена этого суда Г.Мейерса (*Meyers*), который уже перед первой мировой войной утверждал, что "легитимность не является сущностным моментом государственной власти"²⁸.

Как было сказано, противоположную позиции Государственного суда точку зрения занимали все те, кто отказывался признать созданные в ходе революции власти полномочными представителями суверенитета народа. В зависимости от характера предъявленных претензий сложилось несколько вариантов взглядов на правовой статус новых властей. Они не отличались никакой глубокой философской или социологической аргументацией, но представляют определенный интерес как свидетельство того специфически буржуазного умонастроения в отношении права и революции, которое из-за быстроты развития революционных событий и не успело в полном цвете проявить себя в русских революциях 1917 года.

Первую группу правоведов, отказавшихся от полной поддержки новых властей, образовали те авторы, которые выступали только против расширения полномочий Совета народных уполномоченных за пределами компетенции старых центральных государственных органов. Вторую, самую популярную позицию, защищали выступавшие за рассмотрение революционного правительства только в качестве временной исполнительной власти. Это правительство, по их мнению, должно функционировать в рамках старых законов, обладая чрезвычайной административно-законодательной силой в целях осуществления неотложных, вытекающих из государственной необходимости мероприятий²⁹. При этом следует отметить, что иногда обусловленной "логикой революции" государственной необходимостью признавали довольно ши-

рокий круг социальных мер: допускалось установление восьмичасового рабочего дня, провозглашение амнистий, введение осадного положения и т.д.³⁰, как юридически корректных. Последнюю группу рассмотренных здесь авторов составляли такие теоретики и деятели старой юстиции, которые, не выступая прямо против политических последствий революции 1918 г., все-таки отказывали новым властям в правовом признании. Одним из наиболее влиятельных представителей последних явился уже упоминавшийся нами Отто Гирке. Он допускал существование в период революции "государственно-правовой пустоты", т.е. рассматривал возникавшие в ходе революции органы власти как нуждавшиеся в легитимизации через народное правосознание³¹. Его подход дает нам своеобразный пример использования сделанных на основе естественно-правового правопонимания выводов по существу в контрреволюционных целях. Именно Гирке высказал в январе 1919 г. нашедшую сторонников идею, которая требовала легитимизации революционных изменений посредством избранного всем народом представительного органа — старого монархического рейхстага³². В предложениях такого типа использовались иногда и прямо софистические аргументы. Так, некий Розенберг оспаривал законодательные полномочия нового правительства, утверждая, что такое право находится в противоречии с программой социал-демократической партии, в которой требовалось прямое народное законодательство³³.

Среди всех этих догматических споров выделяется как редкое исключение позиция Людвиг Вальдекера. Он был, по-видимому, единственным автором, оказавшимся способным анализировать происходящие события не с узко юридических, а с социологических позиций. В своих статьях "К настоящему государственно-правовому положению" (1918) и "К государственно-правовому положению" (1919) он выдвинул тезис о том, что в Германии происходит не одна, а две революции. Первую из них, "политическую" революцию, по его мнению, возглавляла социал-демократическая партия, и результатом этой революции было вступление Эберта в должность государственного канцлера. Основой другой, "социальной" революции становились Советы рабочих и солдатских депутатов. К образованию Совета народных уполномоченных вело, как это описывает Вальдекер, соглашение обеих сил³⁴. Таким образом, по Вальдекеру, охватившее революцией немецкое общество представляло из себя как бы арену своеобразной "игры сил", из которой и рождались новые правоотношения. Следует сразу подчеркнуть, что при таком подходе

право уже не рассматривается как что-то погибшее в ходе революции и рождающееся как феникс после нее снова, а воспринимается как явление, органически связанное с революцией как один из ее аспектов. Но Вальдекер, разумеется, не исходит из научного анализа соотношения классовых сил, и субъекты порожденных революцией правоотношений воспринимаются им только в их внешних, институционализированных формах, как революционные и военные власти, бюрократы, правительства отдельных земель и т.д. Тем не менее в его видении революции, в ходе которой государство превращалось с правовой точки зрения в мир субъективных правоотношений, договоров и кулачного права и где возникшие политико-правовые отношения характерны скорее для сословного, чем для современного государства³⁵, заключается немалая доля истины. Поэтому, как указывал Вальдекер, для анализа таких отношений не применимы прежние категории государственного права³⁶.

Свой остроумный, хотя и поверхностный, анализ автор завершает в духе трактовки революции как "свершившегося факта". На вопрос о том, что все-таки следует в период революции считать правом в юридическом смысле, Вальдекер отвечает, что правом являются тогда нормы, которые общество признает таковыми. Но точное установление такого качества норм оказывается возможным лишь задним числом. И особую роль в этом процессе играет, по Вальдекеру, судебная практика³⁷.

Что касается дальнейшего развития взглядов немецких авторов на революционно-правовую проблематику, то связанная с установлением Веймарской республики определенная стабилизация государственной жизни обратила их внимание на некоторые новые аспекты проблемы. Но следует подчеркнуть, что до конца 20-х годов ими не было внесено в эту область никаких принципиально новых идей. Когда известный правовед, неокантианец Р.Штамлер (Stammler), при рассмотрении революции наряду с государственным переворотом и захватом власти³⁸ изучал возможности разграничения "самовольного слома права" (willkürliche Rechtsbruch) от таких политических событий, которые поддерживают "... правовую связь в качестве источника возможной закономерности в социальной жизни..."³⁹, то большинство немецких теоретиков права интересовали более конкретные вопросы. Серьезные трудности вызвали необходимость теоретического обоснования преемственности предреволюционного права и законодательной деятельности Веймарской республики. В связи с этим в правовой литературе был поднят вопрос об "иден-

тичности" государства в пред- и послереволюционном периоде его существования. Так, например, Э.Белинг (Beling), исходя из известной нам со времен Блончли сравнения революции с извержением вулкана, в своих рассуждениях о проблеме "идентичности" пришел к выводу, что решающим фактором, определяющим правопреемственность данного государства, служит сама воля послереволюционного государства⁴⁰.

Но таким прямолинейным решением удовлетворились не все. Не станем здесь передавать подробностей этой, потерявшей сегодня всякое значение дискуссии, но все же обратим внимание на трактовку проблемы революции самого видного представителя юридического позитивизма в Европе, создателя т.н. "чистого учения о праве" Г.Кельзена, поскольку его взгляды в этом вопросе близко связаны с проблемой "идентичности". Учение Кельзена о праве характеризует в целом предельная абстрактность и стремление замкнуть юридическое мышление в себе, оградить его от всех социально-экономических, политических, моральных факторов, являющихся реальными источниками правовых феноменов. Кельзенская модель права – это иерархическая система логичности непротиворечивых, опирающихся на (государственное) принуждение предписаний, т.е. норм права. На фоне такого подхода понятно, что проблема революции может выступать перед ним лишь крайне опосредованным путем. Сразу скажем, что Кельзеном она и воспринимается лишь на уровне фактора, требующего введения некоторых вариаций в процесс установления принадлежности норм к данной иерархии.

Так, Кельзен признает, что революция означает разрушение правового континуума⁴¹. Но это обстоятельство, по мнению Кельзена, не страшно, поскольку восстановление такого континуума не предполагает выхода за рамки правового мышления. Хотя установление правового (или неправового) характера созданных в ходе революции норм является неразрешимой задачей в границах данной системы права в единичном государстве, для преодоления трудностей нам следует лишь подняться на уровень международного права. С международным признанием государства решается и вопрос о (не)правовом характере внутригосударственных норм, и проблема исчерпывается. Так, революция, как слом права, имеет не абсолютное, а только относительное значение⁴². Нельзя не отметить своеобразную логическую завершенность кельзеновского варианта вытеснения революции из правовой сферы. При таком подходе действительным содержанием революции оказывается – как Кельзен сам определил уже после

второй мировой войны — лишь факт упразднения одного и установления другого правопорядка, не предусмотренным самим этим порядком образом⁴³.

Таким образом, все, что касается реальных процессов генезиса правовых норм и, тем более, их содержания, остается для Кельзена метаправовой проблемой. По существу его подход сводится лишь к утверждению способности определенной логически упорядоченной системы (международного права) сохранить и восстановить отдельные его элементы независимо от внутренних процессов последних. Поскольку Кельзен не считает задачей права определить содержательно условия упомянутого международного признания революционного государства, но в такой схеме никоим образом не сходятся концы с концами. Но, во всяком случае, Кельзен демонстрирует явное превосходство права над революцией, растворяя вторую в первой.

Однако к концу 20-х годов в немецкой правовой науке в целом усилилось влияние неокантианской и феноменологической философии права. В соответствии с этим в работах тех правоведов, которые сохранили еще интерес к революционно-правовой проблематике, также наблюдается стремление заменить логический анализ взаимосвязей правовых категорий изучением их с точки зрения воплощенных в них ценностей. Правда, и новые направления мысли не спасли от совсем примитивных рассуждений. Так, граф А. Дона (Dohna), противопоставляя форму права выраженным в этой форме идеям, утверждал, что "загадка, как из неправа (Unrecht) можно стать правом, разрешается у нас тем, что неправо может одновременно совершенно свободно быть правом..."⁴⁴. Учитывая, что революции "... следует оценивать по тем идеям, которые они одобряют и победе которых они способствуют", он находит высшую, объединяющую оба явления ценность в "единстве государства"⁴⁵.

Правда, в конце 20-х годов появились и некоторые работы, которые можно рассматривать как завершающие научную традицию трактовки проблемы революции в немецкой правовой литературе. Такое заключение оправдывается не только хронологическими соображениями, но и внутренними претензиями, свойственными отмеченным попыткам так или иначе ответить почти на все поднятые более ранними исследователями этой проблемы вопросы.

Одной из таких работ можно считать статью Вальтера Шенфельда (Schönfeld) "Революция как правовая проблема". Шенфельд начинает свои рассуждения с утверждения, что "... вопрос о понятии революции в системе права является центральным

вопросом самого права...⁴⁶. Критикуя позитивистские попытки выдворить революцию за пределы правовой науки, он метко замечает, что является чудом "... когда какое-либо изменение вошло бы в право, которое не было бы в пределах самого права и не имело бы правовой способности"⁴⁷. В дальнейшем Шёнфельд пытается по-новому логически объединить понятие революции с понятием права. Как мы видели выше, более ранние решения этого вопроса сводились в общем либо к "удалению" воображаемого носителя правовой потенции в обществе в некую метафизическую сферу, недоступную реальным революционным процессам, либо к недиалектическому отождествлению (революционной) власти с правом, либо к логическому конструированию замкнутой и далекой от революции "сферы права" в самом реальном обществе.

Шёнфельд как сторонник феноменологической трактовки права видит сущность права в системе имеющих абсолютное значение ценностей, а все абсолютные ценности обладают общеобязательной нормативностью самой по себе. Они выступают как своеобразные законы в обществе. Так, право опирается на добро, которое в правосудии осмысливается как справедливость. Онтологический статус ценности-закона "добра" в общественной жизни аналогично статусу истины в позитивной науке или красоты в художественной деятельности⁴⁸. Опосредующим звеном между добром - справедливостью и положительным законодательством выступает "правовой разум" (*Rechtsvernunft*), входящий в свою очередь, как часть в "дух народа". При объяснении сущности этого "духа" Шёнфельд прямо ссылается на Гегеля и историческую школу права⁴⁹. С другой стороны, "дух народа" воплощает себя материально в общности народа как духовной общности. Для революции и не находится, как можно было бы ожидать, места среди всех этих метафизических понятий. Шёнфельд трактует ее вполне традиционно, как нечто противоположное положительному праву. И поэтому она опять же интегрируется с правом чисто логическим путем, формально. Тем самым революция теряет всякое самобытное содержание.

Реализация отмеченной логической связи осуществляется Шёнфельдом через предварительное раздвоение положительного права на "неморальную" часть и на ту его часть, которая сохраняет какую-то связь с абсолютным законом - добром. Последняя может по крайней мере выступать лишь как "неоправданное" право, но оно остается правом. "Неморальное" право совпадает по сути своей с принудительной властью, является

лишь "тенью" права и именно исходя из этого мы не можем, по Шёнфельду, рассматривать направленную против такого права революцию даже как нарушение положительного права. Таким образом, утверждает Шёнфельд, революция оправдывается без обращения к естественно-правовым и индивидуалистическим (подобно ницшеанским) концепциям ее обоснования⁵⁰.

Нетрудно убедиться, что сам Шёнфельд использует именно классическую естественно-правовую схему для выведения положительного права из надправового "абсолюта". И как все другие нереволуционно настроенные юристы, Шёнфельд не хочет видеть положительной связи между этой надправовой сферой и революцией. По этой причине он не может логически завершить даже свое собственное идеалистическое рассуждение. Лучше всего об этом свидетельствует факт, что когда он, наконец, вынужден охарактеризовать само состояние "духа" народа, его правовое сознание (как место смыкания "абсолютов" с эмпирическим) в период революции, то описать происходящие там процессы он не в состоянии. Шёнфельд обращается к метафорам, говорит о возможности возникновения "пробелов в сознании" подобно тем, которые наблюдаются у человека во время сна или в результате бессилия⁵¹. Также метафорически он решает проблему об "идентичности" государства в революции, указывая, что последнее, вернее, положительное право последнего, может в революции погибнуть. Но, когда этого не происходит, оно, подобно больному человеку, остается после оставления больничной палаты тем же самым, что и раньше⁵².

Свой анализ Шёнфельд заключает выводом, что поскольку немецкий народ, как духовная общность, не превратился в результате революции 1918/19 г. во что-то другое, то и его государство и право не погибли, но только изменились⁵³.

Другим автором этого периода, который претендовал на более строгое концептуальное оформление своих рассуждений, был Макс Лазерсон (*Laserzon*). Как бывший русский профессор, он был знаком с дореволюционными достижениями русской правовой мысли, следил он также и за советской правовой литературой. Как и Шёнфельд, он не воспринимает позитивистскую точку зрения Кельзена на революцию как на что-то метаюридическое⁵⁴ и выступает вообще против тех, кто видит в революции "восстание в суперлативе"⁵⁵. Период революции не является для Лазерсона эпохой "правовой пустоты", его интересуют именно правовые процессы, заполняющие эту пустоту, и он сосредотачивает свое внимание на вопросе "... как уступает старое

право свое место новому?"⁵⁵. Решая эту проблему, Лазерсон непосредственно исходит из взглядов Петражицкого — основателя русской психологической школы права⁵⁷. Но при этом он заменяет основную категорию теории Петражицкого — понятие интуитивного права индивида — понятием группового, даже классового интуитивного права, которое и проявляется в революции. Такие права, поскольку они отражают основные жизненные требования различных слоев общества, допустимо, по Лазерсону, назвать естественным правом⁵⁸. Таким образом, революция становится для него ареной борьбы между старым положительным правом и интуитивным правом тех, которые претендуют на власть. Эта борьба и является сутью правовых процессов внутри революции. Основным фактором, определяющим характер отмеченной борьбы, выступает разница в содержании старого и нового естественного права. Поэтому "... революция ... тем глубже, чем реже положительное право самоизменяется в направлении естественного права"⁵⁹, утверждает Лазерсон. Новое, вырастающее из интуитивного права, положительное право также приобретает самостоятельный, отличающийся от фактической силы (как от "бесправной силы" Еллинека), источник нормативности. Им является более сильное мотивационное влияние на массы, чем у старого права⁶⁰. Положительной стороной концепции Лазерсона является его стремление выявить истоки послереволюционного развития права внутри самой революции, в революционном сознании, и тем самым рассматривать революцию не как атрибут права (хотя бы его отрицающую), а права как атрибут революции. Рассуждения Лазерсона в некоторых его пунктах напоминают взгляды на революционное право М. Рейснера — русского профессора, уже перед революцией стремившегося к марксистской переинтерпретации теории Петражицкого. Хотя Лазерсон не ссылается на труды Рейснера, не исключено, что они были ему известны. Но в отличие от Рейснера, Лазерсон не пытается материалистически обосновать групповое интуитивное право, а как мы видели, отождествляет его с естественным правом. Этим самым отпадает возможность выявить действительные причины разницы в правовых требованиях и установках различных слоев и классов общества и вся его конструкция превращается в еще одну, по существу, идеалистическую схему соединения права с революцией. Лазерсон одновременно демонстрирует свое враждебное отношение к Октябрьской революции, которая, по его мнению, не соответствовала состоянию (право)сознания России⁶¹.

В начале 30-х годов в немецкой правовой литературе наблюдается постепенное угасание внимания к правовым аспектам революции. Что касается неоднократно использованной нами работы Герфардта, вышедшей в 1931 г., то несмотря на наличие в ней исторического обзора проблемы и изложения определенного фактического и законодательного материала, теоретический вклад самого Герфардта остается более чем скромным. И Герфардт придерживается взгляда, согласно которому решение вопроса, являются ли изданные в ходе революции нормы правовыми или нет, зависит от характера ценностей, ими воплощаемых⁶². По мнению Герфардта, под основной ценностью, определяющей особенность революции в качестве источника права, следует понимать ценность не содержательного, а формального характера. Понятно, что по существу для революции не остается в мире права места, когда утверждается, что в праве "...основа обязательности, независимо от содержания норм, лежит в ценности формы (Formwert), это значит в способности обеспечить гарантированный порядок и безопасность упорядоченной государственной жизни"⁶³. Таким образом, подобно многим своим предшественникам, Герфардт считает революцию и право какими-то параллельными явлениями, соединение которых происходит окончательно только после революции - путем отмирания последней. Об этом красноречиво свидетельствует "обращение" Герфардта к революционным властям уважать "правовые чувства" определенных частей народа и вообще избегать использования термина "право" в своей деятельности. Достаточно, как он пишет, рассматривать революционную власть как некую распорядительную власть (Ordnungsgewalt) и изданные ею нормы как просто регулятивные нормы (Ordnungsnormen)⁶⁴.

Приход к власти национал-социалистической партии в Германии означал конец всяких более-менее плодотворных дискуссий и в области правовой науки. В связи с этим предпринимались попытки переформировать в духе мифологической идеологии фашизма и вопросы, связанные с правовыми характеристиками революции. Об этом свидетельствуют вышедшая еще до фашистского переворота книга Ф.Фрейера (Freyer) "Революция справа"⁶⁵, заглавие которой на уровне игры слов можно перевести как "революция по праву", и книга Э.Албрехта "Право революции"⁶⁶ (Albrecht).

Другой характер носит книга А.Гурвича⁶⁷. Автор книги явно уходит от всяких идеологических спекуляций, используя историческую направленность книги, в которой, впрочем, ин-

терпретация юристами правовых аспектов революции рассматривается лишь в одной главе. А.Гурвич воздерживается и от более глубокого анализа концепций отдельных авторов, в своих общих выводах стремится к традиционному либерально-буржуазному объективизму в трактовке предмета. Его критические замечания, касающиеся истории изучения революционной проблематики в немецкой правовой науке, нередко имеют свою рациональную основу. Так, например, можно согласиться с его выводом, что проявленная большинством немецких юристов — его современников — беспомощность в анализе значения революции в правовой сфере вытекает из их неспособности выйти за границы чисто правовых категорий и оперировать понятиями, принадлежащими к области социологии, философии, истории или этики⁶⁸.

Заключая данный обзор о взглядах немецких правоведов на революцию до второй мировой войны, можно констатировать, что раскрыть значение революции в мире правовых явлений и понастоящему проанализировать происходящие в революциях правовые процессы им не удалось, и они к этому, собственно говоря, и не стремились. Только в работах отдельных теоретиков (Вальдекер, Лазерсон) наблюдаются проблески социологического подхода к этим вопросам. Для остальных проблема революции означала лишь призыв к игре с юридическими понятиями. И этот процесс разработки одной за другой умозрительных схем соединения, вернее, растворения революции в праве ярко свидетельствует о бесплодности попыток поставить право выше революции. Но, думается, безрезультатные усилия немецких правоведов одновременно указывают и на неоправданность более скромных надежд — достигнуть теоретического синтеза их как равноправных, но самодовлеющих категорий.

Решение этого вопроса предполагает, как мы уже указывали в начале данной статьи, установление общего знаменателя понятий революции и права, выработку такого понимания социального порядка и порождающих его процессов, исходя из которых для объяснения сущности различных видов революционного права и революционного порядка не требовалось бы дополнительных допущений и идеалистических (или просто искусственных) мыслительных конструкций. Разработка такого диалектического видения общей основы разных упорядочивающих и регулирующих общественную жизнедеятельность процессов оказывается возможной лишь исходя из марксистского понимания единства всех происходящих в обществе социальных процессов.

Литературные источники

- ¹ Cf. Rheinstein M. Introduction // Max Weber on Law in Economy and Society. - Cambridge (Mass.), 1954. - P. 63.
- ² Cf. Gurvitsch A. Das Revolutionsproblem in der deutschen staatswissenschaftlichen Literatur, insbesondere des 19. Jahrhunderts. - Berlin, 1935. - S. 137.
- ³ Bluntschli J.K. Revolution und Reform // Bluntschli's Staatswörterbuch. - Leipzig; Stuttgart, 1879. Bd. 2. - S. 296.
- ⁴ Ibidem. - S. 295.
- ⁵ Ibidem. - S. 296.
- ⁶ Cf. ibidem. - S. 296.
- ⁷ Held J. Staat und Gesellschaft vom Standpunkte der Geschichte der Menschheit und des Staats. - Leipzig, 1863. - Bd. 2. - S. 705.
- ⁸ Ibidem. - S. 705.
- ⁹ Ibidem. - S. 709.
- ¹⁰ Cf. ibidem. - S. 729.
- ¹¹ Jhering R. Der Zweck im Recht. - Leipzig, 1884. - Bd. 1. - S. 253.
- ¹² Cf. ibidem. - S. 314.
- ¹³ Ibidem.
- ¹⁴ Cf. Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. - Berlin, 1922. S. 363-364.
- ¹⁵ Ibidem. - S. 360.
- ¹⁶ Cf. Jellinek G. Op. cit. - S. 354.
- ¹⁷ Cf. ibidem. - S. 259.
- ¹⁸ Cf. ibidem. - S. 359-360.
- ¹⁹ Cf. Kelsen H. Allgemeine Staatslehre. - Berlin, 1925. - S. 127.
- ²⁰ Cf. Gierke O. Naturrecht und Deutsches Recht. - Frankfurt

am Main, 1883. - S. 11.

- 21 Ibidem. - S. 10.
- 22 Ibidem. - S. 10.
- 23 Cf. Gurvitsch A. Op. cit. - S. 159.
- 24 Cf. Jellinek W. Revolution und Reichsverfassung: Bericht über die Zeit vom 9. November 1918 bis zum 31. Dezember 1919 // Jahrbuch des öffentlichen Rechtes der Gegenwart. - Tübingen, 1920. - Bd. 9. - S. 1-128.
- 25 Cf. Gurvitsch A. Op. cit. - S. 159-160.
- 26 Cf. Herrfahrdt H. Revolution und Rechtswissenschaft: Untersuchungen über die juristische Erfassbarkeit von Revolutionvorgängen und ihre Bedeutung für die allgemeine Rechtslehre. - Greifswald, 1930. - S. 64.
- 27 Цит. по: ibidem. - S. 65.
- 28 Meyers G. Lehrbuch des Deutschen Staatsrechts. - München; Leipzig, 1914. - Bd. 1. - S. 26.
- 29 Cf. Herrfahrdt H. Op. cit. - S. 69.
- 30 Cf. ibidem. - S. 70.
- 31 Cf. ibidem. - S. 59.
- 32 Cf. Gurvitsch A. Op. cit. - S. 161-162.
- 33 Cf. Herrfahrdt H. Op. cit. - S. 70.
- 34 Cf. ibidem. - S. 71.
- 35 Cf. Gurvitsch A. Op. cit. - S. 165.
- 36 Cf. Waldecker L. Allgemeine Staatslehre. - Berlin; Grunwald, 1927. - S. 619.
- 37 Cf. Herrfahrdt H. Op. cit. - S. 71-72.
- 38 Cf. Stammeler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie. - Berlin; Leipzig, 1922. - S. 139.
- 39 Ibidem. - S. 295.
- 40 Cf. Beling E. Revolution und Recht. - Augsburg, 1923. - S. 36.
- 41 Cf. Kelsen H. Op. cit. - S. 28, 338.
- 42 Cf. ibidem. - S. 128.
- 43 Cf. Kelsen H. General Theory of Law and State. - Cambridge, Mass., 1945. - P. 117.

- 44 Dohna A. Die Revolution als Rechtsbruch und Rechtsschöpfung. - Heidelberg; Karlsruhe, 1925. - S. 28.
- 45 Ibidem.
- 46 Schönfeld W. Die Revolution als Rechtsproblem // Archiv des öffentlichen Rechts. - 1927. - Bd. 12. - S. 165.
- 47 Ibidem. - S. 172.
- 48 Cf. ibidem. - S. 173-174.
- 49 Cf. ibidem. - S. 176-177.
- 50 Cf. ibidem. - S. 179-180.
- 51 Cf. ibidem. - S. 182-183.
- 52 Cf. ibidem.
- 53 Cf. ibidem. - S. 186.
- 54 Cf. Laserson M. Revolution und Recht // Zeitschrift für öffentliches Recht. - 1929. - Bd. 8. - S. 552.
- 55 Cf. ibidem. - S. 553.
- 56 Cf. ibidem. - S. 562.
- 57 Cf. ibidem. - S. 563-564.
- 58 Cf. ibidem. - S. 563-564.
- 59 Ibidem. - S. 567.
- 60 Cf. ibidem.
- 61 Cf. ibidem. - S. 568.
- 62 Cf. Herrfahrdt H. Op.cit. - S. 80.
- 63 Ibidem. - S. 73.
- 64 Cf. ibidem. - S. 80.
- 65 Cf. Freyer H. Revolution von rechts. - Jena, 1931.
- 66 Cf. Albrecht E. Das Recht der Revolution. - Berlin, 1934.
- 67 Cf. Gurvitsch A. Op. cit.
- 68 Cf. ibidem. - S. 168.

СТРУКТУРА МЕЖФОРМАЦИОННЫХ РЕВОЛЮЦИЙ И ИХ НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В.П. Ильиничкин

Длительный и сложный процесс перехода от одной общественной формации к другой несомненно представляет собой социальную революцию в противоположность эволюционному развитию формаций. Однако термин "социальная революция" традиционно используется для обозначения относительно кратковременных политических переворотов, сопровождающихся теми или иными прогрессивными преобразованиями в общественном строе. И это создает определенные затруднения при попытках применить его в качестве наиболее общей характеристики указанных изменений. В самом деле, трудно говорить о социальной революции при характеристике, например, процесса перехода от первобытности к сословно-классовому строю тем более, что при этом не обнаруживается не только кратковременности, но и политической революции. Видимо, поэтому многие авторы, особенно историки, отказываются характеризовать процесс перехода от первобытности к сословно-классовому обществу как социальную революцию.

Однако все же несомненно, что процесс перехода от одной общественной формации к другой, более прогрессивной, является во всех случаях революцией независимо от его длительности и от наличия или отсутствия в нем политической революции. Поэтому, как нам представляется, вполне назрела настоятельная необходимость в том, чтобы узаконить характеристику этого процесса в качестве социальной революции особого типа, а именно межформационной революции, которая во многом отличается от обычных социальных революций не только своей длительностью и отсутствием в ней в целом ряде случаев политической революции, но и по своей структуре. К тому же типология социальных революций, основанная на учете различий не только в их классовой природе, но и в других важных отношениях, еще не создана. Выделяя межформационную революцию в качестве одного из специфических типов социальных революций, мы надеемся тем самым привлечь внимание к необходимости раз-

работки этой типологии.

Межформационная революция как закономерный и относительно длительный переход к другой общественной формации представляет собой сложный и многосторонний процесс революционной замены одних производительных сил другими, более высокого типа, замены отжившего экономического базиса общества и соответствующих ему надстроек более прогрессивным базисом и более прогрессивными надстройками. Она имеет определенную структуру, основные звенья которой взаимообусловлены столь же определенной причинно-следственной связью и временной последовательностью. Определение этих звеньев, выявление их взаимообусловленности, взаимосвязи и временной последовательности помогает более глубоко разобраться в механизме процесса перехода от одной общественной формации к другой.

Одним из важнейших звеньев межформационной революции является переворот в производительных силах, которым обычно начинается процесс или эпоха межформационной революции и который совсем не учитывается при рассмотрении структуры обычных социальных революций. Его необходимой предпосылкой и отправной пункт составляет накопление еще в рамках старой общественной формации определенных технико-технологических и социальных факторов и условий, необходимых для возникновения и развития новых форм организации производства, которые соответствуют начальной ступени более прогрессивного общественного способа производства и являются неременной предпосылкой перехода к нему. Так, определенный уровень развития мотыжного земледелия в первобытных обществах создал возможность для перехода сначала к ручному пашенному, а затем к плужному (сошному) земледелию на основе частнособственнического хозяйствования, т.е. для перехода к сословно-классовому обществу. Детальная специализация ремесел, глубокая диверсификация ремесленных средств труда и определенный уровень товарно-денежных отношений в сословно-классовых обществах создали возможность для возникновения и развития простой капиталистической кооперации и ранних форм капиталистической мануфактуры. И наконец, гигантское обобществление производства в условиях его стихийного развития и частной собственности на средства производства при капитализме создает необходимость его полного социалистического обобществления и планового развития при социализме.

Неременной составной частью переворота в производительных силах является технико-технологическая революция, со-

создающая адекватную материально-техническую базу нового общественного способа производства. Первой такой революцией была сельскохозяйственная революция в земледельческих обществах, которую не следует смешивать с так называемой "неолитической революцией", совершившейся еще в условиях первобытности. Содержание сельскохозяйственной революции при переходе к сословно-классовому строю составляет появление и широкое распространение плужного (сошного) земледелия на основе использования тягловой силы домашних животных в трудоемких производственных операциях и железных частей в орудиях земледельческого и ремесленного труда. За ней последовали промышленная революция при капитализме и, наконец, современная научно-техническая революция. Последняя по своему значению в известной мере сходна с "неолитической революцией", поскольку она должна завершиться еще одной революцией — "экологической"¹, созданием в глобальном масштабе экологизированной плановой экономики, адекватной коммунистическому способу производства. В условиях неспонтанного перехода к более прогрессивному общественному способу производства техническая революция иногда сопровождается некоторым развитием на старой технической базе первоначальных форм организации производства, соответствующих этому способу. Техничко-технологической революцией обычно заканчивается переворот в производительных силах.

Другим важнейшим звеном структуры межформационной революции является переворот в экономическом базисе общества. Его содержание составляет коренная перестройка существующей системы производственных отношений, замена ее новой системой, новым, более прогрессивным базисом. При межформационных революциях досоциалистического типа он начинается лишь вслед за началом переворота в производительных силах и как его прямое следствие, путем стихийного зарождения новых производственных отношений и завершается, вслед за технической революцией, полной победой нового общественного строя. При межформационных революциях социалистического типа он может начаться только после утверждения политической надстройки социалистического типа и при ее самом активном содействии, поскольку социалистические формы хозяйства не могут зарождаться и развиваться в условиях господства капитализма. Однако некоторые организационно-технологические предпосылки в виде монополий, трестов и т.д., облегчающие переход к социалистическому обобществлению производства, складываются еще в недрах капиталистической формации.

Третьим важнейшим звеном структуры межформационных революций является переворот в общественном сознании. При всех межформационных революциях досоциалистического типа он начинается осознанием сначала передовыми элементами, затем более широкими массами необходимости коренного изменения существующего строя и заканчивается полной победой новой идеологии и общественной психологии вместе с прочным утверждением этого строя. При межформационной революции социалистического типа он начинается вслед за созданием в условиях капитализма лишь необходимых предпосылок для осуществления социалистического переворота в экономическом базисе и развивается далее в том же порядке, как и при досоциалистических межформационных революциях.

Четвертым важнейшим звеном структуры межформационных революций является переворот в политической надстройке, который не следует смешивать с политической революцией, поскольку он протекает в самых различных формах, в том числе в целом ряде случаев и без этой революции. Его содержание составляет разрешение вопроса о власти с целью последовательного доведения до конца переворота в производительных силах, экономическом базисе общества и в его идеологической надстройке. Переворот в политической надстройке во всех случаях начинается лишь в ходе и на соответствующей стадии переворота в общественном сознании, когда возникшие новые идеи становятся материальной силой. Он не сводится только к замене реакционного правительства революционным, т.е. лишь к политической революции, но охватывает весь сложный процесс замены старой политической надстройки новой, включая также отстаивание и прочное утверждение революционной власти в масштабе всей страны. Этот переворот обычно наслаивается на перевороты в базисе и в общественном сознании и тесно переплетается с ними, составляя кульминацию процесса межформационной революции. Поэтому на стадии этого переворота она имеет многообразное содержание - политическое, правовое, социально-экономическое, идеологическое и т.д.

Таковы основные звенья или компоненты структуры всякой межформационной революции. Она обычно начинается либо еще в рамках последней фазы старого общественного строя, либо в переходный период от одной формации к другой (как это имело место при переходе от первобытности к сословно-классовому обществу)² и заканчивается во всех случаях уже в рамках первой фазы новой общественной формации.

Каждый тип межформационной революции имеет свои особенности. Так, первая в истории общества межформационная революция, которую мы называем сословно-классовой (поскольку она ознаменовала собой переход от родового к сословно-классовому обществу), отличалась от всех последующих межформационных революций своей необычайной длительностью и тем, что ей предшествовал величайший по своему значению и еще более длительный процесс перехода от потребляющего охотническо-собирательского хозяйства к производящему земледельческо-скотоводческому ("неолитическая революция"). Он имел своим результатом широкое распространение примитивного мотыжного земледелия, что создало необходимые материальные предпосылки для систематического производства прибавочного (избыточного) продукта, для перехода к постоянной оседлости, к территориальной организации общества и территориальному управлению им, а следовательно, и для возникновения системы эксплуатации человека человеком и примитивной государственности в ходе сословно-классовой революции. Длительность последней объясняется главным образом тем, что совершался переход от крайне неразвитых производительных сил, производственных и иных общественных отношений, от эмбриональных форм политической надстройки в виде власти родовых старейшин и племенных вождей и от столь же зародышевой формы идеологической надстройки в виде анимизма и мифологии к гораздо более развитым и качественно иным производительным силам, производственным и иным общественным отношениям, политической и идеологической надстройкам. Вызревание и становление всех этих форм потребовало очень длительного времени и прохождения через некоторые, столь же длительные переходные ступени.

Переходной ступенью от родовой к сословно-классовой структуре общества была его сословно-правовая организация, возникавшая на основе первобытных социальных рангов в порядке общественного разделения труда, включая разделение общества на управителей и управляемых, и вылившаяся в появление сословия правящей привилегированной знати, сословия свободных родовых общинников и численно небольшого бесправного сословия домашних рабов, которые обслуживали представителей знати. Одновременно с сословиями из потребностей территориальной организации населения и территориального управления им возникла еще довольно примитивная сословная государственность, являвшаяся переходной ступенью от родоплеменной организации к сословно-классовой государственности³.

Сословные общества были уже эксплуататорскими по своей природе. Однако эксплуатация в них осуществлялась не на основе крупной частной собственности на тогдашнее основное средство производства — обрабатываемую землю. Она осуществлялась путем присвоения представителями знати (в силу их причастности к власти) части налоговых средств (ренты-налога), отчуждавшихся государством у общинников⁴. Сословная организация общества и государства способствовала утверждению стабильного социального и имущественного неравенства и возникновению на этой основе частной, в том числе эксплуататорской, собственности на средства производства, системы частнособственнической эксплуатации и формированию эксплуататорского класса крупных землевладельцев, эксплуатируемого им класса рабов, крепостных и арендаторов, а также промежуточного класса самостоятельных мелких производителей — крестьян — собственников земли и ремесленников. Классовое неравенство вряд ли могло возникнуть и развиваться само по себе, без самого активного содействия со стороны сословного государства и правящего привилегированного сословия.

Переворот в политической надстройке при первой межформационной, сословно-классовой революции, как уже отмечалось, не сопровождался политической революцией, т.е. насильственной заменой одной государственной власти другой властью, поскольку в первобытном обществе еще отсутствовала государственность. Вместе с тем в ходе его сложилась и утвердилась территориальная, государственная организация общества, заменившая родовую организацию и ставшая неременной формой политической организации не только сословных и сословно-классовых, но также капиталистических и социалистических обществ.

Переход от сословного к сословно-классовому строю в процессе первой межформационной революции совершался точно также без политической революции, поскольку политически наиболее активную часть господствующего класса в сословно-классовых обществах составляли представители привилегированного сословия знати, которое продолжало править там подобно, как оно правило до того в сословных обществах.

Нельзя не отметить, что при изучении истории сословно-классовых обществ древности и средневековья не обнаруживаются признаков межформационной революции антирабовладельческого, феодального типа, которая охватывала бы перевороты в производительных силах, производственных отношениях, в поли-

тической и идеологической надстройках на рубеже между древностью и средневековьем или в какой-либо иной период времени. Прежде всего, ни в Европе, ни в странах Востока не обнаруживается следов какого-либо переворота в существовавшей там до V в. системе или ступени развития производительных сил, появления в III-V вв. новых, более прогрессивных производительных сил и нового исторического типа производственной техники, который фиксировал бы коренное качественное изменение в производительных силах. Там по-прежнему сохранялась природообусловленная, натуральная система производительных сил и фиксировавший ее исторический тип техники, для которого была характерна лишь замена двигательной функции работника двигательной силой домашних животных, ветра и потоков воды⁵. Более того, в обществах Зап. Европы, которые обычно принимаются за "эталон" рабовладельческого и феодального развития, в V-VIII вв. наблюдалось разрушение производительных сил в огромных масштабах, явный длительный технический и экономический упадок и натурализация хозяйственной жизни после завоевания территории Западной Римской империи варварами, длившийся вплоть до XIII в.⁶ В сущности не наблюдалось и переворота в производственных отношениях, поскольку их основу продолжало составлять присвоение прибавочного труда эксплуатируемых работников эксплуататорами лишь в силу собственности последних на основные средства и условия производства, т.е. характерный для всех вообще сословно-классовых обществ древности, средневековья и нового времени потребительно-стоимостный или, точнее, рентный тип эксплуатации и экономической реализации эксплуататорской собственности на факторы производства в процессе производства и распределения⁷. Замена же одной господствующей формы добуржуазной частнособственнической эксплуатации другой ее формой, в частности рабства крепостничеством, не может считаться переворотом в производственных отношениях, т.к. в основе обеих этих форм лежит один и тот же рентный тип докапиталистической эксплуатации и экономической реализации эксплуататорской собственности, т.е. один и тот же тип этой собственности. К тому же в древних и средневековых обществах Востока господствующей формой частнособственнической эксплуатации являлась докапиталистическая аренда, а не рабство и крепостничество⁸.

Точно также разрушение Западной Римской империи германскими варварами и создание ими на ее развалинах своих со-

словных и сословно-классовых государственных образований нельзя считать межформационным переворотом в политической надстройке общества. Не случайно исследователи проблем революционного перехода от одной общественной формации к другой не обнаруживают каких-либо признаков антирабовладельческой феодальной революции⁹, а историки склоняются к мысли о том, что роль этой революции в Западной Европе сыграли "кризис рабовладельческой системы", варварские завоевания и так называемый "феодальный синтез" (конвергенция) определенных элементов варварского родового строя с некоторыми элементами римского рабовладельческого общества¹⁰. Однако такое объяснение, равно как и концепцию о "непосредственном переходе от родового строя к феодализму" у ряда народов, развиваемую некоторыми авторами, вряд ли можно логически согласовать с положениями теории общественных формаций о революционном переходе от одной формации к другой как о закономерном спонтанном процессе. Судя по всему, за этот переход в Западной Европе неправомерно принимается насильственная замена античной сословно-классовой цивилизации феодально-католической сословно-классовой цивилизации - замена, которую нельзя отождествлять с межформационной революцией. Изложенное выше дает достаточное основание полагать, что древние и средневековые сословно-классовые общества гораздо более однотипны, чем принято считать ныне, и что существует лишь три типа межформационной революции: сословно-классовый, буржуазный и социалистический.

Те же самые ранее перечисленные перевороты в производственных силах, формах производства, производственных отношениях, идеологической и политической надстройках, а также в общественной психологии обнаруживаются и при межформационной революции буржуазного (буржуазно-демократического) типа. Причем первые три из них, а также переворот в общественной психологии совершаются стихийно, а переворот в политической надстройке сопровождается политической революцией, либо даже несколькими политическими революциями в одной стране, если межформационная буржуазная революция остается не доведенной до конца, либо если имели место движения вспять, как это было, например, после буржуазной революции 1789-1793 гг. во Франции.

Для межформационной буржуазной (буржуазно-демократической) революции характерны три порядка развертывания переворота в политической надстройке. В одних случаях, как извест-

но, она начинается свержением реакционного правительства и захватом центральной власти революционными силами, после чего производится замена всей старой политической надстройки новой, сопровождаемая иногда гражданской войной между лагерем реакции и лагерем революции. В других случаях этот переворот начинается вооруженным восстанием на периферии, за которым следует гражданская война, заканчивающаяся в случае победы революционных сил захватом ими центральной власти и заменой институтов старой надстройки институтами новой надстройки. В третьих случаях происходит более или менее постепенное мирное превращение сословно-классовой политической надстройки в буржуазную при сохранении некоторых пережитков сословности.

Свои особенности имеет и межформационная революция социалистического типа. Например, как уже отмечалось, социалистический переворот в производственных отношениях при ней начинается лишь вслед за началом социалистического переворота в политической надстройке. Возникновение и утверждение социалистических форм хозяйства в качестве единственной экономической основы общества становится возможным поэтому только после перехода власти в руки рабочего класса.

Переворот в общественном сознании при межформационной революции социалистического типа также имеет ряд особенностей, отличающих его от подобных же переворотов при предшествующих межформационных революциях. Он начался в глобальном масштабе созданием К.Марксом и Ф. Энгельсом теории научного социализма и продолжается в различных странах вплоть до социалистического переворота в политической надстройке каждой из них в форме целеустремленной пропагандистской деятельности коммунистических и рабочих партий среди широких трудящихся масс, путем внедрения в них социалистической идеологии. После же начала и особенно после завершения социалистического переворота в политической надстройке огромную роль играет целеустремленная планомерная деятельность всех институтов политической и идеологической надстроек по осуществлению культурной революции среди широких трудящихся масс, по их перевоспитанию и воспитанию в социалистическом духе, по широчайшему распространению социалистической культуры и социалистической нравственности, по воспитанию новой интеллигенции, по перестройке различных отраслей науки в духе служения интересам трудящихся масс и т.д.

Переворот в политической надстройке при межформационных революциях социалистического типа начинается (как и при бур-

жуазных революциях) в одних случаях переходом центральной власти в руки революционных сил (Россия), в других - вооруженным восстанием на периферии (Китай, Вьетнам, Куба), в третьих - созданием власти переходного характера, когда у государственного руководства обществом оказываются как представители рабочего класса, так и представители определенных прослоек буржуазии или мелкой буржуазии. Такая переходная государственная власть, как известно, была создана в ходе народно-демократических революций в Румынии, Венгрии и Чехословакии. Наличие таких важных элементов политической надстройки социалистического типа как коммунистическое руководство важнейшими звеньями государственной машины - органами государственной безопасности, армией и т.д., сильные позиции рабочего класса в правительстве и местных органах власти, руководящая роль компартий в массовых народных организациях, - все это в значительной мере обеспечило мирный путь развития социалистического переворота в политической надстройке в указанных странах после создания там народно-демократической власти переходного типа. Борьба за превращение этой переходной власти в социалистическую по своей классовой природе, завершившаяся установлением безраздельного руководства рабочего класса государственной машиной и обществом, как раз составляла содержание социалистического переворота в политической надстройке каждой из перечисленных стран.

В указанных странах на стадии социалистического (народно-демократического) переворота в политической надстройке общественно-экономическое содержание революции неоднородно, поскольку включает в себя, с одной стороны, мероприятия по созданию социалистических производственных отношений, а с другой - мероприятия по довершению буржуазно-демократической революции, т.е. по ликвидации добуржуазных пережитков в общественной и общественно-экономической жизни. "Буржуазность" этих последних мероприятий очень условна и относительна, т.к. они осуществляются властью не буржуазного, а социалистического либо переходного к социалистическому типа и к тому же отнюдь не с целью расчистки пути для беспрепятственного развития капитализма. Вместе с тем осуществление этих мероприятий на данной стадии не является и началом социалистического переворота в экономическом базисе общества, поскольку еще не создает непосредственно социалистических производственных отношений, а только расширяет почву для их возникновения.

Однако это — только одна сторона дела. Другая его сторона состоит в том, что ликвидация добуржуазных пережитков играет огромную роль в развертывании социалистического переворота в политической надстройке. В условиях революционного кризиса неспособность буржуазии ликвидировать эти пережитки становится одним из важных исходных пунктов для перехода к указанному перевороту как к единственной реальной возможности решительно, последовательно и быстро довести до конца буржуазно-демократическую революцию. В ходе подготовки и проведения социалистического переворота в политической надстройке борьба рабочего класса за уничтожение добуржуазных пережитков в огромной мере способствует привлечению широких трудящихся масс к активному участию в этом перевороте и является действенным фактором создания и укрепления на определенной основе боевого союза рабочих и крестьян, без которого невозможно утверждение диктатуры пролетариата и социалистическое переустройство общества.

Удельный вес буржуазно-демократического и социалистического содержания революции в ее общем социально-экономическом содержании на разных этапах социалистического (народно-демократического) переворота в политической надстройке определяется уровнем экономического развития каждой данной страны к началу этого переворота, а также конкретным ходом развития последнего.

Практика Октябрьской социалистической революции и народно-демократических революций в различных странах свидетельствует, что там, где ко времени социалистического переворота в политической надстройке сохраняются добуржуазные пережитки или колониальные и полуколониальные порядки в области общественных отношений, ликвидация этих пережитков и порядков, т.е. доведение до конца буржуазной революции, может составлять основное и даже иногда почти единственное общественно-экономическое содержание революции на всей стадии указанного переворота или на его начальном этапе. Это несколько не влияет на характер революции как социалистического переворота в политической надстройке, ибо ее характер в данном случае определяется не ее основным общественно-экономическим содержанием на стадии этого переворота, а социалистической классовой природой формирующейся политической надстройки, диктатуры пролетариата. Иначе говоря, классовый характер революции на стадии социалистического переворота в политической надстройке может частично или в основном не совпадать с

ее общественно-экономическим содержанием на данной стадии, ибо он целиком обуславливается сущностью данной революции именно как социалистического переворота в политической надстройке и определяется отнюдь не функциями революционной власти по довершению буржуазно-демократических преобразований в общественных отношениях, но только лишь классовой природой этой власти и ее вытекающей отсюда потенциальной способностью к осуществлению неизмеримо более высоких функций.

Доведение до конца буржуазной революции на стадии социалистического переворота в политической надстройке придает известный "буржуазный" отпечаток не только общественно-экономическому содержанию, но и расстановке классовых сил на этой стадии. В этом случае социалистический переворот в политической надстройке, хотя он в конечном итоге направлен против всех имущих классов, может на всем его протяжении или на отдельных этапах проходить при нейтралитете, либо даже при некоторой поддержке со стороны определенных прослоек мелкой и даже средней буржуазии, заинтересованных в уничтожении добуржуазных пережитков и колониальных и подколониальных порядков. Более того, если этот переворот принимает форму национально-освободительной войны, он, как свидетельствует опыт Вьетнама и Китая, может на известном этапе проходить даже при нейтралитете либо при некоторой поддержке со стороны определенных групп помещиков. Правда, указанная поддержка носит очень условный характер. В первом случае она может иметь место там, где мероприятия, направленные против добуржуазных пережитков и сотрудничающей с оккупантами части буржуазии, не нарушают существенно интересы остальной части буржуазии. Во втором случае она может иметь место лишь там и постольку, где и поскольку революционная власть, руководимая компартией, в силу тех или иных обстоятельств временно не нарушает существенно экономические интересы некоторых групп помещиков, т.е., например, при условии временного отказа революционной власти от политики уничтожения всей системы помещичьего землевладения и проведения ею политики снижения арендной платы за землю в интересах крестьян. Тем не менее эта условная поддержка имеет большое значения для утверждения политической надстройки социалистического типа. Таким образом, расстановка классовых сил на тех или иных этапах социалистического переворота в политической надстройке определяется не только самим характером этого переворота, но в известной мере также общественно-экономическим содержанием

революции на этих этапах.

Это в достаточной мере ясно показал еще пример Октябрьской социалистической революции в России. Она на своей первой стадии (до весны-лета 1918 г.) представляла собою слияние потока борьбы рабочего класса за социалистическое переустройство общества с антипомещичьей борьбой крестьян за землю. "Нам, - говорил В.И. Ленин, - победа досталась легче потому, что в октябре 1917 г. мы шли с крестьянством, со всем крестьянством. В этом смысле наша революция тогда была буржуазной"¹¹. "Первая стадия, первая полоса в развитии нашей революции после Октября, - указывал он в другой работе, - была посвящена, главным образом, победе над общим врагом всего крестьянства, победе над помещиками... На эту борьбу против помещиков не могли не подняться и поднялись в действительности все крестьяне. Эта борьба объединила беднейшее трудящееся крестьянство, которое не живет эксплуатацией чужого труда. Эта борьба объединяла также и наиболее зажиточную и даже самую богатую часть крестьянства, которая не обходится без наемного труда. Пока еще наша революция была занята этой задачей..., - до тех пор революция оставалась общекрестьянской и потому не могла выйти за рамки буржуазных"¹².

Рабочий класс России брал власть в свои руки под лозунгом тесного союза с деревенской беднотой. Однако во время проведения Октябрьского вооруженного восстания и в первый период после него крестьянство в своей основной массе еще не расслоилось политически на прослойки бедняков, середняков и кулаков и выступало как единое целое, как класс мелких собственников, противостоящий помещикам. "Советы объединяли крестьянство вообще. Классовое деление внутри крестьянства еще не созрело, еще не вылилось наружу"¹³. Политически это выражалось в том, что крестьянство в своей основной массе находилось еще под идейным влиянием мелкобуржуазных партий эсеров и левых эсеров, которые выражали интересы не столько крестьянина-труженика, сколько крестьянина-собственника и мелкого товаропроизводителя. Освобождению трудящихся крестьян из-под влияния эсеров и левых эсеров в огромной мере способствовали систематическое разоблачение коммунистами колебаний и непоследовательности тех и других, беззаветная защита ими интересов трудящихся крестьян и систематическое проведение в жизнь курса на самый тесный союз с деревенской беднотой, на превращение ее в опору коммунистической партии

в деревне. В результате всего этого рабочему классу летом-осенью 1918 г., после довершения буржуазно-демократической революции в области общественных и общественно-экономических отношений, удалось окончательно расколоть деревню политически, присоединить к себе деревенскую бедноту и объединить ее против кулаков и буржуазии. Таким образом, "через год после пролетарской революции в столицах наступила под ее влиянием и при ее помощи пролетарская революция в деревенских захолустьях, которая окончательно укрепила советскую власть и большевизм, окончательно доказала, что внутри страны нет сил против него"¹⁴.

Что же касается русской буржуазии, то между ее отдельными прослойками не было серьезных противоречий, вся она пылала бешеной злобой к Советской власти и активно боролась против нее вместе с помещиками и иностранными интервентами. Этим и объясняется тот факт, что вся буржуазия была лишена Советской властью избирательных прав, что в России на стадии социалистического переворота в политической надстройке революция с самого же начала проходила под лозунгом борьбы против всей буржуазии, против буржуазии вообще.

Иначе обстояло дело, например, во всех тех европейских странах, где народно-демократические революции начались в форме народно-освободительной войны против немецко-фашистских оккупантов и сотрудничавших с ними национальных предателей из среды имущих классов. Там класс буржуазии оказался политически расколот. Значительная и экономически наиболее мощная часть ее тесно сотрудничала с оккупантами. Ее другая, патриотически настроенная, часть так или иначе принимала участие в борьбе против оккупантов и национальных предателей и шла, хотя и с большими колебаниями и оговорками, на сотрудничество с рабочим классом и демократическими силами в этой борьбе, а также в борьбе против добуржуазных пережитков. Третья ее часть, особенно в Польше и Югославии, стремилась лишь восстановить довоенные порядки в стране и не допустить утверждения народно-демократического строя; эта последняя воздерживалась от активной борьбы против оккупантов, даже тайно сотрудничала с ними и вела активную борьбу против демократических сил. Что же касается массы патриотически настроенной мелкой буржуазии города и деревни, то она принимала активное участие в борьбе против немецко-фашистских оккупантов и национальных предателей, а также в борьбе против добуржуазных пережитков, охотно шла на сотрудничество с ком-

мунистами и, в конце концов, в ходе социалистического переворота в политической надстройке вышла из-под идейно-политического влияния буржуазных и мелкобуржуазных политических группировок и приняла руководство со стороны рабочего класса. Примерно также обстояло дело и на Кубе в период социалистического переворота в политической надстройке страны.

Если более своеобразная расстановка классовых сил наблюдалась в ходе народно-демократических революций во Вьетнаме и в Китае, проходивших на определенных этапах в форме национально-освободительной войны. Здесь и там не только так называемая "национальная" (т.е. средняя) буржуазия, но и даже какая-то, правда, очень небольшая, часть помещиков принимала участие в национально-освободительной борьбе, поскольку и пока народно-демократическая власть временно воздерживалась от политики конфискации помещичьих земель, конфискуя лишь земли предателей.

Изложенное выше показывает, что межформационные революции социалистического типа на стадии переворота в политической надстройке имеют в различных странах свои национальные особенности в формах и порядке развертывания этого переворота, в своем общественно-экономическом содержании, в развертывании социалистического переворота в экономическом базисе общества, в довершении буржуазно-демократической революции в области общественных и общественно-экономических отношений и, наконец, в расстановке классовых сил. Однако, сколь не велико своеобразие в каждом конкретном случае, всем этим революциям на указанной стадии свойственны одни и те же важные общие черты: создание государства социалистического типа, т.е. основанного на союзе рабочих и крестьян под руководством коммунистической партии, создание необходимых условий для широкого развертывания социалистического переворота в экономическом базисе общества, систематическое и безусловное проведение курса на союз рабочего класса с широкими трудящимися массами, прежде всего с деревенской беднотой, и, конечно же, безусловное использование компартией "трещин" в стане классовых противников с тем, чтобы привлечь на свою сторону массовых союзников (пусть временных, шатких, условных и ненадежных) с целью изолировать главного врага. Указанные существенные общие черты и составляют самые общие для всех стран закономерности межформационной революции социалистического типа на стадии переворота в политической надстройке.

Литература и примечания

- ¹ См. об этом: Гирусов Э.В. Основные исторические этапы взаимодействия общества и природы // Общество и природа. - М., 1981. - С. 55.
- ² См. об этом: Илющеккин В.П. К вопросу о формационной характеристике древнего и средневекового общества в Китае // Социальная и социально-экономическая история Китая. - М., 1979. - С. 25-51.
- ³ См.: Илющеккин В.П. Ф.Энгельс о происхождении общественных классов и государства и данные современной науки // Философские науки. - 1984. - № 6. - С. 21-23.
- ⁴ Там же. - С. 21-22.
- ⁵ Актуальные проблемы развития производительных сил докапиталистических обществ // Философские науки. - 1983. - № 6. - С. 14-15.
- ⁶ Очерки истории техники докапиталистических формаций. - М.-Л., 1936. - С. 212.
- ⁷ См.: Илющеккин В.П. Типы экономической реализации докапиталистической эксплуататорской собственности // Экономические науки. - 1983. - № 9; Его же. О системе и структуре отношений частнособственнической эксплуатации // Изв. АН СССР. Сер. экон. - 1984. - № 4; Его же. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. - М., 1980.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См., напр.: Селезнев М.А. Социальная революция. - М., 1971. - С. 250-261.
- ¹⁰ См., напр.: Удальцова З.В., Гутнова Е.В. Генезис феодализма в странах Европы. - М., 1970.
- ¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 37. - С. 508.
- ¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 37. - С. 352-353.
- ¹³ Там же. - Т. 37. - С. 313.
- ¹⁴ Там же. - Т. 37. - С. 315.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

О.Р. Квирквелия

Понятие "модель" по-разному трактуется исследователями в зависимости как от их специальности, так и общеметодологических установок. Не вдаваясь в подробное рассмотрение этой дефиниции, мы в данной работе будем понимать модель как абстрагированное выражение основной сущности исследуемых явлений и процессов объективного мира. В основе моделирования лежит логическая теория подобия, а модель выступает в качестве приближенного аналога изучаемых явлений и процессов. Модель может представлять собой уравнение, систему уравнений, набор правил, таблицу соответствия между значениями признаков и т.п. Раньше всех начали применять методы моделирования историки-аграрники¹, что было обусловлено наличием массовых исторических источников, с одной стороны, и с другой — обилием в них цифрового материала. Аналогичные причины определяли применение методов моделирования и в социально-экономической и историко-социологической областях. Значительно менее опутимо их проникновение в изучение исторических процессов достатистического периода и проблем историко-культурных и социально-политических. Это легко объяснимое явление. Отсутствие массовых источников порождает "заколдованный круг: с одной стороны, именно ввиду отсутствия сведений источников моделирование могло бы иметь познавательную значимость..., а с другой стороны, отсутствие сведений источников обуславливает гипотетичность моделирования"². Именно эта двойственность ситуации породила, по всей вероятности, дискуссию вокруг опыта имитационного моделирования исторического процесса, предпринятого А.С. Гусейновой, Д.Н. Павловским и В.А. Устиновым³. Наиболее жесткую позицию занял И.Д. Ковальченко⁴. Он, в целом скептически оценивая возможность применения имитационного моделирования в истории, оговаривает определенную, хотя и небольшую, познавательную значимость имитационно-альтернативных моделей, полностью отвергая модели имитационно-контрфактические. На

прямо противоположных позициях стоит Н.Н. Моисеев, утверждавший, что "имитация - это основной инструмент системного анализа... это путь к реконструкции: логика связей позволяет заполнить недостающие связи..."⁵. Попробуем проанализировать некоторые положения этой дискуссии.

Прежде всего, каковы условия, обеспечивающие применимость того или иного метода в исторических исследованиях? Одно из них, накладываемое на применяемые методы, состоит в том, что между традиционными и новыми методами должна прослеживаться тесная гносеологическая связь, что неоднократно отмечалось исследователями. "Потребность в использовании определенной методики и теоретических построений в некоторой области знаний и оценка эффективности такого использования познавательных средств должны быть поставлены в связь с состоянием и задачами этой области знания, а не привноситься извне"⁶.

Другим условием, определяющим возможности использования новых методов, в том числе моделирования, является обеспечение достаточного уровня теоретизации исторической науки. В докладе М.А. Розова "Проблемы теоретизации гуманитарного знания", прочитанном на проходившей в марте 1984 г. в г.Суздале школе-семинаре "Моделирование в гуманитарных науках: предпосылки, проблемы и перспективы", отмечалось, что существует и достаточно распространена тенденция подмены теоретизации науки ее математизацией. Методологическая необоснованность такого подхода, равно как и необходимость обусловленности применения математических методов традиционными подходами особенно наглядно проявляется в разработках с применением методов моделирования, одним из основных достоинств которых является относительная доступность и легкость сождения этих условий.

Интересным моментом дискуссии является полемика по поводу применимости отдельных типов моделей. Она начинается с самого понятия имитационного моделирования. Здесь можно различить три мнения (хотя они в большинстве случаев присутствуют в дискуссии лишь имплицитно): 1) любая модель есть имитация, поэтому понятие "имитационное моделирование" тавтологично (большинство историков традиционного направления); 2) имитация есть точная копия, которая в истории недостижима, т.е. имитационное моделирование в истории неприменимо (К.В. Хвостова); 3) имитация - не точная, а лишь приближенная, обобщенная копия изучаемого явления или про-

цесса и тем самым вполне применима в исторических исследованиях (В.А. Устинов). Здесь кажется важным то, что оценивается по форме модели, в то время как само понятие отражает цель ее создания. Действительно, по цели своего создания модели могут быть как имитационными, так и неимитационными при этом хотя создание точной копии исторического явления или процесса невозможно, но цель такая поставлена быть может. Тогда оценкой качества моделирования выступает степень адекватности отображения в ней изучаемого явления.

Далее возможна классификация уже самих имитационных моделей. И.Д. Ковальченко, как мы уже отмечали, различает модели альтернативные и контрфактические. Последняя дефиниция представляется некорректной, т.к. любое моделирование базируется на фактах и тем самым контрфактическим быть не может. Следуя же уже изложенному принципу различения моделей по цели их создания, можно говорить, видимо, о моделях структурных, т.е. тех, в которых по имеющимся элементам воссоздается структура изучаемого явления или процесса, и элементных, в которых структура известна и стоит задача реконструкции ряда элементов. Понятие структурного моделирования широко используется, в частности, К.В. Хвостовой.

Следовательно, область применения таких моделей – изучение тех явлений или процессов, которые заведомо обладают достаточно жесткой структурой, некоторые характеристики которой известны исследователю. Если представить единичные факты, вводимые в модель, как точки в некоем пространстве, а знания о характере их связей – как некие ограничения, накладываемые на построения, то задача реконструкции структуры не кажется нам ни абсурдной, ни контрфактической. Иное дело, безусловно, когда знания о структуре изучаемого явления или процесса отсутствуют или само явление не представляется жестко структурированным. Тогда построения подобного типа действительно гипотетичны, также, впрочем, как и построения моделей имитационно-элементных. Таким образом, наличие жесткой структуры у изучаемого явления или процесса – необходимое, как нам кажется, условие успешного моделирования.

В дискуссии внимание ее участников было сконцентрировано также на гипотетичности результатов моделирования. При этом, видимо, подразумевалось, что гипотетичность построений при неполноте источников характерна только (или прежде всего) для имитационного моделирования и не свойственна традиционным методам. Но чем же тогда можно объяснить наличие осно-

ванных на одних и тех же источниках конкурирующих, а иногда и просто взаимоисключающих концепций, созданных в рамках традиционных методов? Случаи неоднозначности получаемых результатов наверняка хорошо известны любому исследователю истории достатистического периода. Следовательно, гипотетичность реконструкций в истории данного периода характерна как для имитационного моделирования, так и для традиционного анализа. Однако существенное различие все же есть: степень гипотетичности модели вычисляема. Наиболее простой способ ее определения сводится к сопоставлению количества "мыслимых" вариантов с вероятностью наступления данного конкретного варианта. Измеряемость, а следовательно, и контролируемость степени гипотетичности модели дает этому методу значительные преимущества. К.В. Хвостова отмечает, что "проверка постулатов теоретической концепции с помощью данных источников — специфическая форма эмпирической проверки в исторической науке. Более того, возможности эмпирической верификации в истории расширяются благодаря применению математических методов. В этом случае можно восстановить утраченную историческую информацию... И эта восстановленная информация или может быть использована в целях верификации или же благодаря получению дополнительной информации другие содержащиеся в исторических источниках сведения приобретают новую свидетельскую ценность и дают возможность верифицировать сделанные выводы"⁷.

Однако, как нам кажется, гипотетичность результатов не является главным критерием оценки имитационного моделирования, и даже не то, что для определенного круга задач оно является единственно возможным методом исследования. Участники дискуссии постоянно обращаются за примерами к анализу исторического процесса. В то же время у моделирования могут быть и другие задачи, и другие объекты исследования. Расширение возможной сферы его применения позволяет по-иному сформулировать и проблему гипотетичности его результатов: нет ли в исторических науках таких задач, по отношению к которым гипотетичность результатов решения была бы правомерна и полезна? Мы беремся утверждать, что есть и прежде всего в исследованиях по истории исторической науки.

Выявление конкретно-исторической методологии исследования того или иного автора — весьма важная и насущная задача современной историографии. Однако ее решение традиционными методами весьма затруднено в связи с тем, что многие теоре-

тические и методологические построения присутствуют в исторических трудах лишь имплицитно. И именно "обращение к математическим методам позволяет в точности воспроизвести процедуру исследования, выполненную данным ученым, что, как известно, исключается при интуитивном и качественном уровнях исследования"⁸. В этом случае, пользуясь выражением Г.В. Плеханова, можно сказать, что модель "говорит не о том, как шла история, а о том, как она должна была бы идти, чтобы заслужить одобрение" историка⁹. Соотнесение ее с реальным ходом событий дает неоценимые возможности анализа концепции автора, определения степени достоверности его выводов, а главное — внеисточниковых и общеметодологических основ его методов исследования, что составляет значительные трудности при применении традиционного историографического метода. Правомерен, очевидно, аналогичный подход и к анализу конкурирующих концепций одной и той же проблемы. Отметим здесь же, что в России период вплоть до первой трети XX века характеризуется преимущественно декларативным характером изложения получаемых историками выводов и только позже в печатные труды стала проникать "кухня" исследования, наиболее важная для целого ряда историографических проблем. Учитывая, что в некоторых случаях мы имеем дело с исследованиями недошедших до нас источников (например, Слово о полку Игореве), получение возможности реконструировать ход исследования автора приобретает особо важное значение.

Круг задач, в рамках которого применимо имитационное моделирование, существует и в источниковедении. Речь идет прежде всего о конструировании "стандарта", "эталона" текстов определенного типа (летописей, речей, повестей и т.п.). Это направление хорошо известно по исследованиям, проведенным традиционными методами, но может получить значительно большее право на существование с привнесением в него методов моделирования. Тогда работа с реконструированными источниками сможет быть поднята на более высокий методологический уровень. Кроме того, известно, что выяснение соотношения объективного и субъективного в источнике — одна из наиболее распространенных в источниковедении. Однако ее решение существенно затрудняется тем, что сопоставляя один источник с другим, мы сравниваем не объективное и субъективное, а одно субъективно-объективное с другим. Напрашивается мысль о необходимости привлечения в исследование некоего третьего, условно- или хотя бы измеряемо-объективного (абсолютная объ-

активность, как известно, не достижима), в качестве которого и может выступать смоделированный "эталон" текста. Нам кажется перспективной в этом плане задача выявления умолчаний, искажений и неадекватных отображений объективной реальности в историческом источнике при помощи моделирования "эталона" текста на базе усредненной характеристики текстов исследуемого типа.

Теоретическое обоснование применимости имитационного моделирования в источниковедении кроется в характере источниковедческих гипотез и догадок. Эта тема получила отражение в статье Я.С. Дурье "О гипотезах и догадках в источниковедении", где отмечено, что гипотезой именуется такое предположение, которое должно объяснить определенную, объективно существующую совокупность явлений¹⁰. Некоторое утверждение представляет собой гипотезу тогда и только тогда, когда оно, во-первых, непосредственно или опосредованно относится к пока или в принципе наблюдаемым фактам и, во-вторых, может быть уточнено и исправлено при наличии нового знания¹¹. В отличие от гипотезы, полагает Я.С. Дурье, догадкой в логике именуется любое, ничем не ограниченное предположение о факте, вытекающее не столько из фактического материала, сколько из недостатка знаний по какому-либо вопросу: гипотеза строится на необходимости, догадка - на возможности. Однако опасностью для источниковедения догадки становятся только в том случае, если они кладутся в основу научного построения. Понятно, что именно моделирование в силу своей жесткой системы и структуры дает возможность различать гипотетические и гиполетические построения, правильно оценивать те или иные построения, обнажая степень их связи с фактическим материалом и обусловленности поставленными задачами.

Существует еще один аспект в применимости данного метода. С начала XIX в. "фактологическое, потребительское" отношение к источнику уступило место восприятию культуры прошлого в категориях, адекватных представлениям изучаемого времени... При таком подходе возможным становится выявление субъективной позиции информатора, его оценки, т.е. встает задача постижения мировидения создателя памятника прошлого в целом, определяющего частные суждения... Имманентный подход к анализируемому материалу заключается не в простом, по большей части фрагментарном извлечении интересующих нас сведений, а в попытке уловить внутреннюю динамику данных, установить причину появления именно тех, а не иных сведе-

ний"...¹². Это направление в источниковедении тесно смыкается с рядом проблем создания "искусственного интеллекта", решаемых также при помощи моделирования¹³.

Еще один круг проблем связан с комплексным источниковедением. В.Л. Янин отмечает, что "правильное исследование любой проблемы истории должно опираться не на специфически ограниченную группу источников..., а на исчерпывающую совокупность этих источников или на достаточно репрезентативное их сочетание. Источниковедение обязано быть комплексным... Синтез источников в едином исследовании - главное средство развития исторической науки сегодня, а нашей главной задачей должно стать совершенствование приемов этого синтеза"¹⁴. Однако соединение разнотипных источников не может быть механическим, оно требует выявления соотношения уникального и обыденного, объективного и субъективного в каждом анализируемом типе источников, определения их функциональной направленности, принципов отбора фактов для отображения и целого пласта проблем, имеющих огромную ценность для исторического исследования, однако, почти не затронутых еще в историографии. Изучение их не может носить единовременного характера, но это не значит, что применение моделирования в комплексном источниковедении следует откладывать на неопределенный срок. Для него, а также для ряда других задач могут быть применены модели, основным свойством которых является внутренняя непротиворечивость. Особенность такой модели заключается в том, что все первоначально вводимые в нее данные обладают некоторой, иногда достаточно большой гипотетичностью, причем каждый элемент модели изолированно не может быть верифицирован и аргументирован. Решением модели и одновременно всех ее элементов является нахождение той системы связей, которая обеспечивает параллельную верификацию всех уровней построения. Естественно, что наиболее применим этот подход к изучению явлений, структура которых не известна. В качестве теоретического основания применимости этого типа модели приведем некоторые рассуждения, сделанные совместно с А.К. Станковичем. Утрата историческим источником информации может быть сопоставлена с процессом нарастания его энтропии. Тогда историческое исследование есть антиэнтропийный процесс, в ходе которого уменьшение энтропии происходит дважды: за счет возвращения объекту его первоначального или близкого к таковому вида (реставрация) - происходит в условном времени, - и за счет выявления и уточнения связей и эле-

ментов замкнутой системы, в рамках которой проводится исследование - происходит в условном пространстве. При этом условное время не только не однонаправлено относительно реального, но и многослойно: различные элементы системы могут в один и тот же момент реального времени проходить через разные моменты условного (разные этапы реконструкции). В процессе исторической реконструкции возможно движение как по ряду параллельных, так и встречных потоков в пространственно-временном континууме. Ограниченная область пересечения этих потоков и является непротиворечивым решением данной модели или же, иначе говоря, реконструктивным источником. При подобном подходе необходимо учитывать, что разные типы источников и даже различные элементы модели по-разному утрачивают свои связи, а также то, что при формировании замкнутой системы реалии (выборе объектов) происходит нарастание энтропии, которая на следующем этапе - формирования языка описания - переход от реалии к абстракции - становится еще выше в связи с целенаправленной утратой части информации (схематизации изучаемого явления или процесса). При дальнейших операциях с абстракцией происходит как уменьшение энтропии за счет реконструкций, так и увеличение ее за счет полноты и корректности априорных построений. Степень приближенности реконструктивной модели к реалии определяется тем, какой из процессов превалировал в ходе исследования.

Практически вплотную подошел к построению внутренне непротиворечивой модели В.Л. Янин в своей работе "Актовые печати Древней Руси X-XV вв." (М., 1970). Имея "список" лиц, которые могли обладать печатью, в некоторых случаях - их христианские имена, сами печати, а также представления о закономерностях изображений на печатях, В.Л. Янин предпринимает попытку атрибутировать все или подавляющую часть печатей. При этом каждая конкретная атрибуция в большинстве случаев в той или иной степени гипотетична, критерием же верификации всей системы и каждой конкретной атрибуции в частности выступает совпадение списка князей, имевших право на печати, со списком печатей. Конечно, в отдельных случаях возможен пересмотр той или иной атрибуции, но опять-таки в рамках предлагаемой В.Л. Яниным системы. В противном случае требуется полная смена всей системы, в том числе и тех ее элементов, которые атрибутированы абсолютно однозначно, на некую иную систему, не менее достоверно атрибутирующую все рассматриваемые В.Л. Яниным печати. Генетическая связь тако-

го подхода с излагаемой выше методикой построения внутренне непротиворечивых моделей очевидна.

Таким образом, как нам кажется, в ряде случаев гипотетичность результатов имитационного моделирования не может оцениваться однозначно отрицательно. И косвенным подтверждением этого является тот факт, что параллельно с ходом дискуссии появились новые конкретно-исторические исследования в этом направлении, причем в плане историко-культурных и историко-социальных работ разработки касается трех основных вопросов: 1) атрибуция текстов, выявление авторского стиля¹⁵; 2) модели "поведения" отдельных лиц и коллективов в социально-политической истории¹⁶; 3) реконструктивные модели концепций историков и исторических персонажей¹⁷.

Интересные наблюдения можно сделать при сопоставлении исторических работ с применением моделирования советских и зарубежных авторов. Совпадая в целом по направлениям, они существенно различаются по целям создания моделей. Если западные историки видят в модели интерпретируемый результат, то советские ученые оценивают ее как инструмент в ходе дальнейшего исследования¹⁸. В то же время западными историками поднимаются вопросы, связанные с методологическими проблемами моделирования в истории: о необходимости совмещения логических концепций и моделей¹⁹, построения теоретической базы и качественной модели явления, формирования и проверки гипотез²⁰ специфики моделирования в исторических исследованиях²¹.

Все исследователи, высказывавшиеся по этому поводу, согласны в том, что модели математической должны предшествовать модели качественная. Более того, указывается на ее чрезвычайно важную роль не только в процессе моделирования, но и в историческом исследовании вообще. В то же время сложилась парадоксальная ситуация: существуют работы, посвященные анализу традиционных методов исследования²², посвященные методам математического моделирования (как в исторических науках, о чем мы уже упоминали, так и вне связи с ними²³), историография же проблем качественного моделирования поразительно скудна.

Под качественной моделью, как правило, понимается "система условий, предположений, ограничивающих число возможных альтернатив. Они отражают представления исследователя-историка о содержательном характере процесса, о его особенностях, о возможных мотивах поведения и т.д."²⁴, или же, иначе

говоря, структурированное представление внеисточникового знания, гипотез, терминов, а также критериев верификации в интерпретации, положенных в основу исследования. Видимо, закономерно, что внимание исследователей в данной области сосредоточилось на проблемах формализации различных элементов модели как на первой и, казалось бы, наиболее необходимой ступени ее создания²⁵. Кроме того, за счет конкретно-исторических исследований с применением методов моделирования накоплен некоторый опыт в этом направлении, хотя существенным его недостатком является отсутствие в тексте большинства работ описания и обоснования применяемой методики формализации. Существует также ряд работ, совершенно, правда, не связанных с моделированием, о структуре исторического знания и его отдельных компонентах²⁶. Что же касается работ, посвященных изложению собственно методики разработки качественных моделей, то мы их назвать не можем (хотя сами эти модели присутствуют в исследованиях многих авторов). В связи с этим в процессе моделирования исследователь вынужден выступать в качестве теоретика и методолога, что постоянно уводит его в сторону от решения конкретной задачи. В то же время именно это обстоятельство определяет, как нам кажется, огромную, еще не до конца осознанную познавательную ценность моделирования в истории, причем носителем этой ценности является не в той или иной степени гипотетичный результат, а сам процесс создания модели, в ходе которого определяются и описываются все или основные компоненты концепции, выявляются ее слабо разработанные элементы, становится наглядной размытость тех или иных терминов и т.д., т.е. делаются очевидными не только необходимость разработки конкретно-исторической методологии, но и наиболее перспективные ее направления. Понятно также, что в результате становится возможной повторяемость и проверяемость хода исследования.

Однако необходимость поиска решений в области теории, методологии, методики и практики параллельно, в рамках одного исследования, безусловно, тормозит проникновение методов качественного моделирования в исторические науки. И существенным здесь оказывается отсутствие конкретных методик. Перспективность применения методов моделирования в истории и их связь с качественной моделью изучаемого явления базируется на предположении, что качественная модель есть у каждого исследователя, причем в ней соблюдаются требования корректности. В то же время традиционные методы базируются в ос-

новном на интуитивных оценках источников и возможностей их изучения. Это, казалось бы, должно приводить к разногласиям мнений и способов анализа, однако, рассмотрение конкретных исследований приводит к выводу, что методы, используемые историками, более или менее стандартны и повторяются от исследования к исследованию, от одного автора к другому даже вне зависимости от смены задач. Это обуславливает принципиальную возможность модификации традиционных методов в рамках задачи разработки методики создания качественных моделей.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Кахк Ю.Ю., Лиги Х.М. К вопросу об экономическом положении и феодальных повинностях крестьян в Эстляндской губернии в XVIII в.: (Опыт применения электронно-счетных машин в историческом исследовании) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. - Минск, 1964; Ковальченко И.Д., Устинов В.А. О применении ЭВМ для обработки историко-статистических материалов // Вопросы истории. - 1964. - № I; Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. - М., 1967; и др.
2. Хвостова К.В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. - М., 1980. - С. 51.
3. Опыт имитационного моделирования исторического процесса. - М., 1984.
4. Ковальченко И.Д. О моделировании исторических явлений и процессов // Вопросы истории. - 1978. - № 8; Количественные методы в исторических исследованиях. - М., 1984. - С. 72-78.
5. Моисеев Н.Н. О моделировании исторического процесса. Вступительная статья // Гусейнов.А.С., Павловский Ю.Н., Устинов В.А. Опыт имитационного моделирования.... - С. 17.
6. Хвостова К.В. Количественный подход.... - С. 6.
7. Хвостова К.В. Количественный подход.... - С. 26.
8. Хвостова К.В. Количественный подход.... - С. 25.
9. Плеханов Г.В. Сочинения. - М.-Л., 1925. - Т.УП. - С. II2-II3.

10. Источниковедение отечественной истории. 1976. - М., 1977. - С. 26-41.
11. Карпович В.Н. Проблема, гипотеза, закон. - Новосибирск, 1980.
12. Бибиков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1980. - М., 1981. - С. 33.
13. Луков В.Б., Сергеев В.М. Опыт моделирования мышления политических деятелей. Отто фон Бисмарк, 1866-1876 гг. // Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и ее моделирование. - М., 1983.
14. Очерки комплексного источниковедения. - М., 1977. - С.20-21.
15. Напр., Бородин Л.И., Морозова Л.Е. Опыт использования математических моделей и ЭВМ в текстологических исследованиях // Количественные методы в гуманитарных науках. - М., 1981.
16. Пименов В.В. Системный подход к этносу: Доклад на школе-семинаре "Методологические и методические проблемы историко-типологических исследований". - Ростов-Ярославский, 1986 и др.
17. Напр., Сергеев В.М. Модель человека в историко-культурных исследованиях // Там же. См. также сноску 13.
18. Напр., Hammarberg M. The Analysis of Historical American Electoral Data. - Tallinn, U.S. - USSR Colloquium on Quantitative Research in History, 1981; К. Леви-Строс. Структурная антропология. М., 1985.
19. Pfaffe R., Wilke L. Kliometrishe Studie zur Struktur und Entwicklung der deutschen Landwirtschaft im Faschismus: Faktoranalyse und Regressionstheorie in agrar economischen modelanalyse. - Berlin,
20. Dollar Ch.M., Jensen R.Y. Historian's Guide to Statistics: Quantitative Analysis and Historical Research. - Chicago, 1971.
21. The Rules of the Game: Cross-Disciplinary Essays on Model in Scholarly Thought / Ed. T. Shanin. - London, 1972.
22. Напр., Арсеньев А.С. Историзм и логика в марксистской теории // Историческая наука и некоторые проблемы современности. - М., 1969; Гувьянова А.Н. К вопросу о понятии метода исследования в исторической науке

- // Гуманитарная теория и научно-техническая революция. Калинин, 1975. - Вып. I; Она же. Метод исторической науки: его сущность и функции // Эмпирическое и теоретическое в гуманитарном познании. - Калинин, 1978; и мн.др.
23. Напр., Математические методы в социальных исследованиях. - М., 1973; Бестужев-Лада И.В., Варыгин В.Н., Малыхов В.А. Моделирование в социологических исследованиях. - М., 1978; др.
 24. Гусейнова А.С., Павловский Ю.Н., Устинов В.А. Указ. соч. - С. 17.
 25. Хвостова К.В. Указ. соч.; Барг М.А. О некоторых предпосылках формализации исторического исследования // Проблемы всеобщей истории. - Казань, 1967; - Вып. I; Деопик Д.В. Некоторые принципы построения формализованных языков для исследования исторических источников // Количественные методы в гуманитарных науках. - М., 1981.
 26. Андреев Г.М. Методологическая роль теорий на разных этапах социального исследования // Вопросы философии. - 1964. - № 7; Гугнин А.М. Методологические проблемы познания исторического процесса (о структуре методологии исторической науки). - Философия и современность. - Днепропетровск, 1976; Лаптин П.Ф. О роли гипотезы в историческом исследовании // Вопросы истории, 1967. - № 4; Ракитов А.И. К вопросу о структуре исторического исследования // Философские проблемы исторической науки. - М., 1969; Топольский Е. О роли внеисточникового знания в историческом исследовании // Вопросы философии. - 1973. - № 5; Уваров А.И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. - Калинин, 1973; и др.

Авторы

Ю.И. Матюс - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Тартуского гос. университета.

Р.А. Вихалеми - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Тартуского гос. университета.

Л.Я. Няпинен - кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Тартуского гос. университете.

Я.Л. Кивистик - аспирант кафедры философии Тартуского гос. университета.

В.В. Зибен - кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Тартуского гос. университета.

Т.И. Киллак - преподаватель кафедры философии Тартуского гос. университета.

С.Х. Камнике - заочный аспирант кафедры философии Тартуского гос. университета.

В.П. Илюшечкин - доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.

О.Р. Квирквелия - младший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

С о д е р ж а н и е

Ю.И. Матьяс. Три концепции идеального. Размышления по поводу монографии Д. Дубровского	3
Р.А. Вихалемм, Л.Я. Няпинен. Принцип историзма в научной программе И.Пригожина (о противоречии между классической научной картиной мира и исторической действительностью)	24
Я.Л. Кивистик. Начало философского осмысления науки ..	39
В.В. Зибен. Философские предпосылки физики Христиана Вольфа	59
В.В. Зибен. Понятие философии у Христиана Вольфа	78
Т.И. Киялак. Об осмыслении понятия "Weltanschauung" В.Ф.И. Шеллингом	92
С.Х. Каннике. Проблема взаимоотношения права и революции во взглядах немецких юристов XIX - начала XX века (Методологические аспекты)	105
В.П. Илющеккин. Структура межформационных революций и их некоторые особенности	124
О.Р. Квирквелия. Проблема применения методов моделирования в советской историографии	140
Авторы	153

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 786.
СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗНАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР
НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.
Труды по философии XXXII.
На русском языке.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Оликооли, 18.
Ответственный редактор Р. Вихалемм.
Корректор И. Пауска.
Подписано к печати 20.10.1987.
МВ 10711.
Формат 60х90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 9,54. Печатных листов 9,75.
Тираж 450.
Заказ № 774.
Цена 1 руб. 90 коп.
Типография ТТУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.